

Annotation

Сколько разнообразных легенд и историй ходит о великих шпионах и лазутчиках японского средневековья – ниндзя. Это – люди-невидимки, способные в мгновение ока исчезать из виду, убивать своего соперника легким нажатием пальцев или даже взглядом. Это – кланы воинов-убийц, в которых с детства воспитываются удивительные бойцы; каждый из них может справиться с несколькими подготовленными самураями. Сегодня о них сняты десятки фильмов, написаны романы.

Но каковы же настоящие ниндзя?

Об этом – новый бестселлер Алексея Маслова.

-
- [Алексей Александрович Маслов](#)
 - [НИНДЗЯ: ГЕРОИ, НАЁМНИКИ И ПРЕДАТЕЛИ](#)
 - [МАГИ, ОТШЕЛЬНИКИ И ВОИНЫ](#)
 - [МИР, ПОКРЫТЫЙ МРАКОМ](#)
 - [ПРЕДАННОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО](#)
 - [ВОССТАНИЕ НИНДЗЯ](#)
 - [ЧЕЛОВЕК СОКРЫТЫХ ФОРМ](#)
 - [НИНДЗЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ?!](#)
-

**Алексей Александрович Маслов Школа
ниндзя. Тайны воинов тьмы**

**НИНДЗЯ: ГЕРОИ, НАЁМНИКИ И
ПРЕДАТЕЛИ**

«Post mortem nihil est; ipsa que mors nihil».
«После смерти нет ничего;
да и сама смерть – тоже ничто».

Фраза в римском театре

Сколько разнообразных легенд и историй ходит о великих шпионах и лазутчиках японского средневековья – ниндзя. Это – люди-невидимки, способные в мгновение ока исчезать из виду, убивать своего соперника лёгким нажатием пальцев или даже взглядом. Это – кланы воинов-убийц, в которых с детства воспитываются удивительные бойцы; каждый из них может справиться с несколькими подготовленными самураями. Сегодня о них сняты десятки фильмов, написаны романы.

Сотни западных школ «искусства ниндзя» – ниндзюцу – зазывают к себе учеников. Ниндзя на западный манер сегодня может стать практически каждый: в магазине можно купить униформу тайных бойцов – тёмные обтягивающие костюмы с масками, закрывающими нижнюю часть лица, особые «когти» на руки и на ноги, позволяющие лазать по гладким поверхностям, метательные звёздочки – сюрикэны, короткие и длинные мечи, цепи, боевые серпы и многое другое. Нетрудно купить и общедоступные учебники. Но каковы же настоящие ниндзя?

Считается, что все сведения о ниндзюцу всегда хранились в строгом секрете и передавались лишь по семейной линии. Отчасти это так – не случайно в крупнейших школах ниндзюцу направления Ига-рю писали собственной кровью особые клятвы о неразглашении тайн этого искусства. Но всё же существует несколько десятков специальных трактатов по ниндзюцу, а известный японский историк С. Ямагути приводит список из 24 таких текстов (Ямагути С. Ниндзя-но-сэйкацу (Жизнь ниндзя). – Токио, 1969). Причём трактаты эти весьма подробны, они содержат сотни методик изготовления ядов, выживания в экстремальных условиях, методы тренировки ниндзя, использования различных видов оружия. Например, одной из самых замечательных книг в этой области является прекрасно иллюстрированный трактат «Бансэн Сюкай», составленный в 1676 г. неким Фудзибаяси Ясутакэ. В 1861 г. его родственником, мастером Фудзибаяси Масатакэ, был написан другой не менее знаменитый трактат по ниндзюцу – «Сэнин-ки» («Записки о бессмертных»). Мы ещё не раз будем возвращаться к этим текстам, ставшим настоящей энциклопедией искусства «тайных воинов».

Немало полезных сведений о деятельности ниндзя можно извлечь из хроник того времени. Например, знаменитое восстание ниндзя в провинции Ига подробно описано в трактате «Синсёку-ки», представляющем хронику жизни Оды Нобунаги, который и подавил это восстание. К сожалению, многие западные авторы, увлечённо пишущие о ниндзюцу, редко удосуживаются сверить свои фантазии с действительностью и обходят эти тексты стороной. На этом фоне необходимо отметить блестящее исследование английского япониста Стивена Тернбала по истории ниндзюцу (Turnbull S. Ninja: The True Story of Japan's Secret Warrior Cult. London, 1991). Книга создана исключительно на основе исторических документов и трактатов и, пожалуй, является единственной работой, которая показывает реальный мир японских ниндзя. Эту японскую действительность мы и примем за критерий изложения.

Разведчики синоби и японская культура шпионажа

Прежде всего попробуем разобраться, как называли ниндзя в Японии. Как ни странно, слово «ниндзя» употреблялось достаточно редко. Буквально иероглиф «нин» может переводиться как «терпеливый», «умеющий ждать». «Дзя» – это модулятор, означающий «человек». «Нин» также имеет много других значений – «сносить», «обуздывать [страсти]», «служить», «исполнять обязанности». А поэтому романтический образ «терпеливого воина» или «человека, обуздывающего страсти», вполне может превратиться в более реального «служивого» или «наёмника», что скорее всего ближе к истине. Конечно, никто не хотел считать себя простым наёмником и предпочитал мужественный образ «терпеливого воина». По понятным причинам именно эта

трактовка и прижилась на Западе, хотя, как будет видно в дальнейшем, ниндзя были ничуть не более терпеливыми и выдержанными, чем любые другие воины.

Вполне возможно, что название этих шпионов-наёмников происходит от буддийской трактовки термина «нин», который обозначает «землю терпения», т. е. мир действительности в отличие от нирваны. А поскольку воинская культура Японии была привязана к буддийской символике, то можно предположить, что ниндзя соотносили свою деятельность именно с буддийскими реалиями.

Большинство японских иероглифов имеют два чтения – традиционное китайское «кандзи» (по сравнению с собственно китайским языком оно сильно искажено) и японское. «Ниндзя» – это именно китайское чтение иероглифов, хотя обычно используется японское – «синоби»: между иероглифом «нин» и «дзя» вставляется модулирующая частица «би». Полностью всё слово произносится как «синоби-но-моно», хотя в хрониках, театральных пьесах, литературных произведениях мы чаще встретим более краткое слово «синоби».

Именно словом «синоби» в японских хрониках обычно именуют тех людей, которых мы имеем в виду, говоря о ниндзя. Были они прежде всего профессиональными лазутчиками и шпионами, блестящими специалистами по штурму крепостей и в самую последнюю очередь – наёмными убийцами. Их искусство испокон веков передавалось в семьях по наследству, особенно в провинциях Ига и Кога, где возникли два крупнейших направления ниндзюцу – Ига-рю и Кога-рю. Занятие этих людей было необходимым в средневековой Японии. Синоби изначально являлись наёмниками и служили всегда тем, кто им больше платил. С этой стороны психологии синоби мы ещё не раз столкнёмся в нашем повествовании.

Помимо определений «ниндзя» или «синоби» существовали и другие. Например, трактат «Ходзэ Годай-ки» называет их «куса». Новый термин встречается в подробном жизнеописании знаменитого клана Такэда «Коё Гункан», где их именуют «кагимонихики», что дословно означает «вынюхивающие и подслушивающие». Столь же чётко определяют предназначение ниндзя и их самоназвания, например «кансё» (шпион) или «тэйсацу» (разведчик).

Ниндзя почти никогда не носили чёрных одежд с масками, известных по кинофильмам: хорош был бы шпион, который выдаёт себя с головой, переодеваясь в особую униформу! В реальности синоби одевались «под окружающую среду»: с монахами ходили в рясах, с воинами – в латах, по деревням бродили в рваных кимоно. Знаменитые чёрные одежды вошли в обиход японских лазутчиков лишь с XVIII в. и использовались крайне редко, в особых боевых ситуациях. В основном же их можно было видеть на традиционных картинках, где визуально подчёркивалось отличие ниндзя от обычного самурая.

Вот ещё один привычный стереотип – ниндзя якобы боролись с самураями. Будучи наёмниками, ниндзя не столько «боролись с самураями», сколько выполняли задания одних самураев против других; к тому же многие ниндзя сами были самураями.

Социальный состав ниндзя был самым пёстрым: среди них можно было встретить самураев, выходцев из простолюдин, торговцев и даже потомственных аристократов. И самое главное, что следует отметить, – никакого отдельного слоя ниндзя никогда не существовало, это было лишь обобщающим названием для людей разных социальных групп, занятых в специфической «профессии».

Хотя среди ниндзя и встречались выходцы из народной среды, они являлись членами клановых закрытых школ (в сущности, других школ боевых искусств тогда и не было), которые с простолюдинами себя никогда не ассоциировали. А вот народная молва действительно была не прочь приписать ниндзя «простоту и доступность» – отсюда и пошли рассказы о ниндзя, которые защищали простой народ от грабителей-самураев. Кроме легенд, никаких исторических подтверждений этого факта я не встретил. Возможно, это объясняется тем, что деревенские отряды самообороны нередко именовали себя «ниндзя», хотя никакого отношения к «вынюхивающим и подслушивающим» не имели и специальной подготовки не получали.

Широко известного нам сегодня слова «ниндзюцу» – «искусство ниндзя» или «искусство терпеливых» – в Японии не было вплоть до наших дней. Оно возникло по

аналогии с «дзю-дзюцу», «айки-дзюцу» для обозначения того комплекса дисциплин, которым некогда должны были овладеть ниндзя. Но никакой определённой, единой программы «ниндзюцу» никогда не существовало. И все западные учебники по «ниндзюцу» – не более чем современные компиляции из каратэ, дзюдо, кэндо и многого другого.

Итак, ближе всего к привычному нам термину «ниндзя» стоят понятия «наёмник», «шпион» или «разведчик» в самом широком смысле этих слов. Искусство шпионажа приходит в Японию из Поднебесной империи сначала в виде трактатов по воинским искусствам. Вероятно, одним из первых попал в VIII в. в Страну восходящего солнца знаменитый труд «Сунь-цзы» (в японском чтении «Сунси»), где описывались способы использования армейских шпионов. Его полное название – «Сунь-цзы бин фа» («Сунь-цзы о военном искусстве»), и создан он был в V–IV вв. до н. э. Но именно в культуре Японии, воинской по сути, искусство шпионажа порождает специфическую социальную группу, особую стилистику жизни, эстетическую и духовную традицию.

Японская разведка после буржуазной революции Мэйдзи 1868 г. резко активизировалась. Немало шпионов, прошедших традиционное обучение, было послано за рубеж, особенно в Китай. В преддверии войны с Россией сотни специальных агентов собирали информацию на территории Маньчжурии (Nish I. A Spy in Manchuria: Ishimitsu Makio – Proceedings of the British Association for Japanese Studies, 1985, p. 1).

На стороне японской разведки действовали (а следовательно, в известной мере являлись и «ниндзя») многие мастера боевых искусств, чьё умение, в особенности психологическая подготовка, было необходимо для этого рода деятельности. Среди них мы можем встретить весьма известных людей из мира дзюдо, каратэ, айкидо, например, патриарха стиля Годзю-рю каратэ Ямагути Гогэна, основателя Сёриндзи-кэмпо Сё Досина, даже патриарха айкидо Уэсиба Морихэи.

Традиция шпионажа, во многом связанная с кланами ниндзя, дожила до нашего времени и реализовалась, в частности, в концепции японского разведцентра – школы Накано. Эта школа была основана в Токио в 1938 г., через год после начала японо-китайской войны. Её слушателей обучали в чисто традиционной манере, основой которой было понятие «сэйсин» – «духовная сила воина». Эта духовная сила могла претворяться во вполне конкретных действиях, например в осуществлении лозунга «Почитай императора и уничтожай варваров» (сонно дзёи).

По признанию ряда исследователей, в частности С. Тернбола, методы, которым обучали в школе, во многом соответствовали искусству ниндзя. Истоки японского шпионажа уходят в их загадочную культуру.

Первые ниндзя

Что касается ниндзя, говорят, что происходят они из провинций Ига и Кога и свободно проникают во вражеские замки под покровом тайны. Они соблюдают тайну и известны лишь под псевдонимами. В Западных землях (т. е. в Китае) их называют сайсаку. А стратеги их зовут «кагимono-хики» (Turnbull S. Ninja, p. 30).

Эта цитата – самое раннее прямое упоминание о ниндзя. Оно содержится в уникальном документе – древней хронике «Ноти Кагами», принадлежащей бакуфу Муромати, и относится к середине XV в. Здесь прямо указано и основное занятие ниндзя того времени – тайное проникновение во вражеские замки. Вероятно, именно в этом и виделась их главная функция. Таким образом, ниндзя представляли собой лазутчиков, некие диверсионные группы, состоявшие на довольствии крупнейших воюющих кланов.

Кого же в ту эпоху называли ниндзя (или синоби)? Прежде всего так именовали наёмных воинов из кланов провинций Ига и Кога, а иногда и из провинции Исэ. Наёмникам, как известно, поручались самые сложные и не всегда самые достойные дела.

Ни одно повествование о средневековых войнах или о ниндзя не обходится без рассказа о противостоянии кланов в двух знаменитых соседних провинциях Ига и Кога. Сегодня Ига – это северо-западная часть префектуры Миэ, а Кога – южная часть провинции Оми.

Географическое положение Ига в равной степени можно считать и удачным, и неудачным. Практически по всей границе этого региона тянутся горы, которые ни один неприятель не мог преодолеть незаметно. Внутри круга гор, как в большой чаше, раскинулись небольшие крестьянские надель, разделённые пологими холмами, а иногда и скальными цепями, в которых проделаны небольшие проходы. Заниматься хозяйством здесь трудно, так как земля каменистая, зато на каждой небольшой равнине, затерянной между скалами, – свой хозяин и свой клан. Лишь на север Ига горы немного ниже, и именно здесь к этому региону прилегает Кога. Положение Кога немногим отличалось от Ига, разве что участки между горами здесь ещё меньше, а кланов ещё больше. Местные воины испокон веков славились отменной силой и боевым мастерством, и именно из Ига и Кога часто набирались наёмники в армию сёгуна Токугавы, который базировался в замке в Эдо (напомним, что императорский дворец находился в Киото).

Школы ниндзюцу стали появляться уже в XII-XIII вв. Они назывались по именам тех кланов, в рамках которых возникали, и в техническом отношении между ними никакой разницы почти не существовало. В провинции Ига они принадлежали знаменитым кланам Хаттори и Оэ, славившимся своим богатством (содержать школу боевых искусств всегда стоило немалых денег), а в провинции Кога сформировалась целая школа Кога-рю, в которой состояло пятьдесят различных семей. Это были полузакрытые секты наподобие обычных самурайских школ боевых искусств, в которых состояли низшие самураи, а в крайне редких случаях и простолюдины. В основном они придерживались доктрины буддийского направления Сингон. Они-то и стали прообразом тех, кого мы называем сегодня «ниндзя». В то время тренировки этого низшего сословия воинов-лазутчиков и шпионов практически ничем не отличались от самурайской подготовки.

Первые ниндзя были одиночками, служившими самурайским кланам и проходившими

обучение в их школах. Со временем ниндзя сами стали образовывать кланы разного социального статуса: родоначальниками таких кланов становились и самураи (даже аристократы), и выходцы из простонародья. Представители кланов, не принадлежащих к собственно самурайству, в «гражданской жизни» могли быть и торговцами. Но даже в последнем случае они считали себя не простолюдинами, а воинами: именно в кланах по семейной линии передавалось ремесло лазутчика. Узы родства подкреплялись сознанием мистической общности – принадлежностью к одной секте (обычно Сингон), тайными оккультными ритуалами, которыми была пронизана подготовка ниндзя к его опасной профессии, да и вся его жизнь.

Принадлежность к ниндзя не принято было афишировать – удачно выполненная «работа по найму» могла навлечь месть на исполнителей и их семьи. Но во многих случаях эта принадлежность не являлась секретом для окружающих, особенно в провинциях Ига и Кога. Все мужчины в клане считали друг друга «братьями», хотя среди них чётко выделялись «старшие» и «младшие». Это позволяло поддерживать строгую дисциплину, основанную на подчинении младших старшим и соблюдении всех правил самурайского общения.

Постепенно в среде ниндзя появляется особая иерархия. Все ниндзя делились на три категории – гэнин, тюнин и дзёнин. Дзёнины обычно были лидерами целых кланов и зачастую имели прямые связи со многими сильными правителями. Разработку конкретных операций и руководство ими поручали тюнинам – командирам небольших отрядов, а непосредственными исполнителями были гэнины. Иногда тюнины и гэнины покидали клан и становились «автономными» наёмными шпионами.

Ранние ниндзя защищали свои деревни от набегов бандитов и от разграбления бродячими самураями. Такие отряды самообороны нередко нанимались для сведения счётов между самураями. В ту эпоху ниндзя действовали просто и эффективно, без многочисленных хитроумных приспособлений, которые были придуманы позже.

Упоминания о первых ниндзя были связаны с кровавой страницей в истории Японии – гражданскими войнами Онин, длившимися с 1467 по 1477 г. На этот раз соперниками в междоусобице стали представители одного клана – Асикага, которые не могли поделить титул сёгуна. Такой внутриклановый характер войны породил и соответствующие формы её ведения – враждующие группы прибегали не только к мечам и лукам, но и к ядам, а следовательно, нужны были и исполнители тайных дел – синоби. Война Онин была крайне истощающей для всех сторон; упал и престиж бакуфу. В результате титул сёгуна получает талантливый юноша Ёсихиса, который начинает предпринимать активные шаги, чтобы восстановить истощённые военные силы своей семьи. Столь высокий пост ему обеспечил его отец Ёсимаса, когда сыну было всего лишь девять лет.

Через несколько лет самурайская армия Ёсихисы была восстановлена, деньги на её содержание наконец найдены. Но это ещё не означало полной победы. Практически в каждой области Японии имелся свой мощный клан, готовый при малейшей возможности вступить в борьбу за власть в сёгунате. Нужна была демонстрация силы со стороны Ёсихисы, которого по-прежнему многие считали юнцом, неопытным в ратных делах. И такой случай представился. В 1487 или 1488 г. сорок шесть землевладельцев из провинций Оми и Кога обратились с прошением к сёгуну. Суть их жалобы сводилась к следующему: местный представитель сёгуна (сюго) из Оми, которого звали Рокаку Такаёри, начал захватывать всё больше и больше земель, стремясь стать единоличным владельцем земельных наделов в этой провинции.

Сюго являлись полномочными представителями сёгуна на местах, его наместниками и назначались самим сёгуном. Но события, связанные с войнами Онин, нарушение связей между сёгуном и его наместниками-сюго превратили последних в самостоятельных лидеров на местах. Сплошь и рядом сюго стали нарушать свои обязательства перед сёгуном и рассматривали регионы, в которые они были назначены, как собственные владения. Постепенно именно они превращались в богатейших землевладельцев, называли себя «даймё» (дословно – «большие имена», т. е. «большие семьи», «большие дома»).

Но молодой сёгун Ёсихиса решил положить конец абсолютной самостоятельности даймё, которые к тому же располагали большими военными отрядами. И в качестве

«поучительного примера» был выбран Рокаку Такаёри – сюго из Оми. Войска сёгуна вошли в Оми и осадили замок Каннон-дзи, где укрылся Рокаку со своими людьми. Лагерь был разбит недалеко от деревушки Магари, и сёгуну Ёсихисе надо было проникнуть в замок. Приведём цитату из хроник того времени:

«Внутри лагеря сёгуна Ёсихисы в Магари существовали синоби (разведчики), чьи имена были повсеместно известны. И когда Ёсихиса атаковал Рокаку Такаёри, в качестве синоби ему служила в Магари семья Каваи Аки-но-ками из Ига. С этого времени удачливое поколение людей из Ига вызывало немало восхищения. Здесь лежит исток славы людей из Ига» (Ibid. p.30).

Итак, как видно, Ёсихиса прибег к помощи наёмников из Ига, которых и использовал в качестве разведчиков-синоби. Обратим внимание – имена синоби «были повсеместно известны», т. е. никакой тайной организации они собой не представляли. Ниндзя ни от кого не скрывались и даже рекламировали себя в поисках заказчиков на свои услуги.

Насколько можно понять из этого отрывка, существовал целый клан, который был способен заниматься тайными операциями, причём делал это весьма неплохо, так как «вызывал восхищение».

А осада непокорного Такаёри оказалась неудачной. Увы, физическое здоровье сёгуна Ёсихисы не соответствовало его интеллектуальным способностям – во время осады он заболел и умер. Его военачальникам пришлось, свернув лагерь, вернуться в Киото, и им не помогло даже использование синоби в боевых операциях. К тому же многие исследователи сомневаются – а действительно ли их использовали в то время столь активно, как мы теперь полагаем. Возможно, что сами военачальники Ёсихисы просто распускали слухи о «страшных ниндзя», дабы посеять панику в рядах соперников.

МАГИ, ОТШЕЛЬНИКИ И ВОИНЫ

Тайна «горных воинов» ямабуси

Путник, который решит подняться на одну из вершин гор Оминэ, поросшую редким лесом, встретит на пустынной скальной площадке странную одинокую фигуру, вырубленную из камня. Старик в длинных ниспадающих одеждах, сандалиях-гэта на высокой подошве, с небольшой острой бородкой, сидит, наклонив голову и опираясь на посох с магической мандалой вместо навершия. От его фигуры веет каким-то неземным покоем и отрешённостью от всего суетного... Перед нами – изображение великого мага и горного скитальца-ямабуси Эн-но Гёдзя.

В народе он считался фигурой почти демонической; ему приписывались всякие чудеса, беседы с духами, полёты на большие расстояния. Он мог внезапно исчезнуть из виду и тут же появиться в другом месте, удалённом на много дней пути.

Эн-но Гёдзя – «Эн Аскет» – являлся реальной исторической фигурой. Вероятно, это о нём идёт речь в историческом повествовании «Сёку Нихонги», где рассказывается о некоем проповеднике Эн-но Одзуно, который был объявлен в 699 г. вне закона за то, что «смушал сердца людей» и создавал какие-то сообщества, не контролируемые государством (Swanson P. Shugendo and the Yoshino-Kumano Pilgrimage – Monumento Nipponica, Vol. 36, No. 1, p. 56).

Именно Эн-но Гёдзя и стал основателем традиции странствий в горах, имеющих явный мистический характер и требующих немалого мужества. Например, в своих грехах отшельники-ямабуси каялись, висая над пропастью на верёвке, обвязанной вокруг пояса, и молитвенно сложив руки. Если покаяние было неискренним или неполным, то считалось, что верёвка должна оборваться. Не трудно догадаться, на какую душевную чистоту подвигал монахов такой способ покаяния!

Ямабуси («горными воинами») называли не всех монахов-отшельников, а последователей буддийской секты Сюгэндо. Она возникла на стыке двух крупнейших школ эзотерического буддизма – Тэндай и Сингон. В Сюгэндо сложились две группы ямабуси – одна была ориентирована на доктрину Тэндай (хондзан), другая – на Сингон (тодзан).

Строго говоря, Сюэндо вряд ли можно отнести к классическому буддизму, так как в ней можно без труда встретить элементы китайского даосизма и японского шаманизма. В частности, это выражалось в вере в магических существ тэнгу, в культе священных гор (отсюда и тяга ямабуси к жизни в горах). Последователи Сюэндо активно использовали в своей практике ритуалы, магические знаки-мандалы, заклинания-мантры и другие мистические приёмы, пришедшие из буддийской секты Сингон.

Первые ямабуси жили закрытыми общинами, были строгими аскетами, каждый сезон, т. е. четыре раза в год, уходили в горы. Отсюда и произошло их название – «горные воины». На самых вершинах гор сооружались пагоды, где помещалась статуя бодисаттвы Кокудзо. В лунные ночи перед этой статуей ямабуси совершали свои обряды. Центром подвижничества ямабуси первоначально были горы Оминэ (именно там сегодня стоит памятник великому ямабуси Эн-но Гёдзя), а с XVII в. «горные воины» перемещаются на гору Хокусан, где их скиты стали множиться с каждым годом (Буддизм в Японии. М., 1993. С. 247, 292–293).

В чём же заключалась суть учения ямабуси? Последователи Сюэндо считали, что существует высшее «природное знание» (сидзэнти). Оно равносильно «истинному Закону», то есть учению Будды. Постичь его можно лишь путём отшельнической практики высоко в горах и молитв в лунные ночи, когда истина непосредственно входит в сознание ямабуси.

Они совершали длительные путешествия по горам в полном одиночестве. Среди ямабуси бытовало поверье, что благодаря этому они могут обрести необычайную магическую силу. Путешествия сочетались с жёстким аскетическим подвижничеством, многодневными постами, пением молитв, рецитацией (монотонным и многократным повторением) священных формул, дыхательными и медитативными упражнениями, которые составляли суть их магической практики. Аскеза ямабуси доходила порой до крайностей: например, на долгое время они могли отказаться от воды. В результате такого мужественного подвижничества ямабуси достигали «состояния Будды» или «обретали природу Будды» ещё при жизни, не уходя из этого мира в нирвану (Blacker C. Initiation in the Shugendo: the Passage through the ten states of existence – Initiations (ed. C.J. Blacker). 1965, p. 98).

*Памятник Эн-но Гёдзя в горах Оминэ,
одному из основателей традиции ямабуси*

Считалось, что ямабуси обладают удивительной способностью изгнания злых духов из человека или из его дома, а также могут излечивать самые тяжёлые заболевания путём произнесения магических формул дхарани.

Многие вообще верили, что ямабуси вовсе не люди, а лишь воплощённые духи – тэнгу, полулюди-полувороны, славившиеся волшебным искусством боя на мече. Рассказывали, что то ли сами ямабуси могут по своему желанию превращаться в тэнгу, то ли сами тэнгу без всякой на то воли отшельника вселяются в него. Практически на

всех художественных свитках ямабуси изображались именно в виде тэнгу.

Нередко истории о чудесном искусстве ямабуси переплетались с рассказами о небожителях сэннин. Истоки легенд о сэннинах лежат в Китае – именно там в народной и даосской среде широко распространился культ бессмертных небожителей («сянь» или «шэньсянь»). На художественных свитках ямабуси изображались не только как тэнгу, но и в виде сэннинов – полысевших старцев с длинной седой бородой, несколько вытянутой головой и сучковатым посохом в руках. Изображения сэннинов-ямабуси сопровождалось и рядом атрибутов и символов, говоривших о бессмертии и запредельной мудрости: жаба, аист, персик (плод долголетия), олень.

И всё же между ямабуси и сэннинами даже в народных рассказах мы видим заметную разницу. Ямабуси в основном жили не в горах – они предпринимали странствия по горам для достижения просветления и для соблюдения аскезы. Сэннины же жили постоянно либо в горах, либо на небесах, что в мифологическом сознании – одно и то же.

Отношение к ямабуси было двойственным – народ побаивался этих отшельников и поклонялся им; в то же время официальные власти их недолюбливали, поскольку странствия ямабуси были практически неподконтрольны им, а странное поведение «не от мира сего» вызывало сильные подозрения. Во время междоусобных схваток среди даймё ямабуси нередко могли использоваться в качестве шпионов (Rotermund H.O. Die Yamabushi. Hamburg, 1968, p. 89).

Странный след оставили ямабуси в истории японских боевых искусств. В сущности мы не знаем, умели ли они в реальности владеть мечом. Однако и некоторые самурайские семьи, и тайные кланы ниндзя связывают свою родословную именно с магами и воинами ямабуси. Тем самым и самураи, и ниндзя (зачастую это были одни и те же люди) как бы принимали на себя ту магическую энергию, ту страшную потустороннюю силу, которая приписывалась ямабуси.

Странствующими монахами, исповедовавшими эзотерический буддизм, были отнюдь не ямабуси. Например, в XVI в. существовало некое воинское монашеское братство Коя-хидзири – «отшельники с горы Коя». Эти люди считались не только отменными бойцами, но и прекрасными врачевателями, бродившими по Японии и лечившими при помощи трав, заклинаний и различных способов массажа. Но вскоре Коя-хидзири косвенно оказались замешаны в междоусобную войну, и их общины были разгромлены.

Общая канва тех событий такова. Крупнейшим центром буддийской секты Сингон считался монастырь Коясан, представлявший собой по сути мощную крепость, при котором состояла целая армия монахов-воинов. Долгое время она надёжно защищала монастырь от войск военного правителя Японии Оды Нобунаги, ведшего решительную борьбу с рядом буддийских общин. Но однажды, в 1574 г., в монастыре Коясан укрылись несколько сторонников князя Араки Мурсигэ, войска которого разгромил Ода Нобунага. Это переполнило чашу терпения последнего, и он отдал приказ не только разгромить монашескую армию Коясан, но и начать преследование странствующих монахов, в результате чего погибло едва ли не несколько тысяч человек. Так был разрушен один из крупнейших центров монахов-воинов Японии.

Монахи-бойцы: святые или наёмники?

Помимо мистиков-ямабуси, которых иногда ошибочно называют предшественниками самураев, немалую славу снискали себе монахи-бойцы (сохэй), появившиеся в X в. в районах Нара и Киото.

Возникновение особого слоя монахов-воинов – сохэев – было первоначально связано с чисто догматическими спорами между различными буддийскими течениями. Толчком к этому послужили разногласия в крупнейшей школе японского буддизма Тэндай, обещавшей своим последователям спасение в «чистой земле». В середине X в. главным идеологом Тэндай стал талантливый проповедник Рёгэн, обладатель высшего монашеского ранга «дайсодзё», пожалованного самим императором. В своих проповедях Рёгэн утверждал, что любое живое существо, будь то человек или собака, может достичь «состояния Будды».

В ту эпоху в Тэндай существовало несколько разных направлений, которые хотя и не

сильно различались между собой, но тем не менее находили немало поводов для споров. Практически все школы Тэндай располагались в горах Хиэй, где позже и возникли общины монахов-воинов. Долгое время между направлениями поддерживалось примерное единство сил, но как только Рёгэн поднялся на высшую ступень тэндайской иерархии, он стал активно опекать крыло, возглавляемое патриархом Эннином, в то время как приверженцев другой школы, Энсю-монто, начали заметно игнорировать, не приглашали на общие собрания.

Сразу же после смерти Рёгэна в 993 г. сторонники Энсю-монто разрушили павильон приверженцев Эннина, а те в ответ разгромили несколько храмов своих соперников и изгнали их со священных гор Хиэй. Теперь последователи Энсю-монто, нашедшие пристанище в храмах провинции Оми, стали называться «храмовым течением» (дзимон), а их победители – члены секты Эннин-монто, оставшейся в горах Хиэй с центром в монастыре Энрякудзи, – «горным течением» (саммон).

Монахи-воины (сохэй) в бою отличались блестящим мастерством. После того как Тоётоми Хидэёси разгромил в 1585 г. флот сохэев в Кию, монахи из местности Нэгоро пошли в услужение к Токугаве Иэясу. Из них были сформированы отряды «специального назначения», вооруженные огнестрельным оружием. Здесь монах в самурайских латах, но без шлема побеждает в рукопашной схватке несколько врагов, даже не обнажив меча. Для удушения используется специальная техника, позже вошедшая в дзю-дзюцу.

Гравюра Куниёси, 3-я четверть XIX в. (по С. Тернболу)

Однако соперничество на этом не закончилось: обе секты готовились не только к доктринальным диспутам, но и к военным действиям. А для этого необходимо было иметь свою армию. Так в горах Хиэй появляются первые монахи-бойцы (сохэй) (Буддизм в Японии. М., 1993. С. 176–179). Из числа приверженцев буддизма, наименее способных к религиозной практике, специально готовили настоящих воинов. К тому же они изучали теорию и практику ведения шпионажа, тайного штурма крепостей, слежения за своими соперниками. Так монахи-сохэй стали превращаться в одну из категорий ниндзя.

Обе враждующие стороны имели своих сохэев, а позже практически во всех общинах Тэндай стали воспитываться монахи-воины. Стоит напомнить, что монахи-бойцы (усэн) существовали и в Китае, в частности, в монастыре Шаолинь. Но китайские усэны являлись прежде всего буддийскими монахами, т. е. вся их жизнь была подчинена религиозной и духовной практике. Большинство из них жило в монастырях или принадлежало к какой-нибудь конкретной общине-сангхе. Они проходили те же этапы посвящения, что и обычные монахи, но в их повседневный распорядок входили также тренировки в боевых искусствах.

В отличие от своих китайских братьев японские сохэй, хотя формально и принадлежали к буддийскому братству и даже ходили в буддийских одеждах,

религиозной практикой почти не занимались. Они много тренировались, нередко выполняли функции наёмников, а часто просто становились бандитами. Если в X-XI вв. мы видим бритого буддийского монаха, который готов одним лишь посохом сражаться за догматы своей школы, то через пару веков перед нами предстаёт уже наёмный воин, который по традиции именуется «монахом». Сохэи быстро утрачивали свою связь с буддийскими общинами, хотя продолжали формально принадлежать к ним.

В XII-XVI вв. вооружённые и блестяще подготовленные монахи чаще всего становились наёмниками. Теперь их называли по-разному – ямабуси, сохэй, Коя-хидзири («отшельники с горы Коя»). И хотя изначально они принадлежали к абсолютно разным буддийским школам, к указанному времени большой разницы между ними не существовало. Португальский миссионер Гаспар Вилела, прибывший в Японию в начале XVI в., был поражён образом жизни монахов-воинов, принадлежавших к общине монастыря Нэгородзи секты Сингон. Их души нимало не занимала религиозная практика, зато все дни они проводили в праздности, разврате и пьянстве. Эти сохэй нередко шли в наёмники и отличались особой изобретательностью и жестокостью в бою, что сильно смутило христианского миссионера. В конце концов их деятельностью был обеспокоен сам сёгун Тоётоми Хидэёси, который вообще с подозрительностью относился к ряду буддийских общин. В 1585 г. он отдал приказ о начале военного похода против боевой общины монастыря Нэгородзи, сжёг монастырь дотла и уничтожил сотни монахов (Renondeau G. Histoire des moines guerriers du Japon – Melanges publies par l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. V.1, Paris, 1957, p. 297–298).

Естественно, всё это не могло не отразиться на общем отношении к секте Тэндай, к которой формально принадлежали сохэй. Например, хроники XII-XIV вв., в частности, «Тайхэйки», рисуют тэндайских монахов не в виде молчаливых аскетов, ищущих спасения, а как бритоголовых воинов угрожающего вида, с тяжёлыми посохами, луками и мечами. В отличие от китайских усэнов, которых народ любил и стремился обучаться у них, сохэев недолюбливали и боялись. Многие буддийские общины отказывались от своих собратьев-головорезов, что ещё больше увеличивало количество бандитов на дорогах.

Возвращение горных воинов

Рассказы о монахах-воителях, в основном о ямабуси, важны для нас ещё и потому, что именно с ямабуси, а точнее, с учением секты Сюгэндо, связывается происхождение идеологии знаменитых лазутчиков и наёмников ниндзя. Более того, существует утверждение, правда ничем не подкреплённое, что основатель этого отшельнического движения Эн-но Гёдзя (VII в.) и был первым ниндзя (Adams A. Ninja – The Invisible Assassins, Los Angeles, 1973, p. 31–32). Якобы именно за тайную воинскую деятельность, схожую с тактикой ниндзя, ямабуси и были объявлены вне закона. Они также будто бы являлись отменными бойцами и стратегами. В других работах мы встречаем ещё более категоричные указания на связь ямабуси и ниндзя: «Независимые и восставшие ямабуси («монахи-воины») были вновь потревожены правительственными войсками и сочли необходимым совершенствоваться в искусстве боя и использовать своё искусство ниндзюцу» (Weiss A., Philbin T. Ninja: Clan of Death, London, 1981, p. 25).

Итак, напрашивается вывод, что обиженные на правительство ямабуси превратились в ниндзя. К сожалению, приведённые выше утверждения основаны отчасти на недоразумении (в XII-XVI вв. под словом «ямабуси» иногда понимали наёмников-сохэев), а отчасти на легендах. Но откуда эти легенды, настойчиво связывающие горных странников ямабуси и «ночных воинов»? Прежде всего самим ниндзя было выгодно, чтобы их традицию связывали с традицией ямабуси, которых народ почитал и боялся из-за их магического искусства. К тому же ниндзя не раз маскировались под странствующих ямабуси; даже одна из семи классических «масок», или «ролей», ниндзя так и именовалась – «ямабуси». Хотя в различные периоды и в разных регионах ямабуси изредка объявлялись вне закона, в основном их не трогали и почитали, а значит, такая «смена лица» позволяла ниндзя спокойно преодолевать заставы и уходить от облав. Возможно, этим обстоятельством объясняются утверждения, будто бы и ямабуси

иногда использовались как шпионы некоторыми даймё.

И всё же связь между ниндзя и ямабуси существовала, хотя не была столь явной, как зачастую склонны представлять это авторы популярных книг. Дело в том, что основные районы деятельности крупнейших школ ниндзя – провинции Ига и Кога – были одновременно и местами, где находились отшельнические скиты ямабуси. В горных районах Касаги и Ёсино, где когда-то произошло знаменитое восстание ниндзя против Оды Нобунаги, ещё в течение долгих столетий после этого бродили ямабуси. Легенды об отшельниках из секты Сюгэндо переплетались с рассказами о подвигах ниндзя, формируя некий единый образ «святого воина».

Странствия ямабуси наконец надоели правительству. Сначала были предприняты вполне корректные попытки как-то поставить их под контроль. Для этого даже издали особый свод правил «Сюгэндо хатто». Но договориться не удалось – бродячим монахам трудно было объяснить какие-либо «земные» правила. И в конце концов в 1873 г. секта Сюгэндо была запрещена. Хотя никакой реальной опасности ямабуси не представляли, они совершенно не вписывались в строгую социальную структуру Японии.

МИР, ПОКРЫТЫЙ МРАКОМ

«Пусть казнь как трагический
и жертвенный акт, совершаемый
в жизни, имеет своё оправдание,
но не может иметь оправдания
патетическое философствование
о казни, не может быть
оправдана любовь к такого рода
занятиям».

Н. А. Бердяев. Кошмар злого добра.

*«Я молитвенно прошу принять тебя то,
что я посылаю тебе касательно писаний
по ниндзюцу, доверенное мне твоими домочадцами.
Это никогда не должно быть показано
или рассказано другим, что стоят
за пределами нашей школы.*

*И если я по какой-либо причине нарушу это,
то пусть постигнет меня гнев Неба».*

Каманака Тонай

1-й год Кансэй (1789) 6-го месяца (Turnbull S. Ninja, p. 99).

Этот редкий документ – подлинник письменной клятвы (сэйси), которую давал ниндзя, когда принимал по семейной линии тайны своего искусства. Он был обнаружен в одной из кумирен провинции Исэ и относится к школе ниндзюцу направления Кога-рю. Именно в таких кумирнях, которые принадлежали определённой семье ниндзя, неофиты получали посвящение и подписывали сэйси своей кровью.

Клятва принималась перед алтарём школы в присутствии её руководителя и особого «посвящающего учителя», а нарушение клятвы действительно влекло за собой смерть от рук сотоварищей. Клятва, приведённая выше, была принесена одному из патриархов школы Когарю мастеру Охаре Кадзуме.

Все школы ниндзя существовали исключительно как семейная традиция. Искусство передавалось от отца к сыну, а патриархом обычно считался старейшина клана. Некоторые методы ниндзя вообще было запрещено демонстрировать перед другими, не говоря о том, чтобы обучать людей вне своей семьи. Например, один из документов семьи ниндзя Нисида из провинции Кога гласил: «...и не подобает, чтобы это видели другие без особого на то разрешения».

Ореол тайны окутывал жизнь, традиции, методы, деятельность ниндзя. Немалую лепту в это вложили они сами, создавая некую легенду о себе как о существах непобедимых, сопоставимых едва ли не с духами. Постепенно в народном сознании ниндзя из лазутчика и наёмника превращается в супермена. Ниндзя как специалисты по штурму крепостей больше не были никому нужны – столь крупных сражений, как при Оде Нобунаге, Тоэтоми Хидэёси и Токугаве Иэясу, уже не случалось. Последним штурмом замка, в котором участвовали ниндзя, можно считать атаку на замок Хара во время Симабарского христианского восстания.

Теперь в истории действуют совсем другие ниндзя. Место лазутчика, шпиона и в общем-то заурядного наёмного убийцы – то есть персоны вполне реальной – занимает ниндзя-миф. Он уже схож по описаниям со злыми божествами и духами, он приходит из другого мира или, во всяком случае, по своему мастерству стоит выше любого самурая. Ниндзя становятся сверхлюдьми даже по своему облику. Например, по преданию, рост знаменитого ниндзя Фума (Казама) Катаро превышал два метра – для невысоких японцев это вообще невероятно. Реальность, в которой ниндзя обычно проигрывал по своему мастерству самураю, уже никого не интересовала – Япония желала красивого мифа, она жила героическим эпосом. Теперь на подмостках истории действуют не потаённые лазутчики-синоби, имён большинства из которых мы не знаем, но настоящие Герои. Каждый из них – личность, причём личность выдающаяся, утончённая. Рассказы о ниндзя начинают смыкаться с рассказами о самих самураях.

Приведём одну такую историю. Цугару Гэмбан – состоятельный даймё и прекрасный воин – слыл большим поклонником искусства ниндзя. Умел он подбирать себе и личных лазутчиков. У него на службе состояли сначала десять, а затем двадцать молодых ниндзя, которые упражнялись в своём искусстве день и ночь. Сам Накагава Сэсюндзин называл свою группу «хаямити-но-моно» – «люди короткого пути», вероятно, имея в виду их стремительность и неуловимость.

Интересна история о том, как Цугару впервые встретился в ниндзя Накагавой. Цугару Гэмбан давно искал отменного мастера искусства ниндзюцу для тренировки своих лазутчиков, но ни один из претендентов на эту хорошо оплачиваемую должность не подходил. Наконец, к нему инкогнито, не называя своего истинного имени, явился

знаменитый ниндзя Накагава Сэсюндзин. Цугару Гэмбан пристально осмотрел его, послушал и будто бы уже согласился взять, как вдруг неожиданно задал вопрос:

– Кстати, сумеешь ли ты вытащить подушку из-под головы спящего, да так, чтобы тот ничего не заметил?

– Конечно, – уверенно ответил ниндзя.

– Ну что ж, – заявил Гэмбан, – тогда попробуй своё искусство на мне сегодня ночью!

Дело в том, что Цугару Гэмбан без труда узнал в пришедшем к нему человеке великого мастера Сэсюндзина. Он немало был слышан о его чудесном мастерстве, но решил перехитрить Сэсюндзина и доказать, что никакой ниндзя не в состоянии обмануть его, Цугару.

В ту ночь Цугару Гэмбан был настороже, прикинулся спящим и даже начал сладко посапывать, чтобы ввести Сэсюндзина в заблуждение. Стемнело, прошло несколько часов, но всё было спокойно. На улице моросил дождь. Двери спальни даймё были крепко заперты, снаружи стояла вооружённая охрана. Подушка по-прежнему находилась в полной безопасности под головой Цугару. Внезапно какая-то капля упала ему на лицо. Цугару приоткрыл глаза, и новая капля омочила его. Цугару посмотрел вверх, увидел, что на потолке расплывается мокрое пятно, и едва заметно приподнял голову. Когда же он опустил её, то в растерянности понял, что подушки уже нет на месте! Цугару резко повернулся и увидел у своего изголовья усмехающегося Сэсюндзина с подушкой в руке.

Хитрость с протекающим потолком – распространённый фокус в мире ниндзя: бамбуковые потолки действительно нередко давали течь во время сильного дождя, поэтому в капле, упавшей на лицо, не было ничего удивительного. И вполне возможно, что история с Сэсюндзином (персоной вполне реальной) является не более чем особой мифологемой, «приклеивающейся» к каждому известному персонажу из мира «тайной традиции» боевых искусств. Например, к такому же приёму как-то прибегнул ниндзя, чтобы утащить меч из-под подушки генерала Сугивары, а знаменитый ниндзя Тоби Като сумел точно так же выкрасть алебарду (нагинату), спрятанную у постели известного самурая Наоэ Канэцугу из знаменитого своими воинами клана Уэсуги (Вататани Кюоси. Бугэй рюха хякусэн. Токио, 1972. С. 124–125).

Набор мифов о ниндзя был стереотипен, легенды кочевали от одной персоны к другой, создавая в конце концов некий собирательный образ «Великого ниндзя». Это был уже не человек, не просто умелый лазутчик, но миф об абсолютно идеальном мастере некоего «тайного искусства». Расскажем ещё одну историю, весьма похожую на случай с «протекающим потолком».

Некий самурай по имени Дзюдзо бросил вызов знаменитому синоби Сада-но Хикосиро – он решил испытать, сумеет ли ниндзя выкрасть его меч, который Дзюдзо всегда держал под подушкой. Заметим, что искусство незаметного выкрадывания меча было не только забавным фокусом, но имело и вполне прикладное значение. Известно, что самурай никогда, кроме особых ритуальных случаев, не должен расставаться с катаной и обязан всегда держать её под рукой. В случае внезапного ночного нападения тренированные самураи стремительно выдёргивали меч из-под подушки и в продолжение этого движения наносили удар, что соответствовало принципам «иайдзюцу» – «искусства одного удара». Не случайно тайные ночные убийцы обычно первым делом старались отрубить правую руку спящего самурая и лишь затем добивали его. Но умелые ниндзя действовали более тонко и изящно.

Когда самурай Дзюдзо вернулся к себе домой, он крепко-накрепко запер двери, закрыл все раздвижные двери между комнатами, не оставив даже щелей. После этого, положив меч под подушку, он заснул. Дзюдзо рассчитывал, что если ниндзя начнёт взламывать двери, то его чуткий сон будет тотчас потревожен. Но Сада-но Хикосиро поступил проще и хитрее – он без труда разрезал бамбуковую стену дома и бесшумно подошёл к спящему самураю. Затем, не торопясь, достал из кармана бумажную салфетку, смоченную водой, и несколько раз капнул на лицо Дзюдзо. Дзюдзо не мог не почувствовать капель, но спокойно подумал: «Ну вот, пошёл дождь, и потолок опять протекает». Решив перелечь на другое место, самурай сел на постели, и в этот момент Хикосиро стремительно вырвал меч у него из-под подушки (Ямагути С. Ниндзя но сэйкацу. С. 200).

Мастерство ниндзя было доведено до такого совершенства, что некоторые синоби могли незаметно обезоружить самурая даже при свете дня! Так, синоби из школы Игарю Ямада Хатиэмон, поспорив со своим другом-самураем, выкрал у него меч, когда тот опустился вместе с другими самураями на колени для молитвы. Надо представить себе досаду воина, когда он обнаружил, что у него украли священную катану во время ритуала!

«Выжить и в снег, и в град»

Истинный ниндзя должен уметь «выжить и в снег, и в град» – такое требование предъявляет к «невидимым воинам» трактат «Бансэн Сюкай», компендиум по искусству ниндзя.

Ниндзя должны уметь выживать везде, в любых условиях. Они обладали умением долгие часы проводить под проливным дождём, не шелухнувшись и – что немаловажно для воина! – не простудившись. В продолжение многих дней ниндзя мог довольствоваться самой простой пищей, например, рисом. А как, скажем, приготовить рис, если нет никакой посуды, чтобы сварить его, – ведь вряд ли лазутчику удобно таскать с собой специальный котелок? Но и здесь существовал выход – один из сотен методов выживания, которые должен был знать каждый ниндзя. Рис надо хорошо намочить, плотно завернуть его в листья или чистую тряпицу, зарыть неглубоко в землю, а затем на этом месте развести огонь. Питание получалось вполне сносным. Можно было и сделать пресной морскую воду – для этого ниндзя кипятили её в неглазированном глиняном горшке, и вся соль оседала на стенках. Такие советы давал трактат «Бансэн Сюкай».

Лазутчик должен уметь сохранить свою жизнь, чтобы выполнить задание и заработать награду – как мы знаем, она обычно измерялась определённым количеством коку риса.

В мире ниндзя существовало огромное число тайных знаков, кодов, благодаря которым лазутчики могли обмениваться информацией, не опасаясь, что их поймёт кто-нибудь ещё. Например, об одном из таких тайных кодов свидетельствует трактат «Бансэн Сюкай». Тайное послание записывалось не фонетической японской азбукой «каной» и даже не просто китайскими иероглифами (их могли знать некоторые самураи), но специально усложнёнными, «лихо закрученными» иероглифами, которые мог прочесть лишь посвящённый в эту тайнопись. Кстати, такой метод был испокон веков известен в китайских тайных обществах и школах ушу, а ещё раньше он встречался в тайных даосских сектах. К вполне обычным иероглифам пририсовывались некоторые дополнительные черты; они искажались, растягивались, специально делились на несколько частей, которые в «классическом» написании должны стоять рядом. Многие ниндзя изобретали даже «свои» иероглифы – в этом случае был бессилён самый искусшённый криптограф.

Существовали и совсем неожиданные способы «тайнописи». Например, как синоби, который сидит на лошади, передать весьма срочную информацию своему господину, стоящему вдалеке, а подъехать к нему не позволяют обстоятельства? В этом случае ниндзя пускал лошадь по особой траектории, и все изгибы этой линии представляли собой закодированное послание (Turnbull S. Ninja, p. 102).

Традиционно обучение ниндзя включает восемь составных частей. Это методы боя без оружия, прыжки, бой при помощи деревянной палки, использование холодного оружия и бросков, бой с цепью и мечом, способы освобождения от пут и бегства из закрытых помещений, искусство маскировки, наконец, военная стратегия.

Всё обучение обычно разбито на три больших этапа. На первом этапе осваивают простейшие методы боя голыми руками, развивают своё тело, будущие ниндзя приобретают необходимую гибкость и прыгучесть. Их учат падать плашмя на голый пол, проползая по-пластунски несколько километров, преодолевать большие расстояния, бесшумно двигаться и ускользать от засад. Это уровень гэнина – разведчика и бойца, овладевшего базовыми навыками. В кланах Кога и Ига такие тренировки могли начинаться едва ли не с рождением ребёнка, но обычно детей отдавали в школы

ниндзя в 5–6 лет.

На втором этапе развивали психические способности. Ниндзя учились различать и использовать в бою «пять состояний» своего противника (го дзё): тщеславие, трусость, горячность, леность и мягкотелость. Ниндзя умел использовать и «пять вредных желаний» человека: голод, стремление к удовольствиям, к чувственным наслаждениям, жадность и гордыню. «Учитесь чувствовать», – говорят наставники ниндзюцу. Как может ниндзя, достигший этого уровня совершенства, избежать опасности, поджидающей его в пути? Устроит ловушку врагу? Нет, он просто не выйдет из дома. Победа будет достигнута без боя.

Третий этап – высший уровень воспитания ниндзя. Такому человеку известны девять ступеней к просветлению, и он может наставлять других.

Хосокава Сансай (1544–1618), выдающийся воин и мастер чайной церемонии, сын Хосокава Юйсая. Служил Оде Набунаге, Тоётоми Хидзэси и Токугаве Иэясу в битве при Сёкигахаре. На его одежде символ (мон) рода Тоётоми с белой метелочкой дзэн-буддиста (хоссу). Его прозвали Дайкодзи – «Великий мирянин-буддист». Был женат на христианке Грасиа – дочери одного из убийц Оды Нобунаги – Акети Мисухидэ. Незадолго до битвы при Сёкигахаре, где Хосокава выступил на стороне Токугавы, Грасиа приняла сторону его врагов. Чтобы не заставлял мужа выбирать между самурайским долгом и привязанностью к жене, Грасиа покончила жизнь самоубийством.

Про синоби испокон веков распространялось немало слухов, причём нередко их распускали сами же ниндзя. Например, рассказывали, что ниндзя не сдавались в плен к самураям, потому что это означало мучительную долгую смерть. Его могли заживо сварить в кипящем масле, четвертовать, предварительно выколов глаза и вонзив раскалённые металлические стержни в уши. Труп вывешивали на стене самурайского замка в качестве назидания и предостережения ниндзя, причём многие самураи гордились большим количеством неудавшихся покушений, которых им удалось избежать, – значит, «Будда охраняет их». Труп несчастного ниндзя обычно выкрадывался членами его клана и доставлялся в деревню – каждый в коане должен

знать, чем может обернуться малейшая ошибка, допущенная ниндзя.

Действительно, такое случалось, но бывало, что и ниндзя, и самураи, презрев заповеди Бусидо, сдавались в плен и изменяли своим хозяевам. В современных книгах можно встретить рассказы о том, что ниндзя откусывали себе язык, если попадали в плен, дабы под пыткой не сообщить врагам никаких секретов. Не существует мало-мальски надёжных подтверждений этим слухам, поэтому оставим их на совести авторов.

Яды: бесшумная смерть

Ещё одним методом действия ниндзя становились яды, которые прочно вошли в обиход самураев во время средневековой междоусобицы. По понятным причинам здесь не приводятся ни точная рецептура ядов, которые использовали ниндзя, ни методы их получения, ни конкретные способы их применения. Тем не менее немало таких рецептов мы найдём, например, в трактате «Бансэн Сюкай».

Вопреки распространённому мнению, далеко не каждый ниндзя должен был знать искусство использования ядов. Причина этого проста – лишь небольшая часть ниндзя была убийцами, большинство же выполняли обязанности лазутчиков и шпионов, для чего не обязательно обладать искусством тайного устранения противников. Намного важнее суметь сохранить себя и вернуться к своему господину с добытыми сведениями.

В деревнях Японии издревле научились применять многие травы и растения в качестве как лечебных средств, так и смертельных ядов, а многие их рецепты пришли из Китая. Яды изготавливались не только из трав, но и из ядовитых рыб, минералов, тяжёлых металлов, например, ртути. Нередко ниндзя шли в услужение к самураю поварами, подсыпали ему в пищу яд. Причём совсем не обязательно было что-то класть в блюдо или подсыпать в пиалу с вином – достаточно, например, просто не полностью соблюсти технологию приготовления.

Скажем, можно было чуть-чуть «ошибиться» при приготовлении рыбы или другого морского продукта. Япония – морская страна; испокон веков все дары моря идут в пищу, из одной только рыбы здесь умеют готовить сотни блюд. Правда, среди «исходных продуктов» встречаются и небезопасные виды рыб, например, рыба-ёж. Её мясо очень нежно и вкусно, надо лишь предварительно долго вымачивать его, промывать уксусом или настоем трав. Но можно было и «забыть» это сделать... Отведав такое блюдо, самурай через некоторое время начинал задыхаться, лицо и губы его синели, и уже спустя несколько минут жизнь уходила из него. А во время суматохи повар-ниндзя спокойно исчезал. Не менее опасно отравление рыбой-молотом. Повара, решившие подать на стол такую рыбу, должны знать не только способы её приготовления, но и методы извлечения из неё яда, что требует немало умения. Яд тетрадоксин, содержащийся в некоторых рыбах, остаётся опасным даже после приготовления в течение нескольких часов, а лишь пять-десять миллиграммов его представляют собой смертельную дозу для человека!

Такой метод использования вполне съедобных продуктов в «несъедобных» целях считался одним из самых распространённых среди ниндзя. Помимо рыб в качестве смертельных продуктов чаще всего применялись ядовитые грибы. Даже если жертва покушения оставалась в живых, её здоровье на всю жизнь было подорвано, а страшные боли в желудке и печени мучили человека на протяжении многих лет.

Каждый яд имел своё предназначение. Яды, полученные из гигантских жаб, вызывали повышение кровяного давления, головную боль и даже паралич. Яды из абрикосов и вишен приводили к моментальной смерти. В салат, поданный на стол самураю, могли быть добавлены безопасные на вид листья паслёновых, которые в некоторые периоды своего развития крайне ядовиты. Листья ревеня приводили к повышению внутричерепного давления и как следствие – к потере самоконтроля, раздражительности и даже конвульсиям. Представим себе, что такую пищу самурай съел перед боем, – вряд ли он сумеет достойно провести его!

Яд не обязательно добавлялся в пищу – им могли просто натереть рукоять оружия жертвы. И хотя самураи в бою обычно держали меч в перчатках, в мирное время они

редко надевали их. Яд быстро проникал сквозь кожу и по меньшей мере мог привести к параличу руки, что для воина равносильно смерти. Существовал и другой способ, требовавший долгой подготовки. Сначала ниндзя втирал в свою руку укрепляющие бальзамы, затем покрывал ладонь слоем жира и других веществ, образующих тонкую плёнку на коже. После этого на ладонь наносился смертельный яд. Достаточно было такой «отравленной рукой» сделать царапину на теле противника или даже коснуться его слизистой оболочки, например, носа, как яд сразу же проникал в кровь. Но и для самого ниндзя такой способ был небезопасен. Жировая плёнка на его руке могла сдерживать действие яда не более одного-двух часов. Если ниндзя не успевал очистить руку, то сам становился жертвой собственной хитрости. Поэтому использование метода «отравленной руки», или «смертельного касания», требовало точного расчёта и быстроты.

Ядом, извлекаемым из желез гигантской жабы, натирались наконечники стрел, копий и небольших метательных стрелок. Чтобы добыть яд, жабу насаживали на вертел и поджаривали. Как только кожа жабы начинала пузыриться, яд капал в специально подставленный поддон. Затем его высушивали и в таком виде хранили многие годы.

Но не всегда даже опытным ниндзя удавалось подобраться к своей жертве вплотную и подсыпать ей яд. И тогда применялся хитроумный метод, остроумно названный «живым ядом». Нетрудно догадаться, что под этим названием фигурировали ядовитые пресмыкающиеся и насекомые. Например, ниндзя из школы Кога-рю имели целые «питомники» скорпионов, отбирая самых больших и ядовитых. Скорпионы обычно запускались через небольшие щели в бамбуковых стенах домов. Не случайно опытные самураи старались закрывать двери так, чтобы не осталось ни малейшего отверстия. Но и здесь ниндзя находили выход: используя особые плевательные трубки, они «заплёвывали» скорпионов через окна в помещения, а то и прямо в одежду своей жертвы.

Высоко ценились и ядовитые пауки, которые прекрасно карабкаются по стенам (чего не скажешь о скорпионах). Несколько таких тварей выпускали рядом со стеной дома, где жила жертва, и вероятность того, что хотя бы один паук заползёт в постель самурая, была весьма велика.

Особенно ценились при приготовлении ядов абсолютно безобидные на первый взгляд фрукты, например, персики, сливы, ядра косточек которых содержат синильную кислоту – очень сильный яд из разряда цианидов.

Яды могли использоваться не только для убийства, хотя в любом случае за этим стояли интересы враждующих кланов. Одна забавная история рассказывает о конкуренции за власть в провинции, которую вели между собой два самурая. В конце концов один из самураев прилюдно объявил, что он является никем иным, как живым воплощением божества на земле, а дабы доказать это, ослепит своего соперника, даже не прикасаясь к нему.

Второй самурай, естественно, не поверил угрозам своего конкурента и лишь посмеялся над его словами. И вдруг... он действительно полностью ослеп, ослеп в одно мгновение, причём до него и впрямь никто не дотрагивался! Страшная весть быстро разносилась по окрестностям – людям трудно было не поверить в то, что один из самураев действительно является воплощённым божеством. В реальности же дело обстояло так. Ниндзя, нанятый самураем, пропитал полотенце, которым его противник вытирал лицо, особым ядом – он и вызвал временную слепоту (Weiss A., Philbin T. Ninja: Clan of Death, London, 1981, p. 83–84).

И всё же среди ниндзя искусство фармакопеи ценилось выше, нежели приготовление ядов. Во время разведки, провокационных действий, когда синоби сеяли панику в рядах противника, они нередко получали тяжелейшие раны. Следовательно, всякий ниндзя должен был уметь лечить себя.

Искусству фармакопеи, изготовления лекарственных препаратов, в большинстве школ ниндзя учили с раннего возраста. При лечении ран в ход должно идти всё – травы, минералы, смола различных деревьев, помёт птиц, волосы со шкур животных. Хорошие ниндзя знали свыше трёхсот таких рецептов, при этом не считаясь профессиональными врачами – тем было известно в десятки раз больше.

Каким-то странным, порой мистическим образом ниндзя оказываются связаны с Китаем, причём не только в глубокой древности, но и в средневековье. Дело в том, что многие методы, которые использовали ниндзя, воспроизводили древние китайские методики, например, рецепты ядов и лекарств. Китайская традиционная медицина («кампо», кит. – «чжуньи») приходит в Японию из Китая ещё в VI–VII вв. До этого в Японии было немало и своих лечебных методик, своих лекарей и фармацевтов, но после того как на островах узнали о китайской медицинской традиции, она за несколько веков вытеснила все местные знахарские методы.

Помимо природных лекарственных средств ниндзя высоко ценили методы точечного массажа и прижигания (мокса) небольшими свечками из листьев «ёмогори» – одной из разновидностей полыни. Несколько таких свечек, которые, сгорая, давали равномерное тепло, ставили на активные точки человеческого тела. Именно таким образом ниндзя излечивали большинство простудных заболеваний, а также множество недомоганий, связанных с расстройством деятельности желудка, почек, селезёнки и печени.

Снадобья из ряда трав ниндзя принимали постоянно; в основном это были те растения, которые активизировали внимание, улучшали зрение, позволяли не спать много дней. Например, считалось, что отвар из хвойных иголок, втираемый вокруг глаз, улучшает остроту зрения ночью.

Встречались и совсем неожиданные препараты, которые были необходимы ниндзя, например, пилюли, предотвращающие жажду или чувство голода. Ниндзя мог долгими часами поджидать самурая у него дома, спрятавшись где-нибудь между потолочными перекрытиями, и вряд ли у него была возможность сделать хотя бы глоток воды. И тогда в ход шли именно такие пилюли. Например, в состав средства от жажды входило четыре моммэ (1 моммэ = 3,74 грамма) одного из видов слив (умэботи) и по одному моммэ сахара и зимней пшеницы. Пилюли от голода состояли из 40 частей женьшеня и ядер орехов, 80 частей пшеничной муки, риса, цветков гречихи и других компонентов и представляли собой высококалорийный тонизирующий продукт. Все эти ингредиенты перемешивались и вымачивались в течение трёх лет в двух литрах крепчайшей японской рисовой водки сакэ. Через три года сакэ высыхала, а из оставшейся смеси изготавливался шарик величиной с персик – это и была пилюля. Одной такой пилюли хватало на целый день (Ямагути С. Ниндзя но сэйкацу. С. 104).

Помимо средств от голода и жажды существовали и профилактические пилюли от простуды, которые ниндзя принимали перед тем как отправляться в длительное путешествие зимой, а также тонизирующие пилюли, позволявшие им проходить сотни километров в день. Из анисового масла делались специальные пилюли от обморожения.

Ниндзя в действии

В начале XII в. обстановка в Японии была крайне неспокойной. Самураи с ещё большим усердием принялись за боевые искусства. Шпионы, состоявшие при воюющих кланах, переняли немало полезного из воинской подготовки самураев. Однако, во-первых, они устраняли многие ритуальные элементы, не имеющие практической пользы для ведения боя. Во-вторых, дорогие самурайские мечи – катаны – были недоступны ниндзя. Они пользовались малыми мечами вакидзаси – лёгкими, меньшими по размерам и более хрупкими; соответственно изменялась техника боя. Как мы уже знаем, искусство владения большим мечом-катаной проявлялось в татикадзэ – количестве взмахов мечом. Их должно быть как можно меньше, а оптимальный вариант – убить противника одним ударом. Лёгкий меч ниндзя не позволял нанести такого сокрушительного удара – он мог просто сломаться. Зато его можно было вращать и перебирать в руке, что делало технику боя более разнообразной и скоростной.

Помимо мечей ниндзя могли действовать ещё добрым десятком предметов. Обычно они блестяще владели боем с палкой – бодзюцу. Ниндзя использовали и длинный шест, и короткую дубинку, и даже короткую ветку или палочки для еды. Синоби, переодетый бродячим монахом, мог пустить в ход тяжёлый монашеский посох. Полной неожиданностью для противника было, когда из конца безобидной монашеской палки выскакивало острое лезвие или вылетала короткая отравленная стрела. Иногда в палке

делалось отверстие, где прятали длинную цепь. В момент опасности ниндзя срывал специальную затычку с одного конца палки, и цепь стремительно раскручивалась над головой. Длинной гибкой палкой, которую ниндзя вращали перед собой, можно было отбивать даже стрелы. Короткая палка – дзё – использовалась не только для блокирования ударов, но и для уколов в болевые точки, а также применялась в качестве рычага при заломе руки нападающего.

Самурая закалывают через бумажную ширму-перегородку

Характерным оружием ниндзя была кусаригама – обычный сельскохозяйственный серп с прикрепленной к его рукояти длинной цепью. Например, если противник наносил удар мечом сверху, то ниндзя подставлял серп под удар, немного проворачивая его и тем самым зажимая оружие. Одновременно он наносил цепью удар по ногам, спутывая их, а затем добивал соперника серпом. Именно в среде ниндзя зародилось использование цепа для обмолота зерна, который сегодня стал одним из самых известных видов оружия в каратэ – нунтяку: две короткие палки, скрепленные цепью или веревкой. Использовали ниндзя и ручки для зерновых мельниц, также превратившиеся сегодня в оружие каратистов – тонфа.

Особую категорию оружия составляли мелкие подручные предметы – тонки. Женщины-ниндзя (куноити) предпочитали в качестве тонки иглы для платьев или заколки для волос. Когда самурай предавался любви и сжимал куноити в своих объятиях, она вонзала иглу в особую точку на его теле. Иногда смерть наступала мгновенно, а порой сначала самурай мог заметить лишь лёгкое покалывание. Вынув иглу, куноити удалялась. А через два-три дня самурай умирал в страшных мучениях, он задыхался или у него происходил разрыв сердца. Но никто не мог связать эту ужасную смерть с визитом красавицы, которая заходила к нему несколько дней назад. И вновь рождались слухи о таинственных «духах-убийцах».

Некоторые древние тонки из арсенала ниндзя сегодня стали широко известны во всём мире. Это, в частности, сюрикэны – метательные остро заточенные пластины в виде многогранников, например звёздочек. Сюрикэны могли быть и отравленными, их бросали иногда веером по пять-шесть штук. Ниндзя носили с собой и тэцу-биси – острые шипы, которые обычно разбрасывали по полу, когда хотели обезопасить себя от неожиданной атаки. Тэцу-биси вместе с небольшими шариками можно было раскидать и в коридорах

замка. Когда за лазутчиком устремлялась погоня по анфиладе полутёмных залов, стражи неизбежно напарывались на эти маленькие «мины», поскользнулись и падали или пропарывали себе ноги, а ниндзя вновь исчезал непойманным и неузнанным.

А вот огнестрельное оружие основная масса ниндзя первоначально не приняла, и долгое время его использовали лишь синоби из клана Симадзу. Синоби привыкли действовать в тишине, выстрел же обнаруживал стреляющего. Поэтому в ход шли плевательные трубки с набором отравленных игл – содэ-цуцу, очень эффективные на ближней дистанции и крайне неожиданные для жертвы. Иногда самурай беззвучно падал, настигнутый такой стрелой, а стража в растерянности оглядывалась вокруг, не понимая, что произошло. Тем временем ниндзя ускользал.

Умели ли ниндзя вести поединок голыми руками? В кинофильмах такие поединки выглядят весьма эффектно – один ниндзя поражает нескольких могучих самураев, защищаясь от их тяжёлых мечей. В реальности же всё обстояло по-другому. Не забудем, что для ниндзя невыгодно вести долгий поединок, и если его попытка убить соперника не удалась, имеет смысл поскорее скрыться, а затем попробовать совершить покушение вновь. Мастерство самураев в обращении с мечом было столь высоко, что у ниндзя оставалось немного шансов уйти живым. Кулачный бой ниндзя значительно уступал по сложности и разнообразию и китайскому ушу, и даже каратэ. Современные школы ниндзя на Западе используют в основном технику каратэ, а в средние века употреблялись несложные, но эффективные в ближнем бою заломы рук, броски, нажатия на болевые точки.

Если ниндзя должен был взять пленника, то в этом случае применялось искусство спутывания противника. Связать пленника опытный воин мог и простым шнурком, однако обычно ниндзя носили с собой тонкую шёлковую верёвку с небольшими шариками-утяжелителями на концах. Верёвку бросали в ноги соперника, шарики на концах по инерции закручивались, и противник спотыкался. Подскачив, ниндзя окончательно опутывал руки и ноги соперника, продевая верёвку между ног и закрепляя её петлёй у шеи. При малейшей попытке освободиться верёвка натягивалась, и пленник сам душил себя или, окончательно запутавшись, падал. Сами же ниндзя великолепно владели искусством освобождения от пут и могли скрыться даже тогда, когда руки и ноги были связаны.

Для ведения рукопашного боя применялось и традиционное оружие ниндзя – когти или шипы, прикрепляемые полосками кожи к рукам или ногам. Обычно когти использовались для лазанья по деревьям или другим гладким поверхностям. Рассказывают о случае, когда ниндзя пробрался в замок самурая и, прикрепившись к потолку когтями, ждал его. Однако самурай пришёл не один, с ним были гости, которые сели играть в традиционные японские шашки – го. Игра затянулась до поздней ночи. Когда гости наконец ушли, ниндзя выполнил свою задачу.

Многие ниндзя строго соблюдали правила кровной мести за погибшего родственника, что предписывали принципы Бусидо. Расскажем историю из фольклора синоби, ставшую классическим повествованием из цикла о «преданных ниндзя». В XII в. на одну из деревень, принадлежавшую богатому дому Тайра, совершили набег воины самурая Такатоки. Старейшины решили увести женщин, стариков и детей в лес, оставив в деревне лишь небольшой отряд. Когда самураи подошли к деревне, староста, принадлежавший к местному клану ниндзя, ловко действуя простым серпом и длинной цепью, сумел перебить шестерых могучих воинов, остальные к нему боялись даже подступить. Тогда самураи отошли на некоторое расстояние и пронзили его стрелами, а затем прикололи копьями к стене дома. Деревня была полностью разгромлена, все жители, которые остались в ней, – вырезаны.

Первым помощником старосты в этом страшном бою был молодой боец Дзиро. Он пытался защитить свою жену и ребёнка, но был тяжело ранен. На его глазах самураи обесчестили его жену, а затем разрубили её мечами. Самому Дзиро выбили мечом глаз. И тогда он поклялся отомстить Такатоки.

Два воина-ниндзя планируют перебраться через оборонительный ров, однако их разговор оказывается подслушан другим лазутчиком

Прошло несколько месяцев. Как-то Такатоки, давно забывший об этой истории, получил письмо от какого-то неизвестного ему Дзиро. Тот вызывал его на синкэн-сёбу – дуэль на мечах, которая должна закончиться смертью одного из участников. Такатоки усмехнулся – его не напрасно считали одним из лучших бойцов в Японии. Ясно, что он уложит этого наглеца Дзиро одним взмахом меча! Он ещё раз перечитал письмо и обратил внимание, что Дзиро выдвинул интересные условия: если он проиграет, то весь его клан переходит в полное подчинение Такатоки. Если же Такатоки падёт от меча Дзиро, то он должен обещать, что никто из его людей больше никогда не тронет жителей деревни. Такатоки решил, что условия весьма выгодны для него, тем более в своей победе он не сомневался.

Через день противники сошлись в поединке. Одноглазый Дзиро был явно слабее хладнокровного самурая. Он терял силы с каждым ударом и, наконец, пал, пронзённый мечом насквозь. Такатоки подобрал с земли лёгкий короткий меч Дзиро – дешёвое оружие, в рукоять которого, однако, был вделан дорогой алмаз. Такатоки, очарованный его красотой, протёр камень от крови несчастного Дзиро. В этот момент отравленная игла, укреплённая на пружине в рукояти меча, вонзилась в руку победителя. Такатоки всё понял – он действительно пал от меча Дзиро, хотя и выиграл поединок. Перед тем как закрыть глаза, верный кодексу самурайской чести, он приказал всем своим воинам оставить в покое клан Дзиро.

Магия смерти

Всё существование ниндзя было связано с магическими ритуалами. Его жизнь представляла собой причудливое сочетание потустороннего и крайне рационального. Широко использовались различные талисманы и магические надписи. Большинство из таких заклинаний ниндзя каллиграфически писали своей кровью на кусочке бумаги или кожи и носили на теле. Содержание надписей было различным, но смысл сводился приблизительно к следующему: в первой строке обладатель талисмана просил удачи, вторая строка должна была защитить его от ран. Существовали и особые «адресные» талисманы, которые одновременно являлись и указателем на будущую жертву – вместе с пожеланиями благ в адрес общины сюда заносятся имя человека, на которого будет совершено покушение, и даже дата.

Магическое значение приписывалось не столько самому содержанию надписи, сколько расположению иероглифов на бумаге и их написанию. Например, несколько иероглифов разбрасывались в разных концах талисмана таким образом, что непосвящённый вряд ли смог бы понять, о чём идёт речь. Но благодаря особому орнаменту, который являлся как бы продолжением черт иероглифа, все знаки соединялись вместе, в результате чего

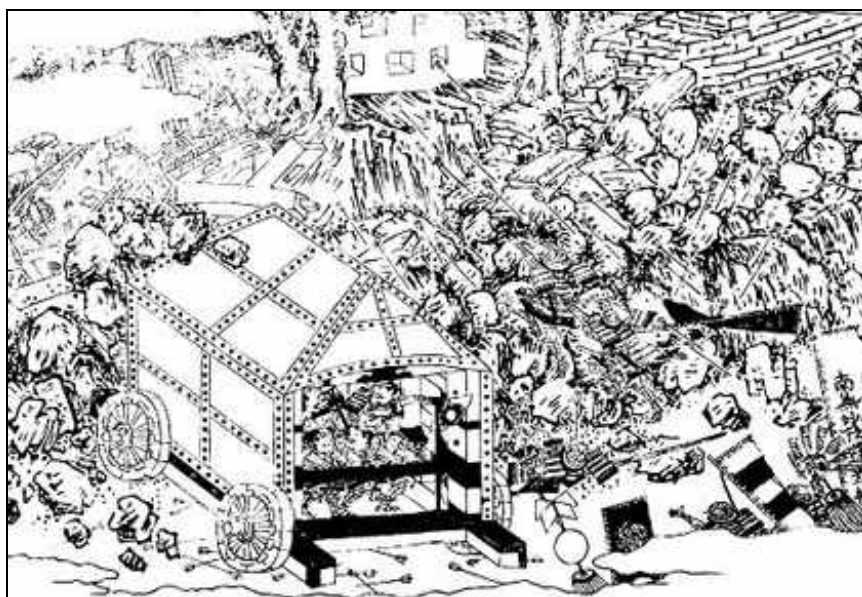
получалась магическая надпись.

Ниндзя редко были чистыми буддистами или правоверными синтоистами. Общий характер их мистических верований позволяет говорить, что они придерживались в основном синтоистских взглядов, хотя изготовление магических надписей и талисманов является отголоском традиции буддийской секты Сингон.

В своей практике ниндзя использовали сотни самых хитроумных приспособлений, конструкция большинства которых хранилась в строгом секрете. Именно благодаря таким приспособлениям рождались многие легенды о мистической силе ниндзя. В частности, широко распространились истории о тайном умении ниндзя ходить по воде и таким образом пересекать наполненные водой оборонительные рвы, окружавшие самурайские замки. Для этого использовались особые «водоступы» – два огромных горшка, состоящих из нескольких слоёв дерева, которые крепились на ногах, благодаря чему ниндзя практически плыл на двух миниатюрных лодках. Были и более хитрые способы пересечения водных преград. Например, клан Охара из Кога имел в своём распоряжении особую лодку, которая складывалась до таких миниатюрных размеров, что её могли переносить в небольшом ящичке.

Мастерство ниндзя особенно ценилось при осаде крепостей. В XV-XVII вв. ниндзя по сути использовались в качестве особых штурмовых отрядов. Естественно, что на их вооружении имелось немало чисто штурмовых приспособлений, которые заметно отличались от общеизвестных. Огромные крепостные тараны, применявшиеся ниндзя, имели, например, защитные крыши и колёса. Обычно они назывались «черепаший панцирь». Именно это устройство использовал генерал Като Киомаса во время своих военных кампаний в Корее в 1592 и 1598 гг., в которых активно участвовали отряды ниндзя. «Черепаший панцирь» делали из деревянных щитов, обитых листами металла, которые скреплялись между собой коваными стальными полосками. Под прикрытием такой мощной защиты ниндзя врзались в отряды противника и вносили панику в его ряды.

Представитель современного клана ниндзя Хацуми Масааки утверждает, что в древности ниндзя использовали и другие виды «танков». Например, из дерева изготавливали огромную полулю фигуру быка, которая устанавливалась на платформе с колёсами. Позади платформы была укреплена особая рукоять, благодаря которой можно было передвигать «быка», толкая его перед собой. Из «рта» этого чудовищного животного торчал ствол особой пушки, которая стреляла небольшими ядрами и крепилась на подвижной платформе, чтобы компенсировать отдачу после выстрела, а управлял пушкой ниндзя, сидящий внутри. «Бык», из рта которого вырывались клубы дыма и пламени, пугал противника. Это приспособление так и называлось – «Огненный бык».

Во время корейской операции японские самураи использовали особый танк –

«черепаший панцирь» (из хроники «Эхон Тайко-ки»)

Для наблюдения за противником ниндзя использовали подвесные башенки в виде ящичков на канатах, протягиваемых на лебёдках. Такие башенки двигались вокруг крепости с неравномерной скоростью, поэтому воинам, сидевшим за стенами, было нелегко попасть в них.

Особенно поражает изобретательность ниндзя в изготовлении приспособлений для морских сражений. Среди них можно встретить даже нечто вроде подводных лодок и механизмы для борьбы с ними! Последние представляли собой лодку с огромным веслом-колесом, которое распиливало вражескую «подлодку» пополам.

Ниндзя славились и своими «бойцами-лягушками», которые благодаря длинным дыхательным трубкам могли проплывать несколько километров под водой и незаметно проникать на вражеские корабли. По некоторым сведениям, именно так ниндзя сумели пробраться на флагманский корабль флота США, который вошёл в Японское море в 1854 г. Когда коммодор Перри подвёл свою эскадру к берегам Японии и потребовал открыть доселе закрытую страну, первыми, кто отреагировал на это, были, естественно, разведслужбы. Специальный отряд ниндзя – «люди-лягушки» – незамеченным пробрался на флагман. Необходимо было узнать, что намеревается делать американский флот и действительно ли он может открыть оружейный огонь по японским берегам. Ниндзя отлично выполнили задание, но... не до конца. Пробравшись на прекрасно охраняемый линкор, они внимательно прослушали все переговоры и даже сумели покопаться в бумагах коммодора, но, увы, так и не сумели ничего понять – никто из ниндзя не знал английского языка! (Weiss A., Philbin T. Ninja: the Clan of Death, p. 35–36).

Но, кажется, «подводные лодки» и «танки» – это ещё не самые удивительные средства в арсенале ниндзя. Не раз в преданиях о ниндзя упоминалось о том, что они использовали летательные устройства для полётов над позициями противника. По ряду свидетельств, это могли быть гигантские воздушные змеи, которыми испокон веков так славились и Япония, и Китай.

Ниндзя якобы пользовались именно такими гигантскими змеями, способными поднять человека, а также особыми планерами (точнее – дельтапланами), которые запускали с вершины горы. Смелчак висел на особых качелях-подвеске под «брюхом» этой конструкции, управляя траекторией полёта через канаты, привязанные к крыльям. Причём и змеи, и планеры порой превращались в настоящие бомбардировщики, когда синоби забрасывали противника взрывными зарядами, а затем приземлялись на безопасной территории. Нетрудно понять, сколь мощный психологический эффект могла иметь атака с воздуха в те времена.

Лазутчик Кимура Хитатино-сукэ пробирается в крепость Фусими по канату (по С. Тернболу)

В преданиях упоминается даже использование управляемых парашютов и многих других хитроумных устройств, но мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения. Справедливости ради отметим, что серьёзные исследователи несколько скептически относятся к «летающим ниндзя», хотя признают потенциальную возможность этого (Turnbull S. Ninja, p. 107–108).

Загадка замка Касугаяма

Замок Касугаяма – одна из самых мощных и неприступных крепостей средневековой Японии. Несколько сотен построек, множество коридоров, потайных ходов, ловушек, оборонительных рвов надёжно защищали его от врагов. Постройки замка начинались в лесу и поднимались уступами в гору. Там, на самой её вершине, располагался центральный зал, защищённый несколькими рядами толстых стен, на которых всегда дежурила многочисленная стража. До сих пор одна из комнат замка Касугаяма хранит загадку, ответ на которую так и не найден. Посмотрим, не удастся ли нам пролить свет на эту загадочную историю, больше напоминающую детектив, нежели рядовой исторический факт.

...В тот день знаменитый воин и богатейший из японских даймё Уэсуги Кэнсин был в приподнятом настроении. 49-летний самурай начал очередную военную кампанию, и удача вновь сопутствовала ему. Кэнсин уже давно решил, что казавшийся всемогущим сёгун Ода Нобунага лишь позорит столь высокое звание. Пора ему, более удачливому Уэсуги Кэнсину, взять власть в свои руки. Он решил подождать, пока сойдёт снег, объединить силы и пойти на столицу.

В сопровождении слуг и охраны Кэнсин подошёл к дверям своей умывальни, где сопровождающие, следуя обычаю, оставили даймё одного. Через некоторое время охрана начала волноваться – Уэсуги долго не появлялся, а его пунктуальность и строгое следование всем предписаниям были известны даже его многочисленным врагам. В конце концов воины в нарушение всех обычаев решили заглянуть в умывальню, которая служила одновременно и туалетом.

Картина, открывшаяся глазам слуг, поразила и шокировала их. Могучий воин лежал без чувств на полу и не подавал признаков жизни. Уэсуги тотчас перенесли в спальню, вызвали лучших лекарей, но так и не сумели привести его в сознание. Не произнеся ни слова, через три дня Уэсуги скончался, унеся в могилу тайну своей смерти.

Смерть Уэсуги взбудоражила многих – слишком влиятельной персоной он был в своей вотчине. До сих пор мы не знаем, от чего умер Уэсуги. Описания причин его смерти неясны и загадочны, а ведь его пользовали лучшие лекари того времени. Например, в хронике «Тодайки», составленной вассалом Токугавы по имени Мацумура Тадааки, мы встречаем таинственную фразу: «Этой весной Кагэтора (имя Кэнсина, данное ему при рождении. – Прим. ред.) ушёл в возрасте 49 лет. Говорят, что умер он от большого червя».

Что за «большой червь»? Какое-то желудочное заболевание? А может быть, это символическое название тайного оружия? Кстати, именно эта фраза породила одну из самых необычных версий его смерти, о которой мы скажем ниже.

*Убийца самурая использует залом руки из дзю-дзюцу.
Из хроники жизни Тоётоми Хидэёси «Ехон Тайко-ки», 1802 (по С. Тернболу)*

Загадка заключалась в том, что единственное окошко туалетной комнаты, куда вошёл самурай, было забрано мощной решёткой с мелкими ячейками, а у наружных дверей стояла охрана, с которой Уэсуги не расставался даже в коридорах своего замка. По рассказам, Уэсуги отличался прекрасным здоровьем, и столь внезапная смерть породила немало слухов. И, естественно, заговорили о ниндзя. Но эта версия показалась некоторым чересчур обыденной – ниндзя всё-таки люди, и даже им не под силу пролезть сквозь узкую решётку или спрятаться в маленькой умывальне. Уж не духи ли повинны в смерти Уэсуги? Многие сходились на том, что здесь не обошлось без участия страшных онрю – «злых духов». Говорили, что онрю, преследовавший Уэсуги, был духом одного из его вассалов, Какидзакэ Изуми-но-ками Кагэи. Кто-то начал распространять слухи, что Кагэи близко сошёлся с главным врагом своего хозяина – Одой Нобунагой. Порывистый Уэсуги тотчас приказал убить своего лучшего вассала. А через некоторое время выяснилось, что всё это не более чем наветы на честного Кагэи. И вот неупокоенный дух невинно убиенного Кагэи явился за душой бывшего хозяина... (Turnbull S. *Battles of the Samurai*. London, 1987).

Высказывались и иные версии, одна необычнее другой. Например, многих смущало то, что мужественный самурай никогда не был женат и общался только с мужчинами. Никто не видел Уэсуги раздетым, и отличался он очень нежной кожей лица. И вот рождается невероятное предположение: а не был ли Уэсуги женщиной? Тогда становится понятно, о каком «большом черве» идёт речь в «Тодайки» – это была тяжело протекавшая беременность, в результате которой и умер «самурай» Уэсуги. (Эту версию обсуждает Ватанабэ в: Ватанабэ. Кэиити Кэнсин но нана фусиги. – Рекиси Докухон, сентябрь, 1969. С. 108).

И всё же принято считать, что Уэсуги принял смерть от рук ниндзя. Ни одна из книг о ниндзя не обходилась без пересказа этой истории. (Скорее всего, версия о причастности ниндзя к смерти Уэсуги Кэнсина на Западе стала муссироваться под влиянием книги Дрэгера, который не утруждает себя ссылками на источники (Draeger D., Smith R. *Asian Fighting Arts*. Paolo Alto, 1969). Единственный действительно исторический и весьма подробный разбор этой загадочной смерти был сделан С. Тернбалом (см.: Turnbull S. *Ninja*, p. 54–58). Он же и попытался доказать, что Уэсуги Кэнсин умер от ракового заболевания). Например, в одной из отечественных книг мы читаем, что некий карлик Укифунэ Дзиннай, мстя за своего брата-ниндзя, убитого накануне, проник в замок, устроился в княжеской уборной (выгребной яме) с копьем и дыхательной трубкой и в нужный момент «пронзил владетельного даймё копьем до самого горла». (Долин А.А.,

Попов Г.В. Кэмпо – традиция воинских искусств. – М., 1990. С. 276–277. История и имя убийцы самурая взяты из книги Д. Дрэгера.)

Но ни в одном из описаний смерти Уэсуги того времени (а оно встречается по крайней мере в четырёх хрониках) нет и намёка на то, что несчастного даймё кто-то весьма неэстетичным образом пронзил копьём. Тем более нет там упоминаний о карликах в выгребных ямах. Ведь вся загадка заключалась именно в том, что на теле Уэсуги не было никаких ран.

И всё-таки, что же произошло?

Оказывается, в конце жизни Уэсуги был не так здоров и силен, как это хотят представить многие сторонники версии участия ниндзя. Судя по хроникам той эпохи, Кэнсин страдал каким-то кишечным заболеванием. В трактате «Кэнсин Гунки» говорится, что самурай «с 9-го дня 3-го месяца страшно мучился от болей в желудке, когда был в туалетной комнате. Всё это, к несчастью, продолжалось до 13-го дня, когда он умер». Да и другие источники указывают, что Уэсуги в последние дни жизни часто жаловался на сильные боли в кишечнике (Сугиура М. Уэсуги Кэнсин но си-ин – «Кэнко Кюсицу», апрель, 1969. С. 20). В одном из дневников того времени мы находим весьма интересное замечание о здоровье Уэсуги. Оказывается, он жаловался и на боли в груди, «будто там лежит железный шар» (Turnbull S. Ninja, p. 58). Всё это позволило английскому японисту С. Тернбалу предположить, что Уэсуги умер от рака.

Посоветовавшись со специалистами, выскажу другое предположение: Уэсуги страдал заболеванием сердца. Скорее всего у него был инфаркт, который часто проявляется в виде мучительных «отражённых» болей в желудке (так называемые «абдоминальные боли сердца», или желудочно-кишечная форма инфаркта). Об этом говорят и жалобы Уэсуги на «стальной шар в груди». Нет ничего удивительного, что нервная жизнь даймё привела его к сердечному удару в туалетной комнате, от которого он через несколько дней и умер.

Итак, нам удалось через несколько сотен лет после смерти самурая разгадать её тайну. Но в средневековой Японии такой спокойный уход из жизни мог показаться едва ли не признаком бесславия, и смерть мужественного воина обрастала рассказами о загадочном убийстве. Мы с удивлением обнаружим вполне естественные и объяснимые причины смерти многих известных личностей, которые в Японии считались жертвами ниндзя.

Люди или духи?

Эта новость быстро разлетелась среди местных жителей: в городе опять объявился Тоби Като – «Летающий Като». Интерес к нему проявил даже местный даймё Уэсуги Кэнсин, который враждовал в то время с самим Одой Нобунагой и о загадочной смерти которого мы уже рассказали. Тоби Като стал известен как великолепный ниндзя и славился своим знанием магического искусства. Уэсуги Кэнсин, зная, что за ним давно охотятся вражеские ниндзя, был не прочь заполучить Тоби Като к себе на службу в качестве телохранителя.

Вероятно, никто не был так известен в середине XVI в. среди ниндзя, как этот выходец из провинции Хитати. Настоящее его имя было Като Дандзё, а своё прозвище – Летающий или Прыгающий – он получил за удивительную прыгучесть и за то, что якобы мог перепрыгивать через оборонительные рвы замков. Сила его была необычайна – как-то раз он свалил одним ударом разъярённого быка, который вырвался из загон. Но такая сила среди ниндзя не была редкостью, и Тоби Като боялись и восхищались совсем по другой причине.

Он считался великим магом от ниндзюцу, его искусство заклинаний, волшебства и общения с духами вызывало суеверный страх. Предание гласит, что как-то раз Като показал следующий трюк. Он сорвал пару листиков с молодого дерева, положил на землю и начал обмахивать их своим веером, произнося какую-то сакральную формулу. И через несколько мгновений листья пустили корни, от них начал расти ствол и в разные стороны заструились ветви! И вот уже перед поражёнными людьми росло настоящее дерево, на ветвях которого висели тыквы-горлянки. Для того чтобы устранить всякие

сомнения, Тоби Като тут же своим мечом срубил дерево и рассек его на куски – все убедились, что никакого фокуса здесь нет.

Есиката Рокаку (Сасаки) – богатый самурай, основатель самурайской школы боя с оружием Сасаки-рю, отец Рокаку Ёсисукэ.

Активно использовал в 1560 г. ниндзя из Ига в борьбе со своими противниками

Прослышав о чудесном мастерстве этого ниндзя, Уэсуги Кэнсин решил нанять его к себе на службу. Но все эти фокусы с деревьями и магией не очень убедили самурая, и Уэсуги решил устроить Тоби Като испытание на свой вкус. Оно было подобно тому, которое мы уже описывали как трюк с «протекающим потолком». Надо было незаметно украсть нагинату (алебарду) у одного из самых умелых самураев Уэсуги по имени Наоэ Канэцугу. Огромный дом Канэцугу, защищённый высокими стенами, был окружён широким рвом и охранялся помимо могучих воинов свирепым псом, который мог почувствовать любого чужака за сотню метров. Но Тоби Като в данном случае, не прибегая к магии, решил воспользоваться вполне «мирским» способом – он дал псу отравленный рис, отчего бедное животное тут же издохло. Затем Като при помощи лазательных когтей вскарабкался по абсолютно гладкой стене, могучим прыжком преодолел ров (вот откуда его прозвище – Летящий) и спокойно проник в дом самурая. Охрана даже не заметила ниндзя. А тот, вероятно обиженный лёгкостью задания, – слишком велика была его слава для таких испытаний! – не только украл нагинату, но и прихватил с собой 11-летнюю девочку-служанку, которую посадил себе за спину.

Нетрудно представить, сколь сильно был поражён Уэсуги Кэнсин, когда узнал, что ниндзя сумел даже выкрасть живого человека так, что охрана ничего не заметила. Като был принят на службу к Кэнсину, и ещё долго поражал хозяина своими подвигами.

Именно Тоби Като приписывается основание целой школы магов-ниндзя. Они якобы использовали магические заклинания для передвижения по воздуху, заговаривали оружие, в результате чего оно могло действовать даже без участия человека. Сам Тоби Като славился тем, что спокойно сидел, молитвенно сложив руки, а его катана рубила врагов направо и налево. Когда однажды несколько самураев выследили Като и окружили его, чтобы добить, он очертил себя кругом, нарисовал в нём несколько магических знаков и призвал духов на помощь. После этого ни меч, ни копье самураев не могли проникнуть внутрь круга, и Като остался невредим!

И всё же конец Тоби Като был трагичен – он пал жертвой заговора. Ревнивый вассал Наоэ Канэцугу решил убить Като, и тому пришлось бежать. Так Тоби Като оказался у противника своего бывшего хозяина, Такэды Сингэна. Но Такэда кто-то нашептал, что Като – «двойной агент», работающий на самом деле на Кэнсина. Такэда долго не рассуждал. Он обвинил Като в воровстве и тотчас казнил великого ниндзя (Ямагути. Ниндзя но сэйкацу. С. 202).

Тоби Като представлял собой классический тип ниндзя-мага. Издавна образы ниндзя тесно переплетались с народными фольклорными рассказами о духах, небожителях и других «людях необычайных». И действительно, некоторые подвиги ниндзя иначе, чем знанием магии, объяснить трудно. Не случайно, например, в школе Ига-рю ученикам обязательно преподавали способы общения с духами, начертания магических иероглифов, творения заклинаний и особых переплетений пальцев, которые давали ниндзя необычайную энергию.

От лазутчика – к магу

Таинственная жизнь ниндзя, а точнее рассказы о ней, оказалась тесно связана с легендами о подвигах горных отшельников ямабуси. Многие легенды об этих странствующих аскетах, которым приписывалось немало чудес, перекочевали в жизнеописания большинства известных ниндзя. Поэтому порой мы можем встретить удивительные рассказы о неких «ямабуси-ниндзя», которых в реальности не существовало.

В действительности предания рисуют не конкретных людей, а собирательные идеальные образы – некоего Великого Ниндзя без индивидуальных черт. Правда, он может воплощаться во вполне конкретных мастеров ниндзюцу, как бы расплываясь по историческому пространству, возникая в различных временных отрезках. Поэтому о разных ниндзя рассказывают одни и те же истории, и совершают эти ниндзя одинаковые подвиги.

В историческом плане фольклорными описаниями своей магической силы ниндзя

«обязаны» частично ямабуси, частично – духам-тэнгу. Интересно, что в легендах ниндзя стоят все же ближе к духам, нежели к людям-ямабуси. Магическая практика горных отшельников, помноженная на блестящее боевое мастерство ниндзя и многочисленные приспособления для ведения боя и разведки, делала их почти сверхъестественными созданиями. Все это облекалось в одежды китайско-японских легенд – и вот перед нами уже некий супермен, то ли человек, то ли дух. Именно из этой дымки легенд и возникают многочисленные рассказы о подвигах ниндзя, которые подменяют собой более пресную действительность.

Итак, посмотрим, какие черты приписывались ниндзя. Большинство легенд касались, конечно, их чудесного мастерства и умения превращаться в других существ, чем обычно отличались и духи-тэнгу. Так, например, про знаменитого ниндзя Накагава Сэсюндзина (это именно он мог незаметно выкрасть меч у самурая) в древнем трактате «Окофудзи моногатари» говорится, что «помимо всего прочего он мог превращаться в крысу, паука, птицу и других животных» (Вататани Кюоси. Бугэй рюха хякусэн. Токио, 1972. С. 124).

Постепенно в народном сознании сложился стереотип ниндзя именно как мага и «человека свойств необычайных». Если самураи ценили синоби именно как разведчиков, лазутчиков и убийц, то в деревенской среде этими качествами вряд ли стали бы восхищаться – здесь нужно было чудо. И носителем такой «чудесности» выступал ниндзя. А точнее, некий собирательный образ человека, который одновременно был и ниндзя, и ямабуси, и бессмертным сэннинном, и бродячим магом, и врачом. Такие магические одежды надевались на людей вполне реальных. Дело в том, что начиная с XVII-XVIII вв. под именем «ниндзя» фигурировали уже не только профессиональные разведчики, подобно членам школ Ига-рю и Кога-рю, но и местные ведуньи, которым приписывали умение наводить порчу, убивать и лечить людей, даже не прикасаясь к ним. Некоторые из простолюдинов могли иметь отношение к местным школам дзю-дзюцу, практиковаться в боевых искусствах, хотя при этом никакими наемниками, подобно ниндзя, не являлись и, конечно же, не были посвящены в тонкости ведения разведки, «искусство невидимости», «беззвучных шагов» и другие их методы. Но народная молва была не прочь приписать своим героям статус «ниндзя».

Местные предания причисляли к «ниндзя» врачей, гадателей, мелких, но всемогущих администраторов. Наряду с закрытыми школами ниндзя, окутанными абсолютной тайной, создавались некие сообщества, которые также считали себя ниндзя. Они организовывали отряды самообороны, занимались магической практикой, и у многих стало складываться впечатление, что ниндзя по сути и есть маги.

Лазутчик и убийца, иногда просто бандит в народном сознании превращается в волшебника. Так, рассказывали, что некий Курогумо-одзи – «Принц Черный паук» – специально овладел некой паучьей магией, чтобы подготовиться к покушению на своего врага. Инуяма Тадаоки для того, чтобы отомстить своему отцу, изучал магию огня. Один из главарей бандитской шайки изучал искусство боя у тэнгу, за что его даже прозвали Тэнгу-кодзо Китаро. Некий ниндзя Симадзу Ёситака, который был в услужении у самурая Кисо Ёсинаки, также использовал магию при попытке расправиться со знаменитым Минамото Ёритомо. Таких примеров можно привести сотни.

Пожалуй, самым известным из таких сверхлюдей стал Тэндзики Токубэй (1616–1686), чей портрет как собирательный образ Великого Воина мы вынесли на обложку книги. Многие школы ниндзя были не прочь приписать Тэндзики принадлежность к ним, хотя был ли он в действительности ниндзя, мы не знаем. Тэндзики обычно изображается вместе с огромной жабой, так как этому самураю приписывается знание некой «жабьей магии». Жаба издревле считалась животным чудесным, дарующим магическую энергию, мудрость и долголетие. Иногда жаба непосредственно ассоциировалась с небожителями, обладая как бы двойственной природой – человека и животного. В человеческом образе она представляла собой бессмертного, с длинной бородой и жабьей кожей в пупырышках. Сие чудо так и называлось – «Жабий Бессмертный» (Гама Сэнин).

Сын императора Го-Дайго принц Моринга, мастер боевых искусств, прославившийся своими познаниями в магических искусствах, сидит в окружении своих телохранителей (по С. Тернболу)

В отличие от сэнинов (бессмертных) Тэндзики был человеком вполне реальным, считался блестящим воином, обладавшим вспыльчивым характером и непобедимым в схватке на мечах. Но прославился он не этим. Тэндзики был одним из величайших путешественников своего времени, провёл три года в Индии и два года в Макао – португальской колонии на территории Китая. Как гласит предание, именно в Индии он приобрёл полезное дополнение к своей магической силе – знание йогической практики и управления энергией кундалины, и вернувшись в Японию, создал собственную школу боя при помощи магии. Её причисляли то к самурайской традиции, то к практике ниндзя.

«Учись ждать»

«Учись ждать», – гласит первейший принцип ниндзюцу. Надо научиться ждать, несмотря на боль, гнев, страх, усталость. Надо презреть эти чувства, перешагнуть через собственное «я». Не случайно ниндзюцу – это «искусство терпеливых». И сознание ниндзя должно оставаться всегда чистым и спокойным.

Разум воина – это всегда гладкое зеркало, которое отражает все предметы, но не обнаруживает само себя. Тот, кто смотрится в зеркало, видит своё изображение и не обращает внимания на саму зеркальную поверхность. Нужно уметь не только маскироваться в траве, прятаться в листве деревьев и в полутёмных коридорах замков. Необходимо прежде всего научиться не отличаться от окружающей обстановки – «отражать её», как зеркало. Поэтому ниндзя должен «раствориться» в окружающем мире, стать его самой неприметной частичкой.

Быть невидимым, находясь среди людей, – это большое искусство, требующее огромного самообладания и умения управлять собственной психикой. Для этого, например, ниндзя изучали особые дыхательно-медитативные упражнения, предназначенные для управления жизненной энергией «ки» (кит. «ци»). Основная часть этого «внутреннего искусства» пришла из Китая, и ниндзя учились выбрасывать «ки» через ладонь во время удара, нанося особый «энергетический» удар. Однако такими способностями в полной мере обладали лишь немногие, это искусство держалось в глубокой тайне, а в некоторых кланах вообще было неизвестно. Большинство ниндзя использовали искусство управления «ки» как способ очищения и успокоения собственного сознания. После долгих занятий боец обретал состояние «великого

покая», когда ни одна мысль не нарушала «гладкой поверхности разума». В этом состоянии ниндзя уже избавлен от всех чувств – гнева, радости, злобы, зависти, он просто «не думает». Такое высшее состояние успокоения называется «мусин» – «не думание» или «неразум». Боец уже не действует сам, а лишь следует за противником, используя его силу против него же самого.

Тайное знание, которое многие связывали с магией, заключалось и в особых способах переплетения пальцев «кудзи-ин» или «ингэй» (мудра), которые замыкали круговорот «ки» в теле человека по определённой траектории. Одна пальцовка, например, успокаивала разум, другая наполняла тело огромной энергией, третья позволяла адаптироваться к сложной ситуации.

Считалось, что каждый палец связан с определённым космическим началом. Обычно это были пять первостихий китайской философии – металл, огонь, вода, дерево и земля. Например, в некоторых школах ниндзюцу большой палец соответствовал «пустоте» – началу и конечной точке всех вещей, указательный палец – ветру и любым газообразным субстанциям, отвечая за мудрость и добродетель. Средний палец – «огонь и горение» – символизировал разум и агрессию, безымянный – «вода и жидкости» – контролировал деятельность тела и эмоции человека, мизинец – «земля» – был связан с физическим началом человека и его стабильностью. Правая рука считалась позитивной, активной (ян) и отдающей энергию, а левая – негативной, пассивной (инь) и принимающей энергию. Смыкая, например, большой палец одной руки и безымянный палец другой и правильно сосредоточивая сознание, ниндзя мог быстро привыкнуть к экстремальной или необычной ситуации.

И всё же мудры ниндзя – лишь слабое эхо, сильно упрощённое подражание той магической практике, которая была распространена в буддийской школе Сингон. В реальности ниндзя пользовались мудрами в основном для ритуальных целей, во время молитвы духам.

Эти переплетения пальцев – мудры – были принесены в Японию в VII–VIII вв. монахом Кукаем (Кобо Даиси), который и основал эзотерическую буддийскую секту Сингон. Сама концепция священного переплетения пальцев пришла в Сингон из тантрического буддизма (или ваджраяны), где до сих пор она активно проповедуется тибетскими монахами.

Исикава Гозмон из Ига, прославившийся как знаменитый бандит и знаток ниндзюцу, в засаде. Был арестован и сварен заживо (по С. Тернболу)

Последователи Сингон использовали до 295 различных знаков, которые соответствовали времени дня, года, внутреннему настрою и индивидуальным чертам. Старшие монахи произносили определённые звуки – дхарани – перед паствой как часть ритуала, вводя слушающих в состояние молитвенного радения. Скажу по собственному опыту, что человек, слушающий правильно произнесённый магический звук, через некоторое время впадает в экстатическое состояние, и у него начинаются видения. Эта практика до сих пор используется при подготовке шаолиньских монахов-бойцов в Китае.

«Они приходят из пустоты»

Сложная «магическая наука» всесторонне развивала психику и тело ниндзя. Например, ниндзя должен уметь слышать те звуки, которые уху обычного человека недоступны. Ниндзя умеет анализировать и отличать один звук от другого – например, хруст ветки, сломавшейся под копытом лошади, он без труда отличит от звука ветки, треснувшей под ногой человека.

Сами же ниндзя должны были передвигаться неслышно и незаметно, стремительно, как дуновение ветра. Одна из разновидностей специальных передвижений – ёко-аруки – заключалась в умении двигаться боком с большой скоростью. Подобные передвижения могли запутать преследователей; к тому же таким образом удобнее всего двигаться в узких коридорах самурайских замков, так как имеется возможность вовремя заметить опасность, с какой бы стороны она ни приближалась. Другой тип передвижений – нуки-аси – заключался в умении ступать столь легко, что под ногой ниндзя, идущего по лесу, не должна хрустнуть ни одна ветка, а лесные птицы не должны выдать его приближение громкими криками.

Уловок у ниндзя было бесконечное множество. Так, знаменитый ниндзя Ямада Хатиэмон (именно он сумел украсть меч у самурая при свете дня) отличался необычным искусством сэммэн-дзюцу. Оно заключалось в том, чтобы создать у противника впечатление, что ты имеешь три головы! Делалось это приблизительно так: в специальном капюшоне, что носили некоторые ниндзя, проделывалось отверстие для головы, а еще две «головы», обычно изготовленные из дерева и также одетые в чёрные капюшоны, укреплялись рядом. Такое «трёхголовое чудовище» могло сильно смутить противника, особенно во время дождя или тумана, – все три головы вращались в разные стороны и смотрели в разных направлениях, поэтому трудно было разгадать, что на самом деле собирается делать ниндзя (Хацуми Масааки. Има ниндзя. Токио, 1981. С. 188).

Наиболее опытные ниндзя проходили курс каруми-дзюцу – «искусство облегчать вес тела», которое пришло из Китая. Благодаря каруми-дзюцу ниндзя совершали высокие прыжки, уходя от ударов меча и нанося удары ногами сверху, ловко передвигались по деревьям, цепляясь за самые тонкие ветки.

За умение исчезать в самый неожиданный момент ниндзя были прозваны «невидимками». Надо было появиться как можно более неожиданно, нанести резкий удар мечом или подсыпать яд и так же неожиданно скрыться. «Ниндзя приходит из пустоты и уходит в пустоту, не оставляя следов», – говорили о них.

Для такой «невидимости» были разработаны десятки способов. Прежде всего это умение управлять собственным телом, «просачиваясь» сквозь узкие щели: например, подлезть под забор, сделав подкоп не более чем 20 см высотой! Благодаря тренировкам, которые начинались ещё в детском возрасте, ниндзя могли без вреда для себя сделать себе искусственный вывих, например, в плечевом, локтевом или тазобедренном суставе. Это помогало им, когда ниндзя, изображая мёртвого, лежал часами в неудобной позе, которую обычный живой человек просто не смог бы принять, или освобождался от самых хитрых пут.

Основа тактики ниндзя заключалась в принципе «кюдзюцу тэн кан хо» – «искусство выдавать ложное за действительное». Например, чтобы избежать неожиданного нападения соперника, ниндзя строил точную копию своего жилища, разжигал огонь в очаге и даже накрывал на стол. Сам же ночевал в укромном шалаше или землянке –

личная безопасность превыше удобств.

Великолепными притворщиками были ниндзя в бою. Они делали вид, что корчатся от боли, получив удар. Из их рта шла кровь – якобы из горла, а на самом деле они специально высасывали ее из десны. Ниндзя падал, катался по земле в судорогах, издавал «предсмертные» хрипы. Даже опытные самураи, повидавшие не одну смерть на своем веку, не могли заметить притворства. Но стоило противнику приблизиться, чтобы добить ниндзя, как следовал резкий удар ножом или коротким мечом в пах либо бросок сюрикэна в горло.

Ниндзя учился избегать прямого столкновения с противником, ибо он, скорее всего, окажется слабее самурая. Он должен ускользнуть от него и однажды неожиданно «прийти из пустоты», нанеся решающий удар. Для этого и служило его «искусство быть невидимым». Именно из-за этого их свойства ниндзя иногда считали духами-тэнгу – мистическими созданиями, способными исчезать в одно мгновение, будто растворяясь в воздухе.

Как достигалась такая «невидимость»? Прежде всего ниндзя обычно действовали под покровом ночи, неслышно выслеживая свою жертву. Особым предметом обучения в кланах ниндзя было «искусство земли» – дотон-дзюцу, заключающееся в способах маскировки и использования рельефа местности. Иногда ниндзя, наоборот, не прятался, выставлял себя напоказ, но... Никто бы не мог предположить, что виднеющаяся неподалёку статуя или невысокое дерево – это лазутчик, перенявший их очертания. Такое искусство маскировки «под дерево» называлось мокутон-дзюцу. Ниндзя умели быть похожими на предметы живой и неживой природы. Не случайно считалось, что ниндзя не имеет постоянного лица и облика. Он мог незамеченным пройти сквозь заставы самураев, накинув шкуру овцы и затесавшись в стадо, или часами плыть по реке, держась за бревно и сливаясь с ним. В другой раз ниндзя, дожидаясь противника, закапывал себя с головой в землю и дышал через небольшую бамбуковую трубочку.

Ниндзя, как хамелеоны, могли мимикрировать, уподобляясь дереву, распластаться на ветках, прижавшись к стволу и обхватив его руками, часами ждать, пока не минует опасность.

Предания донесли до нас немало забавных эпизодов о маскировке ниндзя в деревьях. Как-то два ниндзя должны были проникнуть в покои к одному даймё и уже открыли дверь дома, но заметили охрану и быстро ретировались. Один из синоби, решив не рисковать, перелез через стену сада и оказался на улице, второй же вскарабкался на дерево, которое росло в саду, и затаился в листве. Через некоторое время ниндзя, покинувший территорию, начал беспокоиться о своем товарище и вернулся в сад. Он начал вглядываться в листву, но даже своим зорким оком не сумел разглядеть товарища в густой листве. Ниндзя начал шёпотом звать его, говоря, что охрана ушла и можно спускаться. Но сидящий на дереве был предельно осторожен. Он подумал, что это охранники решили симитировать голос его друга и таким образом выманить его самого из убежища.

Всё было бы ничего, но тот ниндзя, что находился на земле, к своему ужасу заметил, что охрана возвращается и сейчас начнет прочесывать сад. Как же дать знак своему товарищу, что надо спасаться? Он громко закричал: «Здесь ниндзя! Ниндзя на дереве!». Лазутчик, сидевший в листве, решил, что его убежище обнаружено. Он стремительно спрыгнул с дерева и одним прыжком перемахнул через ограду, а за ним тотчас бросился его товарищ. Обоим ниндзя удалось скрыться невредимыми (Turnbull S. Ninja, p. 96).

Лазутчики внезапно встают из травы и нападают на самураев клана Ходзё, 1573 г. За такую тактику их прозвали «куса» – «трава».

Сцена из хроники «Ходзё годай-ки» (по С. Тернболу)

Главным фактором в действиях ниндзя являлась неожиданность, причём коварству синоби в этой области можно только подивиться. Любая операция предварительно тщательно продумывалась – от этого также во многом зависела «невидимость» ниндзя. В частности, лазутчики были великолепными знатоками архитектуры, быстро ориентировались в самых запутанных коридорах и подземельях. Сделав подкоп под дом или пробравшись по канализационным отводам, ниндзя безошибочно выбирались наверх, бесшумно взламывая пол. Даже каменные полы самурайских замков не становились преградой для них. Здесь также было необходимо колоссальное терпение, чтобы целыми неделями подпиливать камень.

Человек со многими лицами

Вероятно, мы не встретим ни одной книги о ниндзюцу, где бы не перечислялись «роли»

или типы маскировки ниндзя, не рассказывалось о том, какие реальные «превращения» могли осуществлять ниндзя, какие «лица» способны были надевать на себя. Дело в том, что большинство версий, которые фигурируют в книгах, – не более чем выдумки; к историческим ниндзя они имеют весьма косвенное отношение.

Откроем один из важнейших трактатов по ниндзюцу «Сэнин-ки» и убедимся, что такие «роли» действительно существовали. Трактат перечисляет семь типов маскировки, или семь «масок», которые должен был уметь надевать на себя ниндзя (Ямагути С. Ниндзя но сэйкацу. С. 223):

1. Танцор (саругаку).
2. Самурай, потерявший своего господина (ронин).
3. Монах, играющий на флейте с корзиной-шапкой на голове (комусо).
4. Священник.
5. «Горный монах-воин» ямабуси.
6. Торговец.
7. Бродячий актёр (бива).

Эти семь ролей стали классическими практически во всех школах ниндзюцу. Обычно они назывались «семь способов пройти» (сити хо до), т. е. проникнуть куда-либо. Надо не просто сменить одежду, но и приобрести новую походку, причёску (на это обращалось особое внимание), даже тембр голоса и манеры. Примечательно, что синоби обычно маскировались под представителей среднего сословия или обедневших мелких самураев. Это и была «толпа», где все на одно лицо. А вот аристократические манеры и, главное, аристократический образ жизни были для ниндзя недоступны, да и опасны: всех видных вельмож хорошо знали.

«Семь способов» стали одним из краеугольных камней «искусства невидимости», которым так славятся ниндзя. Конечно, это отнюдь не значит, что ниндзя действительно растворялись в воздухе (хотя легенды утверждают именно это). Например, одним из критериев «невидимости» было «никакое» лицо, т. е. лицо ниндзя не должно запоминаться, на нем не может быть никаких заметных примет. Ниндзя всегда таков, каковы окружающие его люди.

Помимо всего прочего, искусство маскировки должно было позволить спрятать оружие, сделать его незаметным для наблюдателя. Действительно, кто может подумать, что в палке, на которую опирается пожилой крестьянин, скрыта длинная цепь с острым наконечником, а в грубом деревянном посохе бродячего монаха-ямабуси спрятан острый клинок. Ниндзя, переодетые в монахов-комусо, обычно использовали своего верного спутника – флейту – в качестве короткой дубинки, вставляя в неё особые утяжелители. Правда, это было небезопасно – флейта от такого «дополнения» начинала немного фальшивить, и чуткое ухо (а некоторые самураи неплохо разбирались в музыке) могло, уловив это, раскрыть хитрость ниндзя. Наиболее дерзко действовали ниндзя, когда надевали лики бродячих актёров (бива), – они активно использовали свои музыкальные инструменты, особенно щипковые, чтобы спрятать в них ружья. Внутри цитры мог постоянно тлеть зажжённый фитиль, и оружие всегда было готово к выстрелу!

Естественно, эти семь классических ролей не оставались неизменными на протяжении всей истории ниндзя. Скажем, в XVIII в. маскировка под отшельника-ямабуси вызвала бы по крайней мере удивление у прохожих и выдала бы ниндзя с головой, подобно тому как если бы в наши дни по улицам стал ходить человек в древних латах. К сожалению, по японским источникам такую трансформацию проследить сложно, поэтому мы приведём методику «семи ролей» так, как она рассматривается в современной школе Такагурэ-рю.

Первую категорию составляют люди искусства, спортсмены, фотомодели, актёры, певцы, музыканты, репортеры. Обычно они привлекают к себе особое внимание, поэтому антураж следует подбирать особенно тщательно – скажем, одежды фотомодели или певца должны соответствовать уровню претензий.

Во вторую категорию входят люди, так или иначе связанные с наукой и образованием, – студенты, преподаватели, а также писатели. Примечательно, что сюда же причисляются некоторые радикалы, пропагандирующие те или иные идеи, причём для ниндзя в этом случае необходимо уметь увлечённо и грамотно доказывать свои

взгляды.

Третья категория – это религиозные деятели независимо от конфессий. Здесь можно встретить буддистов, христиан, католиков (как священников, так и монахов) или сотрудников разных религиозных миссий.

Четвёртая категория включает крестьян и любых жителей сельской местности, например, мелких землевладельцев, лесников. Пятая категория объединяет людей, связанных с бизнесом, например, владельцев фирм, их персонал, секретарей. В шестую категорию входят рабочие, садовники, водители, любые служащие строительных специальностей. И наконец, седьмая категория объединяет всех тех, кто задействован в сфере обслуживания, – механиков, швейцаров, полицейских, охранников.

Как видим, по сравнению с классическими «масками» роли сильно изменились. Напомним, что речь шла о ролях в школе ниндзюцу сегодняшнего дня, которая к традиционному ниндзя все же имеет достаточно косвенное отношение. Но тем не менее динамика подмечена точно, искусство маскировки в ниндзюцу никогда не стояло на месте, хотя священное число ролей – семь – всегда сохранялось.

Надо уметь быть невидимым и в толпе. Ниндзя изучали привычки, навыки, манеру поведения и общения людей: торговцев и крестьян, лодочников и рыбаков, мелких феодалов и богатых самураев и даже женщин легкого поведения. Например, известна такая история. На одного владетельного самурая уже несколько месяцев шла настоящая охота, но все попытки ниндзя убить его проваливались – он моментально разоблачал их хитрости. Но вот однажды один молодой мальчик-ниндзя вызвался покарать самурая. Юноша переделался веселой певичкой, и самурай, пленённый красотой, танцами и даже ласками, пригласил её к себе в замок на ужин. Когда опустели сумерки и самурай уже разоблачился, готовясь провести приятную ночь с обворожительной «певичкой», ниндзя заколол самурая его же собственной катаной и выскользнул из замка. Таково было «искусство смешиваться с людьми» – хэнсу-дзюцу.

Существовали и женщины-ниндзя – так называемые куноити. Куноити заманивали самураев своей красотой, могли служить гейшами, служанками, работать простыми крестьянками. Лишённые возможности носить меч и проигрывая мужчинам в физической силе, они использовали заколки для волос, железные веера (тэссэн), которыми наносили удары в горло и лицо врага. Очаровывая самурая, куноити укладывала его в постель, доводила до иступления и в самый важный момент любовной игры всаживала ему заколку для волос в горло, а то и просто душила.

Некоторые кланы ниндзя считали куноити своим самым эффективным оружием и содержали несколько особых женских групп, причём каждая группа имела свою «специализацию»: например, одни куноити обучались искусству шпионажа, другие – методам убийств. Сохранились достоверные свидетельства относительно того, что куноити являлись отменными убийцами. Некоторые женщины-воины были столь фанатичны, что убивали своих кровных родственников, например, отца, братьев, мужа, если считали, что те опозорили свою честь или должны были совершить сэппуку, но убоялись. Куноити также убивали своих детей, если тем грозила опасность быть захваченными в плен (Weiss A., Philbin T. *Ninja: Clan of Death*, London, 1981, p. 112–113).

Пойманную куноити отдавали на поругание личной страже самурая и лишь после этого ей позволяли умереть. Одна из хроник того времени утверждала: «Многочисленные изнасилования были всего лишь первым звеном в цепи мучений, которые ей предстояло выдержать» (Ibid, p. 114). Поэтому женщины-ниндзя в минуту опасности следовали древнему ритуалу самоубийства. В отличие от мужчин, которые во время харакири вспарывали себе живот, женщины выполняли дзигаи – наносили удар ножом себе в шею.

Дом с двойным потолком

Предосторожности, которые предпринимали самураи, опасаясь нападения ниндзя, можно отнести, пожалуй, к высшему разряду искусства защиты. До сих пор в Киото можно видеть дом, который когда-то принадлежал самураю Огаве Хираэмону. Чуть позже воинственный самурай переквалифицировался в мирного торговца рисом, но то ли его богатство не давало кому-то спать, то ли старые враги не могли забыть обид –

на Огаву было совершено несколько нападений. Торговец особым образом укрепил свой дом против небезобидных «проказ» ниндзя. Прежде всего он решил защититься от поджога: покрыл крышу листами металла, а двери углубил в землю. Пол перед входом в главный зал был устроен таким образом, что стоило посетителю наступить на него, как тотчас раздавалась соловьиная трель.

Даже внутренняя обстановка была такова, что затрудняла любые активные действия со стороны незваного гостя. Например, потолки в переходах и в некоторых залах были такими низкими, что не позволяли активно действовать мечом. Доски пола могли внезапно раздвигаться, открывая хитрые балки перекрытия, сделанные таким образом, что, зацепившись за них и упав, ниндзя обязательно сломал бы себе ногу. Комната для охраны была устроена так, что воины могли слышать все разговоры и звуки в доме.

Была предусмотрена защита и от тех ниндзя, которые приходили в дом открыто. В частности, в потолке главного зала для приёмов проделано квадратное отверстие, которое, как могло показаться на первый взгляд, служило для освещения комнаты солнечными лучами. Но отверстие находилось прямо над тем единственным местом, куда усаживался на циновку посетитель. С одной стороны, лучи солнца, бившие в глаза, мешали ему свободно ориентироваться, а с другой стороны, охрана могла постоянно наблюдать за гостем сверху и броситься на него при первом подозрительном движении. Сегодня в этом удивительном доме открыт музей.

Другое произведение самурайского искусства защиты – замок Мюрюдзи, расположенный в районе Тарамати в Канадзаве. Когда-то он прикрывал подходы к городу и принадлежал даймё Маэде Тосицунэ (1593–1658), который прославился тем, что избежал нескольких десятков покушений ниндзя. Маэда сумел уберечься от искушенных синоби благодаря тому, что весь его замок представляет собой ловушку, и, поставив ногу уже на первую ступеньку лестницы, ведущей к главным воротам, ты становишься пленником самурайской хитрости. Например, вертикальные блоки ступеней главного входа, которые кажутся каменными, на самом деле сделаны из плотной бумаги, поэтому охрана всегда могла всадить копьё в ногу незваного гостя. Но даже если ты сумел пройти опасные ступени, дальше следует ещё разгадать тайну дверей. Дело в том, что двери эти – двойные. За раздвижными створками находится массивная навесная дверь, ведущая в секретный коридор, по которому и проходил всегда владелец замка. Дверь эта сделана в виде глухой стены, зато налево от нее открывается ложный проход. Туда и попадал ниндзя, где его ждала ловушка в виде бумажного пола и острых кольев под ним.

Даймё Маэда Тосицунэ, вероятно, особенно боялся, что ниндзя застанут его врасплох во время ритуальных церемоний, когда он целиком отдавался общению с Небом. Поэтому все помещения, так или иначе связанные с дзэнской практикой, и кабинеты для «интеллектуальных занятий» (сёин) были прекрасно защищены. Например, почти невозможно обнаружить специальную комнату для чайных церемоний, сооружённую на третьем этаже замка. Дело в том, что вход на миниатюрную лестницу, ведущую в эту комнату, был прикрыт художественным свитком – какэмоно. Благодаря этому создавалось впечатление, что какэмоно висит в обычной нише, называемой «токонома», куда иногда помещали и композиции икебаны.

Не меньшие меры предосторожности предпринимали и сами ниндзя, причём используя ещё более хитроумные способы – ведь зачастую судьба сталкивала одного ниндзя с другим. Если ниндзя принадлежал к богатому сословию (что было все же редкостью), он не только сооружал в своём доме сложные ловушки, натягивал сигнальные нити, разбрасывал по полу иглы и острые «репейники», но даже строил ложные полы и потолки. Устроившись в пространстве между настоящим и фальшивым потолками, ниндзя мог всю ночь провести в такой необычной нише. Наемному убийце дом казался пустым, и он уходил ни с чем. Из дома ниндзя нередко вело несколько тайных ходов. Владелец такого жилища сначала демонстративно покидал дом, а затем возвращался по одному из скрытых ходов. Иногда в жилищах ниндзя сооружались специальные слуховые трубы, и он, находясь в своей комнате, мог слышать все звуки в любой части своего дома.

ПРЕДАННОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Последний бой императора

Мощные междоусобные битвы, которые потрясли Японию в период Камакура (1185–1333), позволили некогда малограмотным воинам испытать пьянящий вкус власти. Самурайству нужна была власть над всей страной, но на их пути стояли императорский двор и наследственная аристократия. И вот наконец в 1333 г. происходит то, к чему логически вело развитие событий, – самураи из Камакура опрокидывают воинство императора Го-Дайго, состоявшее не только из воинов, но и из монахов-бойцов. С этого момента и начинается в истории Японии так называемый период Муромати (1333–1392). Император пытается вернуть себе реальную власть в стране, но эта попытка быстро пресекается умелым и жестоким воином Асикагой Такаудзи, который в 1336 г. просто заставляет Го-Дайго покинуть столицу – город Киото. Этому отъезду, а точнее, бегству, предшествовали весьма примечательные с точки зрения боевых искусств события, о которых мы расскажем далее.

Император нашёл себе прибежище на юге от Киото, в местечке Ёсино, где создал «Южный двор». Формально он продолжал управлять страной, но реальная власть перешла к самурайскому штабу – бакуфу. Асикага Такаудзи создал «Северный двор» в Киото, перенёс сюда ставку бакуфу и став первым японским сёгуном.

В этот период самураи вырабатывали методы боя, ставшие вскоре классическими для их воинской тактики. Например, буси неоднократно доказывали своё мастерство в «тайном нападении», то есть в скрытой атаке на позиции противника или бесшумном устранении своих конкурентов в борьбе за власть, и в этом смысле самураи мало чем отличались от ниндзя. Они владели и сложнейшим искусством тайного штурма замков, которое включало, в частности, умение карабкаться на неприступные стены при помощи кожаных верёвок с узлами и особых металлических когтей, надеваемых в виде перчатки на руку. Самурай должен был знать также, как провести разведку помещений замка, посеять панику среди его защитников, какие использовать уловки, чтобы обмануть охрану.

*Самурай Ямаками Сан-Эмондзе спасается от напавших на него лазутчиков, устремляясь в горы.
Его друг Хага Хикодзиро пускается вплавь (по С. Тернболу)*

Хорошо построенный самурайский замок представлял собой неприступную крепость. Фактически это был город, обнесенный высокой каменной стеной толщиной до 3 м. На территории замка находилось все, что нужно знатному японцу для нормальной жизни, – небольшой храм местного божества, склады и зерновые амбары, комнаты для многочисленной прислуги и охраны, большой двор для воинской тренировки, огромная конюшня, кузница, где можно было подправить доспехи. Провианта в таких замках могло хватить на несколько лет осады.

XIV-XVI века знаменуются строительством грандиозных замков-крепостей, многим из которых было суждено сыграть немалую роль в гражданских войнах. Например, в 1576–1579 годах на берегу озера Бива из дерева и глины на мощном скальном фундаменте высотой более 20 м сооружается замок Адзуты, являвшийся ставкой многих японских сёгунов. Считается, что подобный тип оборонительных сооружений появился в Японии под влиянием западных образцов, в частности был привнесён португальскими торговцами с середины XVI в., обучавшими японцев методам ведения войны, в том числе и применению огнестрельного оружия (Munsterberg H. *The Arts of Japan: An Illustrated History*. Rutland-Vermont-Tokyo, 1981, p. 126).

Европейское новшество пришлось по вкусу богатым самураям. Замки становятся настоящими произведениями искусства. Например, стены и ширмы замка Оды Нобунаги в Адзуты были целиком увешаны картинами, а крепости великого Хидэёси орнаментировались столь великолепно, что вызывали восхищение у всех знатоков искусства той эпохи.

Естественно, для взятия крепостей самураям приходилось прибегать к различным уловкам и хитростям. Немало таких операций проводилось уже в XIV в. во время затяжных войн Намбокутё – «Северного и Южного дворов». Подробности тех событий непосредственно связаны с рождением одной из первых школ самурайского боевого искусства – Кусуноки-рю.

Шла бескомпромиссная война за власть между бакуфу (сёгунатом) и сторонниками императорской власти. Император Го-Дайго (правил в 1319–1338 гг.) предпринял

последнюю отчаянную попытку отобрать власть у бакуфу. Среди сторонников императора особым влиянием пользовался хороший стратег и воин Кусуноки Масасигэ (1294–1336). Он и его подданные владели рядом прекрасно укрепленных замков, расположенных в лесистых горах вокруг района Ёсино.

Для нас Кусуноки Масасигэ интересен в первую очередь тем, что создал одну из самых ранних школ воинского искусства, которая в его честь была названа Кусуноки-рю. Интересно, что через несколько столетий Кусуноки-рю будут считать одной из школ ниндзюцу, хотя создана она была не каким-то «тайным убийцей», «воином ночи» или разведчиком, но благородным аристократом. Правда, обучение в этой школе включало многое из того, чем потом будут активно пользоваться синоби: изготовление многочисленных ловушек и западней, способы обмана противника, методы дезориентации нападающих. По сути Кусуноки-рю была просто специфической школой тактики и боевых искусств того времени. Мы уже отмечали, что как таковое единое искусство «ниндзюцу» отсутствует – это общее наименование сотен непохожих школ. Кусуноки-рю представляла собой школу ведения партизанской войны.

Силы сёгуната выгнали принца Морианагу («Принца Большой Пагоды»), сына императора Го-Дайго, из его горной ставки, которая располагалась в горах Хиэй – знаменитом буддийском центре секты Тэндай недалеко от города Киото. Следующей задачей было пленение самого императора Го-Дайго, который укрылся в одном из замков Кусуноки Масасигэ – горной крепости Касагияма.

Осада Касагиямы длилась уже столь долго, что командование бакуфу готово было отвести свои войска от неприступной крепости. И тут, как гласит средневековая японская хроника – наполовину историческая книга, наполовину роман (гункимоно) «Тайхэки» (1360–1380), – среди осаждающих появились два самурая: Суяма Тодзо Ёситака и Комияма Дзиро. Это были настоящие искатели приключений, всеми путями стремящиеся к славе и воинским почестям. И вот они увидели шанс добиться для себя известности.

Они решили вдвоём проникнуть в крепость. Но для этого надо было сначала суметь взобраться на высокую скалу, которая прекрасно просматривалась со всех сторон. Как говорилось в хронике того времени, скала была так высока, что «даже птице было трудно взлететь на её вершину».

Связав кожаные ремни конской упряжи, они приготовили длинные веревки с узлами и решили штурмовать северный склон – самый крутой и, как считалось, неприступный. Ночь выдалась ненастной, шумел ливень, завывал ветер, который, казалось, был готов сдуть смельчаков со скалы. Даже на расстоянии вытянутой руки трудно было разглядеть человека, и замок, стоявший на вершине, практически полностью исчез из виду.

По скользкому мху, покрывавшему скалы, два самурая и шедшие с ними пятьдесят воинов сумели незамеченными подобраться к замку. Они внимательно осмотрели, какие части замка хуже всего охраняются или плохо укреплены. Как оказалось, именно на северной стороне, которая считалась неприступной, охрана практически отсутствует. Самое главное – Суяме и Комияме удалось узнать, где именно в замке находится ставка императора Го-Дайго.

Правда, был один момент, когда казалось, что вся их операция находится под угрозой срыва. Кто-то из охранников замка, увидав группу вооруженных людей, двигавшихся по двору, спросил, кто они такие, и уже был готов поднять тревогу. Самураи, не растерявшись, сообщили, что они – специальный ночной отряд для усиленной охраны. К тому же один из самураев строгим голосом наказал стражнику быть начеку – якобы готовится ночная атака. Ответ удовлетворил последнего, и отряд продолжил свое путешествие по вражескому замку. Что произошло затем, рассказывает древняя хроника:

«Когда Суяма и его люди узнали всё, даже место убежища императора, они укрепили свои сердца, поклонились духам гор, вскарабкались на пик, что располагался над главным залом замка, запалили там огонь и подняли все вместе страшный крик». (Цитируется по: McCullough H. The Taiheiki, A Chronicle of Medieval Japan. Columbia University Press, New York, 1959, p. 78.)

Воины из школы Кусуноки-рю, возглавляемой Кусуноки Масасигэ (1294–1336), использовали соломенные куклы для того, чтобы ввести нападавших в заблуждение (по С. Тернболу)

Войска бакуфу, стоявшие внизу, оказывается, не знали о смелой вылазке Суямы и Комиямы. Они подумали, что осажденные решились на вылазку. Раздались звуки боевых труб, отрывистые команды – воины бакуфу начали приготовления к обороне. Но основные события происходили в замке. Суяма приказал своим людям рассеяться по замку, поджигать все строения, которые только могут гореть, и производить как можно больше шума. Защитники замка решили, что основные войска атакующих уже прорвались в замок. Началась паника, никто не мог представить, что всего лишь пять десятков человек проникли в крепость, где находился гарнизон в несколько сотен отлично вооружённых воинов. Наконец и армия бакуфу поняла, что какой-то отряд, выступивший на их стороне, уже находится в замке, и начала атаку на крепость. Император Го-Дайго со своими телохранителями вынужден был спасаться бегством. Так самурайское умение «тайной атаки» позволило сломить сопротивление императора.

Но Кусуноки Масасигэ, преданный сторонник императора, недаром считался блестящим воином. В следующий раз он сумел благодаря своему искусству обмануть искушенных самураев. Произошло это так. Армия бакуфу начала концентрировать силы для штурма последнего оплота Кусуноки – мощной крепости Тихая, которая была сооружена на неприступной скале и к тому же защищена густым лесом.

Кусуноки Масасигэ подробно разузнал о той хитрости, к которой прибегли два самурая, когда штурмовали крепость Касагияма, и вынес из этого хороший урок. Прежде всего Кусуноки так расставил караулы, что ни один лазутчик бакуфу не мог подобраться к замку Тихая. Был даже проложен специальный трубопровод от ближайшей реки, который снабжал защитников замка водой на случай долгой осады. Затем Кусуноки послал в ставку бакуфу своего человека, который выдал себя за перебежчика. Он рассказал, что внутри крепости есть люди, готовые ночью открыть ворота. Посланный к крепости отряд бакуфу попал в ловушку и был уничтожен.

Через несколько дней Кусуноки придумал новую хитрость, которая потом вошла в обиход самураев и некоторых школ ниндзюцу. Из разного тряпья он приказал сделать двадцать или тридцать фигур людей, обрядить их в боевые одежды и вооружить щитами, копьями, мечами и другим оружием. Затем это «воинство» ночью было расставлено у стен замка. Далеко позади кукол находились пять сотен настоящих воинов, которые, лишь только рассеялась ночная мгла и стал заниматься рассвет, подняли страшный шум.

Самураи бакуфу подумали, что защитники замка решили сделать вылазку, а увидев, что их всего лишь несколько десятков, бросились отражать «атаку». И тут же им на головы посыпались камни и брёвна. Это не столько нанесло воинам бакуфу урон в

живой силе, сколько унизило их достоинство. Ещё бы – мужественные самураи пытались атаковать тряпичных кукол! (Ibid. p. 184–185.)

Школа Кусуноки-рю включала ещё немало подобных «обманов» и уловок. Как видим, то, что мы подразумеваем под ниндзюцу, было вначале просто особым способом «хитрого» ведения сражений и партизанской войны.

Однако все эти хитрости не спасли самого создателя школы. Кусуноки Масасигэ погиб во время жестокого сражения при Минатогава в 1336 г. В проигрыше этого сражения многие обвиняли императора Го-Дайго, который просто растерялся в последний момент. Кусуноки знал, что его войска обречены на поражение в битве с многократно превосходящими силами бакуфу, и всё же сам повёл их в бой. Тем самым он проявил высочайшую преданность самурая своему императору. Этот поступок возвёл Кусуноки Масасигэ в ранг величайших самураев Японии, которым долгое время возжигали благовония перед алтарем в знак уважения к их мужеству. Но смерть великого воина Кусуноки резко ослабила ряды сторонников императора. Увы, реставрации не получилось, зато возникла новая, еще более мощная форма сёгуната, во главе которого встал хитроумный Минамото, прозванный Асикага. Ещё почти полвека гремели сражения. В конце концов Асикага стал править в «Северном дворе» в Киото, а последователи императора – в «Южном дворе» в горных районах Ёсино, где было немало тайных троп и неприметных убежищ.

«Искусство невидимости» принца Морианаги

Обратим внимание, что в тот период, о котором мы рассказываем, «законодателями мод» в боевых искусствах были не столько самураи, сколько наследственная аристократия. Примечательной особенностью будзюцу той эпохи была вера величайших воинов в силу заклинаний, молитв, магических действий и амулетов. Порой они могли достичь немалого мастерства в «тайных искусствах», правда в основном их возможности объяснялись не силой заклинаний, а ловкостью тела.

Одними из самых умелых «магических воинов» считались члены императорской фамилии. Их обучали специальные инструкторы, в том числе прибывшие из Китая, где магия давно стала частью воинской традиции. Особым умением, например, отличался принц Морианага, сын императора Го-Дайго (XIV в.). Морианага был прекрасно знаком с китайскими трактатами по военному искусству, высоко ценил философа и полководца Сунь-цзы. Сам Морианага выделялся высоким боевым мастерством, которое, вероятно, изучал у тех же китайцев. Не случайно древняя хроника «Тайхэки», восхищаясь его боевой подготовкой, сравнивает принца именно с китайскими мастерами: «Он мог перепрыгнуть глубокий ров более ловко, чем сам Цзян Ту, а совершенствуясь в мастерстве фехтования, следовал заветам Цзы Фана, и не было такого, даже самого короткого наставления по воинскому искусству, которое бы он не прочитал». (Цитируется по: McCullough H. *The Taiheiki, A Chronicle of Medieval Japan*. Columbia University Press, New York, 1959, p. 30.) О нём рассказывали, что он мог становиться невидимым и в таком виде передвигаться на большие расстояния. И однажды это тайное искусство спасло ему жизнь.

Во время затяжной войны Намбокутё между императором и бакуфу первый вынужден был спастись бегством. Гонениям подвергся и его сын принц Морианага; после падения Акасаки ему пришлось скрываться вместе со своим другом и наставником, великим воином Кусуноки Масасигэ. Они укрылись в монастыре Ханьядзи в городе Нара. Но однажды к их обители подъехал отряд преследователей, которые сумели разузнать, где скрываются беглецы. Сражаться с таким количеством воинов было бессмысленно. И принц Морианага решил воспользоваться своими знаниями магического искусства.

В главном зале Будды он увидел три огромных китайских ларца на ножках, в которых хранилась драгоценная Дайханья-сутра. Крышки двух ларцев были заперты на замок, но третий ларец оказался открыт – монахи забыли закрыть его после последней молитвы, – и было видно, что более половины сутры, хранившейся там, отсутствует. Принц, не торопясь, сел именно перед этим ларцем, положил священные писания себе на голову и начал мерно произносить какие-то заклинания. И внезапно он исчез из виду,

будто растворился в воздухе.

Примечательно, что здесь магическое искусство сочеталось с немалой ловкостью. На самом деле принц сумел спрятаться в открытом ларце. Самураи, ворвавшись в зал Будды, обыскали все углы, проверили два закрытых ларца, но так и не догадались заглянуть в открытый, где и укрылся принц. Самураи, успокоенные обыском, вышли из зала, но внезапно кому-то из них пришла в голову идея, что принц может скрываться под ворохом сурт именно в открытом ларце. Они вновь вернулись в зал, быстро подскочили к открытому ларцу, внимательно осмотрели его, но никого там не обнаружили! Разочарованные самураи удалились. Оказалось, что принц, пока их не было в зале, догадался перебраться в один из закрытых ларцев.

На следующий день принц Морианага решил всё же покинуть ставшее опасным убежище. Обрядившись в бродячего ямабуси и изменив свою внешность, Морианага спокойно вышел из Нары, кишевшей преследователями, и продолжил свой путь.

Магическое искусство издавна превратилось в Японии в составную часть всякого воинского обучения. Им увлекались многие члены императорской семьи. Император Сёко (правил в 1412–1428 гг.) даже несколько переусердствовал в своем увлечении магией. Он справедливо считал, что магическое искусство может открыться человеку только в результате строжайшей самодисциплины и долгой практики. В основу собственного подвижничества он положил полное воздержание от сексуальных связей и в конце концов умер, так и не оставив после себя детей (Murdoch J. A History of Japan. Vol. 1. London, 1925, p. 584).

Борьба за Японию и сёгуны Асикага

Но вернёмся к событиям XIV в., когда формировалось боевое искусство самураев. Самурайские кланы, почувствовав слабость централизованной власти, вновь ринулись в сражения за передел земель. Как мы видели, наиболее удачливым и умелым оказался клан Асикага. Хитроумный и умелый воин Асикага перемещает свой штаб в Муромати – один из кварталов города Киото, а потому этот период японской истории стал именоваться периодом Муромати, или Асикага (1333–1573). Клан Асикага оставался у власти до 1467 г., до начала гражданских войн Онин, ввергнувших страну в хаос.

Несмотря на многочисленные и весьма кровопролитные войны, период Муромати, когда правили сёгуны Асикага, оказался весьма продуктивным с точки зрения культурного и духовного развития. Резко увеличивается количество дзэнских монастырей, частично благодаря расширившимся контактам с Китаем, частично благодаря тому, что интеллектуалы нередко находили прибежище именно за монастырскими стенами. Пик культурного развития периода Муромати пришёлся на время правления третьего сёгуна клана Асикага – Ёсимицу, и этот взлёт продолжался вплоть до восьмого сёгуна Ёсимаса.

Асикага Ёсимицу в 1395 г. объявляет о своём отречении от власти и уединяется в прекрасном замке Кинакудзи – «Золотом павильоне», отныне предаваясь занятиям каллиграфией, монохромной живописью суми-э, постижению тонкостей чайной церемонии.

Строгость и простота самурайской жизни периода Камакура остались позади; теперь в замках даймё начинали ценить пышность украшений и тонкость художественных форм. Расширялась торговля с Китаем, где на смену монгольской династии Юань пришла китайская династия Мин (1368–1644), и теперь на Японские острова поставлялся тончайший китайский фарфор.

Каллиграфия сёгуна Асикага Иосимицу (1358–1408), который получил пост премьер-министра – высшее звание императорской бюрократической системы. Надпись: «Фугэн, Сюкюрю, Кэйсё» – «Просветленный ныне, обитель дракона, дерево и солнечный свет» относится к Сосидо – храму предков

Самураи фактически захватывают власть в стране, держа под контролем столицу Киото. Правда, огромные дружины даймё по сути были разобщены, а их полководцы с недоверием взирали на своих соседей, готовые в одну ночь превратиться в заклятых врагов. Именно тогда видные самураи стали активно привлекать к себе на службу лазутчиков-наемников ниндзя для тайной, а порой и показательной расправы над своими соперниками. Таким образом, сёгун Асикага оказался не столько единоличным правителем Японии, сколько главой весьма неустойчивой военной коалиции из лидеров самурайских дружин (сёгунов), элитного слоя самурайства – сюго – и нескольких кланов ниндзя.

Слой сюго включал в себя ряд старых сюго (самураев-администраторов) периода Камакура, членов младших ветвей рода Асикага и личных вассалов самого сёгуна. Сёгун в свою очередь вручал сюго под его административную и военную ответственность одну или несколько провинций, превращая, таким образом, этих людей в своих личных представителей на местах.

Они не подчинялись никому, кроме сёгунской ставки – бакуфу, а порой лишь самому Асикаге. Они же отвечали за воинскую подготовку местных самураев и всячески усиливали свои войска. По всей Японии стали разыскивать умелых мастеров боя на мечах и стрельбы из лука. Именно в эту пору прославился знаменитый род фехтовальщиков провинции Миямото, из которого вышел легендарный Миямото Мусаси. Все его предки служили наемными инструкторами в личной гвардии сюго, а позже и при императорском дворе в Киото.

Путём тщательного отбора сюго создавали свою территориальную гвардию – кокудзин, выполнявшую поручения своего господина. Сюго были наделены огромными правами. Они собирали налоги с обрабатываемых полей (тансэн), особые налоги с общинных и частных земель для тренировки воинов (хандзэй). Они же отвечали за борьбу с местными бандитами и с профессиональными лазутчиками-ниндзя, поддерживали спокойствие в провинции, вершили суд на местном уровне. Им также поручалось ведение специальных реестров пустующих земель, домов, которые покинули владельцы, а после сражений сюго выполняли еще более важную функцию – делили добычу.

И вот постепенно из обычных администраторов, поставленных сёгуном для

поддержания его власти на местах, сюго превращаются в единоличных правителей территорий. Теперь их стали называть «сюго даймё», или «правлящие даймё». Многие сюго настолько расширили сферу своей деятельности, что под их властью, поддерживаемой силой оружия, уже находилось по несколько провинций: например, знатные сюго Ямана и Хосокава контролировали по шесть провинций. К тому же все эти местные царьки были членами сёгунского правительства-бакуфу и занимали высокие официальные посты в центре. За этими людьми стояли сотни и тысячи блестяще подготовленных воинов. Ряд сюго уже перебрались в столицу Киото, контролируя оттуда собственные владения через своих поверенных, а самые влиятельные сюго даймё Сибя, Хатакэяма и Хосокава занимали высокие посты в ставке бакуфу, именовавшиеся «канрэй» – личный представитель сёгуна.

Сюго почувствовали свою силу и, несмотря на предписания Бусидо, уже мало подчинялись своему господину. Правда, некоторые особо решительные сёгуны, вроде третьего сёгуна Асикага Ёсимицу и шестого сёгуна Ёсинори, не боялись прибегать к военной силе для расправы с непокорными. Однако не всегда конфликты разрешались в пользу сёгунов: например, в 1441 г. Асикага Ёсинори поплатился жизнью за свои действия против сюго, пав жертвой подосланного ниндзя. Это привело к началу очередных гражданских войн – «войны Онин» (1467–1477). Сюго объединились в мощную военную коалицию, возглавляемую Ямава Содзэном и Хосокавой Кацумото, которым когда-то столь опрометчиво доверял сёгун Асикага. Их войска опустошили Киото и начали чудовищную бойню в провинциях. Сюго, фактически предавших своего господина (ещё одна прекрасная иллюстрация невыполнения Бусидо и самурайских норм «долга»), теперь интересовало сёгунское место в Киото, сулившее власть над всей страной.

Но предательство в итоге может породить лишь другое предательство. Теперь мелкие военные лидеры, которые были посажены в качестве поверенных сюго на местах, начали в свою очередь немилосердно предавать своих господ, увлечённых борьбой за власть в Киото. Лидеры территориальных войск стали требовать полного контроля над землями, статуса даймё и в конце концов ниспровергали многих сюго. Эти события, густо замешанные на предательствах, наёмных убийствах и попрании всех норм чести, были весьма остроумно названы «гэ коку дзё» – «нижние опрокидывают верхних». На верху оказался новый слой – «сэнгоку-даймё», родившийся в результате войн Онин.

Война заметно подорвала финансовую и военную мощь сёгунов. Ситуация на местах вышла из-под их контроля. Военную и культурную жизнь страны в XIV-XV вв. стали определять новые победители – сэнгоку-даймё. По сути они представляли собой новую воинскую аристократию, опиравшуюся уже не только на своих многочисленных предшественников-воинов, но и на всю культуру наследственной аристократии кугэ, которая столь ярко проявляла себя в Киото. Военные приготовления по-прежнему занимали всё время самураев, а боевое искусство приобретало филигранную отточенность.

Даймё внимательно наблюдали за своими вассалами, реагируя на их малейшие связи с потенциальными соперниками. И здесь как никогда прежде понадобились услуги профессионалов. На содержании таких крупнейших даймё, как Хосокава, Ямава, Такэда и другие, состояли целые армии разведчиков-ниндзя, действующих нередко в качестве «двойных», а то и «тройных агентов», или «внутренних агентов» (найкан). Помимо этого даймё нанимали некоторых жителей деревень в качестве доносчиков, которые тоже считались ниндзя и именовались инкан – «местные жители».

Ниндзя оказались крайне необходимы влиятельным даймё хотя бы уже потому, что воинская элита и правители территорий теперь постоянно жили в Киото, а следовательно, их владения могли выйти из-под контроля. Именно в это время термином для обозначения ниндзя стало слово «куса» – «трава» как символ того, что ниндзя «произрастают» повсюду подобно сорной траве.

Напомним, что теперь вся политическая и культурная жизнь самураев сконцентрировалась в Киото, куда переместил ставку бакуфу в 1336 г. ещё Асикага Такаудзи. Сюда же со всех концов страны к сёгунскому двору съезжались видные самураи.

Хотя боевыми искусствами занимались поголовно все самураи, преподавание некоторых аспектов воинского мастерства держалось в секрете и велось в закрытых школах. Крупнейшими самурайскими кланами даймё становятся Оути и Хосокава, содержавшие в своих поместьях огромные школы воинских искусств, где преподавались самые разнообразные дисциплины: фехтование на мечах, стрельба из лука, искусство ведения диверсионных операций и многое другое.

Клан Оути занимал лидирующее положение среди всех вассальных семей, подчинявшихся непосредственно сёгунскому роду Асикага, и контролировал огромные территории в провинциях Суо, Накагато и северную часть острова Кюсю. Оути Ёсихиро стал правителем-сюго сразу в шести провинциях, подчинил себе крупный центр преподавания бу-дзюцу и изготовления оружия – Будзэн на западе острова Хонсю. Теперь род Оути имел лучших мастеров по изготовлению мечей и экипировки самураев и отбирал наиболее красивые и надежные латы для своих воинов. Один из членов клана Оути – Морими – завоевал репутацию отчаянного воина, утонченного поэта и учёного, искушённого в китайской философии неоконфуцианства. Именно Оути издали некий кодекс поведения в доме – своеобразное переложение принципов Бусидо для «внутренней жизни» в семье, а также сборник правил поведения во время посещения самураем своего господина и даже знаменитый сборник изречений Конфуция «Беседы и суждения» («Лунь юй»). Одним словом, это был просвещённый самурайский род, принадлежащий, безусловно, к высшей воинской элите.

Другой не менее славный клан того времени, Хосокава, представлял собой одну из ветвей клана Асикага. Когда Асикага Такаудзи в 30-х годах XIV в. захватил власть и выгнал императора из его резиденции в Киото, правой рукой нового сёгуна стал Хосокава Ёрихару (1299–1352). За свои заслуги последний был назначен сюго в плодородные провинции Ава и Бинго, а его потомок Ёриюки (1329–1392) захватил контроль над центральной частью острова Хонсю и островом Сикоку. В 1367 г. он получил высокий титул личного представителя сёгуна (канрэй) и долгое время служил в качестве советника при молодом сёгуне Ёсимицу, обучая его боевым искусствам.

Род Хосокава сосредоточил в своих руках лучших инструкторов по кэндо и бою на алебардах, тратя на создание специальных школ при храмах немалые деньги. Особенно отличался этим Хосокава Масамото (1466–1507), который был воспитателем молодого сёгуна.

Император Го-Мидзурно (1596–1680). Был женат на дочери сёгуна Токугавы Хидетады. Прославился своими познаниями в японской поэзии (вака), китайском стихосложении (канси), каллиграфии, искусстве чайной церемонии и икебана. Не выдержав унижений со стороны Токугавы Иэясу и Хидетады, отобравших у него власть, в 1629 г. отрекся от престола и стал дзен-буддийским монахом под именем Эндзё (Портрет работы Гэнчъё Сёнина, 1680)

Среди других кланов, которые в равной степени практиковали боевые искусства и утонченные гражданские науки, можно назвать Асакуру, Хатакэяма, Такэда, Ходзё. Ходзё Идзиясу прославился как активный покровитель особой самурайской школы Асикага, своеобразного средневекового университета. Известный католический миссионер Франциск Ксавье, прибывший в Японию для проповеди христианства, считал, что подобных школ в XVI в. насчитывалось более трёх тысяч. А это значит, что самураи уже с малых лет начинали получать систематическое образование не только в области боевого ремесла, но и в сфере гражданских наук и изящных искусств.

В XV–XVI вв. не проходило ни одного дня, чтобы в каком-то районе Японии не велась битва за территории. И это было не случайно. В начале XVI в. в стране насчитывалось по крайней мере около 250 сэнгоку-даймё со своими военными дружинами, школами боевых искусств и непомерными политическими амбициями. Большинство этих людей пришло к власти в результате того, что они, объединившись с двумя-тремя себе подобными, скинули местного сюго и взяли под контроль провинцию. По понятным причинам власть они возвращать не собирались, хотя и отдавали себе отчет в том, что сёгуны недолго будут терпеть их самоуправство. А следовательно, сэнгоку-даймё уповали только на мастерство своих воинов и хитрость наемников-ниндзя, состоявших у них на службе.

Примечательно, что сами сэнгоку-даймё называли свои территории не иначе как «кокка» – «государство», «страна», считая себя «народными правителями» (копи).

Некоторые даже дерзко устанавливали свои девизы правления (по традиции это мог делать лишь сам император Японии), назначали собственных чиновников, раздавали звания – одним словом, брали на себя прерогативы императора.

Свои владения сэнгоку-даймё превращали в неприступные крепости, по их границам днём и ночью несли дозоры специальные самурайские разъезды; местным кланам было предписано поставлять в общую армию определенное число воинов в полной экипировке. Всё это явилось огромным стимулом для развития будзюцу в Японии. Пожалуй, такого поголовного занятия боевыми армейскими искусствами не было даже в Китае.

Для таких местных сэнгоку-даймё военный аспект жизни значительно перекрывал все остальные. И если самурайская элита вроде кланов Ходзё, Оути и Хосокава увлекалась искусством, музыкой и литературой и немало в этом преуспела, создав даже особый культурный стиль, то эти люди по-прежнему открыто презирали все гражданские дисциплины. В большинстве своем они были плохо образованы, хотя являлись хорошими администраторами и замечательными воинами. Больше всего их беспокоили кадровые вопросы, и каждый из них стремился создать свои кодексы поведения и регулирования отношений на подвластных им территориях. Например, Асакура Такакагэ (1428–1481), который стал сюго в провинции Этидзэн, в 1471 г. составил для своего сына Удзикагэ свод правил. Этот кодекс, отмеченный поразительным рационализмом и воинской простотой слога, гласил:

«Не назначай на руководящий пост или административную должность того, в ком отсутствуют способности, даже если члены его семьи служили из поколения в поколение семье Асикага... Не испытывай излишнего стремления к мечам и клинкам, созданным знаменитыми мастерами. Даже если ты владеешь мечом, который стоит десять тысяч монет (хики), тебе всё равно не устоять против ста копий, каждое из которых ценой всего лишь в сто монет. Поэтому лучше используй десять тысяч монет для покупки ста копий и вооружи ими сто воинов. Только таким образом ты сумеешь защитить себя во время войны...» (Lu D. Sources of Japanese History, New York, 1974, vol 1, p. 172).

Разумные и предельно рациональные советы выделяли важную черту в характере местных правителей того времени – они были крайне прагматичны и заботились лишь о том, чтобы удержать власть в своих руках. Об эту жажду власти, как о стену, разбивались все моральные и нравственные требования Бусидо. Советы своим ближайшим подданным, подобные тем, что приведены выше, существовали практически в каждом крупном самурайском клане. Например, наставления Асакуры в течение почти целого столетия почитались как «кодекс чести»; сам же клан Асакура являл собой образец могучего самурайского рода. Однако в 1573 г. клан Асакура выбрал себе слишком мощного противника – знаменитого правителя Японии Ода Нобунагу, который наголову разгромил не в меру возгордившийся клан и вырезал добрую его половину. Последний из даймё рода Асакура – Ёсикагэ – совершил харакири, и на этом великий клан угас.

К середине XVI в. раздробленность и децентрализация достигли своего предела. Никто никому не хотел подчиняться, а союзы между двумя даймё заключались лишь для того, чтобы вырезать клан третьего даймё. Правда, у некоторых сэнгоку не раз возникали мечты о том, чтобы засесть в Киото и объединить страну под своей властью. Но для этого нужны были не только мощная рука воина, но и хитрый ум политика. Именно такими качествами и обладал знаменитый Ода Нобунага, вышедший из мелких сэнгоку-даймё.

Неистовый Ода Нобунага

Наступает один из важнейших периодов в истории Японии – эпоха Момояма (1573–1615). По сравнению с предыдущим периодом правления сёгунов Асикага, отличавшимся известной культурной утонченностью, эпоха Момояма характеризовалась мощью, а порой и тяжеловесностью художественных форм, что отражалось общей настройкой на «мужественность» в сознании самураев. Три гиганта, три великих воина стали

символами той эпохи: Ода Нобунага (1534–1582), вновь собиравший разрозненные княжества под своей могучей дланью; Тоётоми Хидэёси (1536–1598) и, наконец, Токугава Иэясу (1542–1616), положивший начало правлению самого устойчивого сёгунского клана в Японии.

Миссионер-иезуит француз Луи Фруа, посетивший как-то Оду Нобунагу, дает нам исчерпывающе точный и живой портрет этого человека:

«Этот король из провинции Овари, которому исполнилось лет 37, носил редкую бороду, был строен, тонок и страшно воинственен, уделяя чрезвычайно много времени боевым упражнениям, при этом будучи склонным к деяниям на благо справедливости и милосердия. Он был чувствителен к славо-словиям, сдержан по поводу своих планов, слыл знатоком военной стратегии и никогда не желал слушать советы от своих подданных. Его все уважали и все ему поклонялись, он не пил вина и редко предлагал его другим, был грубоват в своих манерах, презирал всех других японских королей и принцев и говорил с ними через плечо тихим голосом, словно они были его низшими слугами. Его все считали абсолютным властителем, который всё прекрасно понимает и всё может хорошо рассудить. Он также презирал духов-ками, будд-хотокэ и другие языческие пережитки. Формально принадлежа к секте Хоккэ (Лотоса), он открыто отрицал существование Создателя Вселенной, бессмертие души и жизнь после смерти. Он был щепетилен и осторожен во всех своих делах и страшно не любил любые задержки или длинные речи. Даже принц не мог предстать перед ним с мечом. Он, которого обычно сопровождали по крайней мере две тысячи человек на конях, мог достаточно свободно общаться с самым низшим и беднейшим из своих слуг. Его отец был простым правителем в Овари, но благодаря своей огромной энергии за последние четыре года Нобунага захватил контроль над семнадцатью или восемнадцатью провинциями, включая восемь основных провинций района Гокинай [район вокруг столицы]» (They came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543–1640. (ed. by M. Cooper) Berkeley and Los Angeles, 1965, p. 93).

В 1560 г. ещё молодой даймё из небольшого владения Овари Ода Нобунага разбивает наголову превосходящие силы сёго Имакавы Ёсимото, под чьим контролем находились три большие провинции Суруга, Тотоми и Микава; а в битве при Окэхадзаме он берёт в плен самого Ёсимото.

В 1568 г. он переносит свою ставку в Киото, что в общем-то не вызвало подозрений у сёгуна, потому что многие властительные даймё того времени считали за честь жить в столице. Но дальнейшие события явились полной неожиданностью для сёгуна. В 1573 г. путём дворцового переворота Нобунага сверг Асикагу Ёсиаки и объявил, что теперь единолично властвует над всей страной – «тэнка», т. е. Поднебесной. Чтобы ни у кого не оставалось в этом сомнений, Нобунага несколькими мощными ударами разгромил некоторые сильные кланы даймё, с другими же подписал мирные договоры.

Одним из таких союзников явился даймё из восточной части страны Токугава Иэясу – будущий основатель самой мощной династии сёгунов. Вместе с Токугавой новый узурпатор Ода Нобунага разгромил силы знаменитого своими воинами клана Такэда Кацуёри, применив в этом бою неожиданную для самураев того времени тактику. Нобунага в приказном порядке ввёл в своих войсках использование мушкетов (тэппо), которые только недавно были ввезены в Японию из-за рубежа. Так среди самураев появились «мушкетёры» в буквальном смысле этого слова. Их насчитывалось около трёх тысяч, и они были разделены на три большие группы. Пока одна группа стреляла, две другие, присев на одно колено, перезаряжали мушкеты, поэтому залп раздавался каждые десять секунд.

Разгромив своих основных соперников-даймё, Нобунага принялся за ряд буддийских монастырей, чьё политическое и экономическое влияние делало их государствами в государстве, содержащими при себе настоящие армии. При монастырях создавались крупнейшие школы фехтования на металлических палицах и трезубцах, куда приходили поучиться даже самураи. Формальным поводом для борьбы с храмами стали боевые тренировки их послушников, многие из которых превращались в абсолютно неуправляемых монахов-воинов (сохэй).

Особенно независимо вели себя монастыри секты Тэндай – «Небесного престола»,

которая учила о возрождении человека после смерти в «Западном раю». Одна из самых знаменитых монашеских армий состояла при монастыре Энрякудзи, располагавшемся на горе Хиэй. В 1571 г. Ода Нобунага направил свои войска именно против этого монастыря, желая устроить «показательное наказание» воинственных буддистов. Затем один за другим были взяты штурмом и сожжены монастыри Тодадзи, Кофукудзи, Нэгородэра.

Видя, что конфликт с буддистами замять не удаётся, Нобунага вновь развернул военные действия. очередное крупное столкновение Оды Нобунаги с буддистами было связано с деятельностью амидаиста Рэннё (1415–1499), настоятеля храма Хонгадзи, который вёл активную миссионерскую деятельность в беспокойных провинциях Оми и Микава, где действовали ниндзя. В своих устных проповедях и письменных посланиях (офуми) Рэннё объяснял, что для спасения необходимо всего лишь искренне обратиться с молитвенной формулой (нэмбуцу) к будде Амиде, взывая о милосердии и возрождении в «Чистой земле». Особенно важно это сделать в предсмертный час, но в любом случае это должно быть не монотонное повторение формулы «нама амида буцу» («Слава будде Амиде!»), но искреннее и живое обращение. Ничего другого не требуется, главное здесь – зарождение искренней веры.

Проповеди Рэннё вызвали резкие возражения со стороны монахов мощной секты Тэндай с горы Хиэй, которая в ту пору ещё не была окончательно разрушена Нобунагой. Они считали учение Рэннё недопустимым упрощением и профанированием буддизма. Чисто доктринальный спор вылился в вооруженные столкновения.

Будучи человеком не воинственным, Рэннё предостерегал своих последователей от любых физических столкновений с представителями других школ. Однако тэндайские монахи были настроены весьма агрессивно, а это возбуждало сторонников Рэннё.

Решающую роль в этой ситуации сыграл подлог – группой амидаистов из его храма в Ёсидзаки было распространено очередное «послание» от имени Рэннё. Там содержался прямой призыв к вооруженным действиям в защиту веры. Рэннё неоднократно пытался остановить это выступление, но все его попытки оказались тщетными. Как раз в это время даймё Тогаси Масатика, бежавший в результате заговора из родной провинции Кага, обратился к монахам Ёсидзаки за помощью, и те поддержали его, надеясь в дальнейшем укрепить свои позиции. В 1473 г. амидаисты взяли за оружие.

В конце концов отряды амидаистов захватили всю провинцию Кага и удерживали ее до 1576 г. (Weinstein S. Rennyu and the Shinshu Revival – Japan in the Muromachi Age. Berkeley, 1977, p. 347–361). Всего этого не мог потерпеть Ода Нобунага. На подавление монахов-воинов он направил целую армию и разгромил их. Несложно догадаться, что

популярности Ода Нобунаге среди буддистов эти события не прибавили.

Смертельная охота на Оду Нобунагу

Наверное, не было ни одного крупного самурая, который не подвергся бы покушению на свою жизнь.

Но ни у кого не было столько противников и завистников, как у Оды Нобунаги. Столь же мужественный и умный, сколь коварный и безжалостный, Нобунага вёл бесконечные войны и споры с даймё, стремясь к максимальной власти, на пути к которой стоял прежде всего сам сёгун Асикага. В 1560 г. Нобунага одерживает победу в битве при Окэхадзаме, а через тринадцать лет вступает в Киото и изгоняет оттуда последнего сёгуна из рода Асикага – Ёсиаки. Формально Нобунага начинает править как регент, но, окруженный многочисленными врагами, вынужден постоянно вести порой тайную, порой явную борьбу с ними.

И Ода Нобунага решает воспользоваться услугами ниндзя. Они нанимались властительными даймё, при этом нередко переходя от одного к другому. Хитроумный и коварный Нобунага стал регулярно использовать целые кланы этих людей в своих целях, опираясь прежде всего на лучших ниндзя из провинции Ига. В окружении Нобунаги было по крайней мере пять «бугё» – специальных уполномоченных от кланов ниндзя из Ига. Нобунага прежде всего решил расправиться с богатым даймё Такэдой Сингэном. Тот был известен своей подозрительностью, содержал немалое количество охраны. К нему отправил Ода Нобунага одного из своих лучших синоби, чье имя дошло до нас, – Тэндзо Хацисуку.

Замок Такэды прекрасно охранялся. Как только начинало темнеть, мост через глубокий ров поднимался и закрывал собой центральные ворота замка. На стенах дежурили часовые, группы охранников обходили со стражей все дворы и закоулки замка, в коридорах стояли вооруженные воины, находясь в пределах видимости друг друга. Казалось, что проникнуть незамеченным в такой замок было невозможно, и все же ловкий ниндзя Тэндзо сумел сделать это.

Рассказывают, что Тэндзо, очутившись в спальне Такэды, вонзил в горло спящего даймё свой нож. Казалось, дело сделано, но на постели лежал двойник! Охрана подняла тревогу, но Тэндзо удалось выбраться из замка, и он бросился в лес, который начинался в полукилометре от крепости. Вслед за ним пустилась погоня на лошадях, и через несколько мгновений Тэндзо понял, что ему не уйти.

Лес был негустым, к тому же ниндзя успел добежать лишь до опушки. Положение казалось безнадежным, но Тэндзо все же сумел использовать один из сложнейших способов маскировки. Он встал так, чтобы луна светила ему в спину, и принял такое положение, что издали казалось, будто это всего лишь изогнутое полузасохшее дерево. А самураи, удерживая разгоряченных коней, стали наносить удары копьями направо и налево, надеясь поразить спрятавшегося в негустой листве ниндзя. Тэндзо стоял не шелохнувшись, хотя один из ударов копьем распорол ему одежду, едва не задев тело. Лишь только самураи ушли, чтобы организовать более широкую облаву по всему лесу, Тэндзо спрятался в заранее отрытой норе в земле, которую прикрыл «крышкой» из дёрна. Целый день сотни вооружённых людей прочёсывали лес, несколько раз проходили и над убежищем ниндзя, но его так и не обнаружили (Turnbull S. Ninja, p. 52–53).

Но не только Ода Нобунага прибегал к услугам ниндзя. Покушения на самого Оду Нобунагу следовали одно за другим. Это была настоящая война между различными группами ниндзя, которых нанимал, с одной стороны, Нобунага, с другой стороны – его противники. Например, в 1581 г. (именно тогда шло знаменитое восстание в Ига, поднятое при самом деятельном участии ниндзя) произошло, пожалуй, самое дерзкое нападение на Нобунагу. Ниндзя стреляли в него из небольшой пушки (об этом знаменательном случае мы расскажем далее).

Немало претензий к Оде Нобунаге было у правителя территории Оми, известного даймё Рокаку Ёсисукэ, во владения которого Нобунага вторгся в 1571 г. Для исполнения своего плана Рокаку Ёсисукэ нанимает некоего ниндзя из Кога по имени Дзэндзюбо

Сугитани, который был знаменит меткой стрельбой из длинного ружья наподобие аркебуза. Дзэндзюбо разузнал, каким путём направится Нобунага из провинции Оми в провинцию Мино, и залёг в кустах, нависавших над дорогой. Он ждал много часов, пока на дороге не показался кортеж Нобунаги. Дзэндзюбо решил стрелять наверняка – он приготовил два аркебуза, ибо понимал, что времени перезарядить оружие у него не будет. Как только Нобунага поравнялся с кустами, ниндзя спустил курки. И хотя властительный даймё был плотно окружён охраной, оба заряда попали в цель. Но и на этот раз то ли судьба хранила Нобунагу, то ли убойная сила ружей того времени не была велика, а ниндзя залёг слишком далеко от цели, – пули, пробив тяжёлый нагрудный панцирь, засели в его толстой подкладке. Выстрелы вышибли Нобунагу из седла, он не был даже ранен. Поняв, что покушение провалилось, и воспользовавшись замешательством охраны, Дзэндзюбо бросился в горы, где скрывался четыре года. Но Нобунага приказал его найти, где бы он ни был. Через несколько лет ниндзя был схвачен людьми Нобунаги и жестоко казнён (Hayes S. The Mystic Arts of the Ninja, Chicago, 1985, p. 5).

Против Нобунаги были направлены усилия лучших ниндзя того времени. Предание рассказывает, как легендарный «воин ночи» Исикава Гоэмон затаился на потолке спальни Нобунаги, прямо над его кроватью, и, когда тот уснул, попытался влить капли яда в открытый рот даймё. Но по каким-то причинам покушение не удалось (Adams A. Ninja – The Invisible Assassins, Los Angeles, 1973, p. 160).

Монах Сугитани Дзэдзюбо, вооружившись ружьем, подстерегает кортеж Оды Нобунаги. На этот раз покушение было неудачным

В другой раз счёты с Нобунагой решил свести некий Манабэ Рокуро – потомственный ниндзя, служивший управляющим у самурая Фукуя, который в свою очередь являлся вассалом знаменитого даймё Хатано Хидэхару. В 1573 г. воинственный Нобунага наголову разбил Хатано, и ближайшие вассалы проигравшего решили отомстить за своего господина. За дело взялся ниндзя Манабэ Рокуро. Ночью он проник в замок Нобунаги, решив заколоть его в постели. Но Манабэ плохо представлял себе, как бережёт свою жизнь многоопытный Нобунага. Манабэ Рокуро был схвачен стражниками Нобунаги. Поняв, что ему не удалось исполнить долг перед своим господином, Манабэ тотчас совершил самоубийство. Ода Нобунага был весьма расстроен тем, что ему не удалось помучить очередного убийцу, которых он ненавидел и боялся в равной степени. Труп несчастного ниндзя был выставлен на рыночной площади в назидание всем тем, кто захочет попробовать свои силы в борьбе с Нобунагой.

И всё же Нобунага не избежал насильственной смерти. Он пал от руки предателя – одного из своих ближайших военачальников. Но перед этим произошли события, которые вызвали к жизни немало споров, легенд и рассказов. Речь идёт о знаменитом восстании ниндзя в провинции Ига.

ВОССТАНИЕ НИНДЗЯ

«На самом деле, умирать имеет смысл только за свободу, ибо лишь тогда человек уверен, что он умирает не целиком».

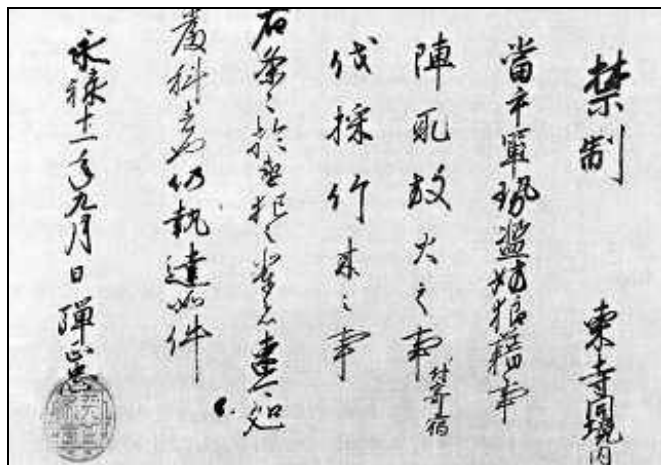
Альбер Камю

Родина ниндзя

В конце XVI в. Ода Нобунага начинает гонения против буддизма. Клан ниндзя восприняли их крайне негативно. И вот после того как очередная попытка убить Нобунагу провалилась, Нобунага во главе испытанного войска вторгся в провинцию Ига – гнездо заговорщиков. В 1581 г. произошла кровавая бойня. Отряды ниндзя, которые выступили против Нобунаги, были наголову разбиты. Именно после этого кланам провинции Ига пришел конец. Выжили немногие – остались лишь крайне закрытые секты-школы, в том числе основанная в 1550 г. и сохранившаяся, как считается, в неизменном виде до наших дней школа Тогакурэ-рю.

События эти начались не в провинции Ига, а в соседней провинции Исэ. Ига граничила с Исэ, и именно в этом, казалось бы, тривиальном географическом факторе и заключены корни конфликта, приведшего к грандиозному восстанию. Когда-то в древности эти территории составляли единое целое, но почти за тысячелетие до описываемых событий, в 680 г., Ига была отделена от Исэ, а в конце XIX в. Ига стала частью префектуры Миэ, коей она остается и по сей день.

Ига, окружённая со всех сторон горами, жила обособленной жизнью. Там существовали мощные кланы со своими лидерами, рост могущества которых долгое время никого особенно не беспокоил. К тому же соседняя провинция Исэ была куда более развитой в культурном и экономическом отношении. Здесь располагался древнейший центр буддизма, существовало немало синтоистских храмов, поэтому многие районы Исэ считались святыми местами. До сих пор туристов привлекает знаменитая Великая Кумирня в Исэ, построенная из простых досок, которая в соответствии с древнейшим ритуалом разрушается и вновь отстраивается каждые двадцать лет. Провинция Исэ была приморской, и через нее проходили многие торговые пути. На плодородную и развитую провинцию Исэ не раз покушались могущественные даймё, в том числе Ода Нобунага. Положение ещё осложнялось и тем, что владения Нобунаги – провинции Овари и Мино – имели общую границу с Исэ. Было ясно, что наступит такой день, когда беспокойный и коварный Ода Нобунага решит расширить свои владения за счёт Исэ.

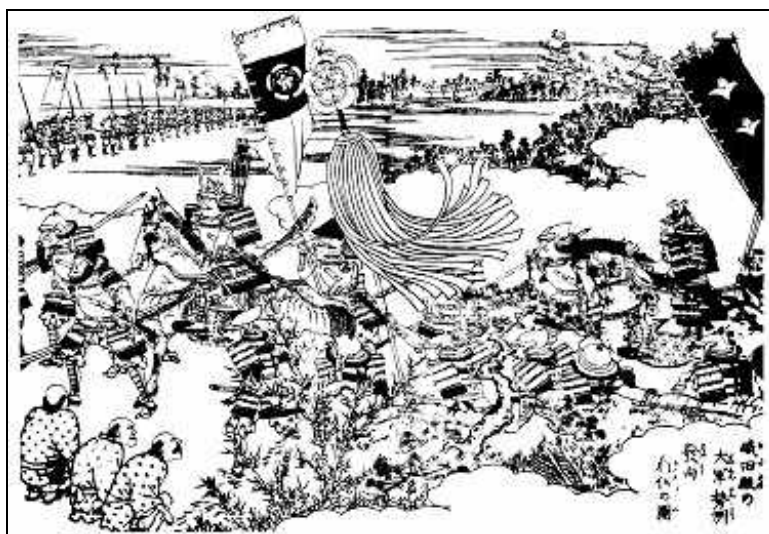

Объединив своей властью провинции Овари и Мино, Ода Нобунага

(1534–1582) вступил в Киото и тотчас запретил своим указом «творить бесчинства» на территории Тодзи – центр эзотерического буддизма: «запрещено творить бесчинства и беззакония нашей армией, отбирать землю и скот, вырубать бамбук и деревья». Каллиграфия и печать самого Нобунаги: «тенка фубу» — «военное направление по всей стране»

Мы уже рассказывали о войнах Онин, которые вёл сёгун Асикага против некоторых своих наместников-сюго, превратившихся в независимых даймё. По легендам, именно в то время в столкновениях с даймё начали использоваться ниндзя из кланов провинции Ига. А вот провинция Исэ оказалась мало затронутой кровавыми событиями войны Онин и продолжала процветать под властью клана Китабатакэ, представители которого славились искусством боя на мече.

Формально у власти в провинции Ига стоял клан Ники. Большинство его представителей, так же как правители Исэ, высоко ценили мастерство боя на мече и поддерживали воинские тренировки местного населения. Постепенно в народной среде начали формироваться сначала мелкие группы, которые упражнялись в боевых искусствах, а затем и более крупные школы мастерства боя с мечом и копьём. Естественно, народные мастера были куда слабее самураев по уровню боевой подготовки. Но для нас важен другой факт – боевые искусства среди народа в провинции Ига долгое время поощрялись, никаких запретов на ношение или изготовление оружия, как в других местах, здесь не вводилось. Почва оказалась благоприятной – начали быстро расти кланы ниндзя. И, кажется, бывший сюго, а ныне крупный даймё Ники не возражал, когда эти мелкие воинственные группы предлагали себя в качестве наемников для решения споров между самурайскими кланами.

Войска Оды Нобунаги вступают в восставшую провинцию Ига (по С. Тернболу)

Затупленный меч

Катализатором знаменитых событий в провинции Ига стали походы уже известного нам своим воинственным нравом Оды Нобунаги. В 1568 г. он изгоняет из Киото сёгуна из рода Асикага и решает взять под контроль важнейшие дороги и пути сообщения страны, дабы полностью изолировать своих соперников из кланов Мори, Такэда и Уэсуги. Его взор пал на весьма выгодную в этом отношении провинцию Исэ, куда он и направил свои войска.

Китабатакэ Томонори – великий мастер меча, который стоял в то время во главе клана, правившего в Исэ, – сопротивлялся мужественно, но силы были неравны. Он проигрывал битву за битвой. В конце концов Китабатакэ согласился подписать мирный договор, признав свою вассальную зависимость от Нобунаги.

Условия этого договора были полны скрытой издевки над Китабатакэ. Формально всё

выглядело вполне корректным – Китабатакэ брал себе в приёмные сыновья второго сына Оды Нобунаги по имени Нобуо. «Усыновление» якобы призвано было служить знаком союза между двумя правителями.

Но Нобунага пошёл дальше: он начал раздавать земли в Исэ – разумеется, земли Китабатакэ – своим самураям. Китабакэ, формально оставаясь правителем, реально не имел уже никакой власти и к тому же знал, что после его смерти вся власть перейдет к «приёмному сыну».

Мужественный воин Китабатакэ тяжело переживал своё поражение и унижение. Но трагические события, которые последовали затем, прекратили его мучения. Один из видных военачальников армии Нобунаги по имени Такигава Сабурохаи решил устранить Китабатакэ. Дело в том, что Такигава получил в свое управление пять крупнейших областей в Исэ и рассчитывал подмять под себя остальную территорию. Однако даже формальная власть униженного Китабатакэ мешала осуществлению планов. Всё дело решило предательство ряда вассалов Китабатакэ. Видя, что ситуация складывается не в пользу их хозяина, они поступились самурайской честью и подкупили нескольких слуг, участие которых предопределило исход событий.

Убийство Китабатакэ Томонори (1528–1576), известного мастера кэндзюцу и одного из военных лидеров провинции Ига

25 ноября в спальню Китабатакэ неожиданно ворвались несколько могучих воинов. Охрана, стоявшая у его покоев, была подкуплена и не подняла тревоги. Но Китабатакэ не случайно считался великим мастером меча. Полуодетый, он одним прыжком сумел выхватить свой меч из специальной стойки и тут же, применив искусство иай-дзюцу – «одного удара», нанёс два молниеносных рубящих удара. Однако противники лишь пошатнулись от мощных ударов, а меч соскользнул с их панцирей. Оказывается, подкупленные слуги специально затупили меч Китабатакэ, и он не мог пробить тяжёлые доспехи нападавших. Через несколько мгновений мужественный Китабатакэ Томонори, бессильный что-либо сделать тупым мечом, пал, обливаясь кровью (Кобэ Садзаэмон. Сэйсу Хэйранки – Каитэй сисэки сюрэн. Токио, 1902, т. 25, с. 585–601). Так погиб последний мастер меча из клана Китабакэ. До сих пор люди в Исэ недобрым словом поминают некоего Цугэ Сабуродзаэмона, бывшего вассала Китабакэ, который провёл убийц в замок и договорился со слугами. Японская традиция допускает убийство врага, но не прощает, когда слуга убивает хозяина. Верные друзья павшего Китабатакэ решили, что предатель Цугэ должен быть наказан.

Отмщение за затупленное оружие

Такигава Собуроэи, который планировал покушение на Китабатакэ Томонори, не сумел просчитать всё до конца. Конечно, он предполагал, что кровавое убийство вызовет возмущение у ближайших сподвижников погибшего даймё. Но вряд ли он думал, что это может перерасти в крупные волнения, тем более в знаменитое «Ига-но-ран» – «Восстание в Ига», которое началось в 1579 г.

Сразу же после убийства Китабатакэ его «приёмный сын» Ода Нобуо (он, кстати, продолжал носить фамилию Китабатакэ) не замедлил провозгласить свою полную власть над провинцией Исэ. Но клан Китабатакэ не захотел смириться с этим. Из Нары приехал младший брат убитого даймё – Китабатакэ Томоэри, который был священником и оставил свои проповеди ради кровной мести. Вокруг него сплотились лучшие воины Исэ; среди них – сын знаменитого фехтовальщика на мече Цукахары Бокудэна, у которого учился покойный Китабатакэ. Дело шло к вооружённому выступлению.

Такигава Сабуроэи, возглавлявший войска Оды Нобуо, разгромил несколько мелких отрядов, которые он принял за основные силы восставших. Но это было далеко не так. Большинство самураев, остававшихся верными клану Китабатакэ, ушли из Исэ в соседнюю гористую провинцию Ига и оттуда послали призыв о помощи смертельному врагу Нобунаги, правителю крупных территорий на севере Японии Мори Мотонари. Войска Мори стали выдвигаться на запад, в сторону провинции Ига. Здесь и должны были произойти основные события.

В провинции Ига профессиональным разведчиком-синоби, воином и убийцей мог оказаться каждый, даже простой крестьянин, и всё держалось на круговой поруке.

Немало легенд ходило не только о местных ниндзя, но и о чудесном мастерстве самураев из Ига, которые якобы никогда не знали поражений. Регулярно используя синоби, они получали все сведения о противнике, с помощью тайных методов устраняли военачальников вражеской армии, сеяли в ней панику, а затем разбивали её в результате внезапного нападения. Не случайно хроника того времени «Иран-ки», предположительно написанная монахом из Ига, свидетельствует: «С древних времён лучшие воины Ига вызывали восхищение своей армией. Поскольку в своей жизни они не руководствовались обыденными мотивами, они и не обращали внимания на смерть и превращались в сущих злых духов, когда сталкивались с врагами. Они не испытывали поражения, которое считалось бы величайшим позором».

Оде Нобуо нужен был формальный повод для начала вторжения в Ига. И он вскоре был найден. К Оде в 1579 г. явился видный самурай из Ига Симяма Кай-но-ками с жалобой на некие «безобразия», которые творятся в его провинции. Естественно, Ода Нобуо тотчас решил помочь прекратить «безобразия».

*Благодаря хитрости защитников провинции Ига во время ночной атаки воины Оды Нобуо по ошибке стали убивать друг друга.
Из хроники «Злю Тоёмоти 1унки» (по С. Тернболу)*

В центре провинции Ига высилась недостроенная крепость Маруяма, которую Ода решил использовать в качестве своего плацдарма. Стены крепости возвышались почти на 180 м, нависая с одной стороны над рекой Хидзика. Однако ряд оборонительных сооружений был ещё не достроен, и Ода Нобуо назначил своего верного военачальника Такигаву Сабурохи личным «представителем по строительству» (фусин бугё). Такигава принялся за дело с обычным для себя рвением, но, вместо того чтобы всё делать в тайне, начал строительство с таким размахом, что это тотчас привлекло внимание местных самураев. А те знали, что делать.

Несколько синоби устроились на работу в качестве строителей, и вскоре местным самураям уже были известны замыслы Оды Нобуо и все слабые места замка. Военачальники Ига решили штурмовать замок Маруяма до того, как строительство будет окончено. Заодно планировалось уничтожить и Такигаву Сабурохи.

Штурм оказался неожиданным для Такигавы. Синоби из Ига спутали все его планы, сея панику и распространяя слухи о своей многочисленности. Сражение было кровавым; самураи Ига, действуя мелкими группами, стремительно нападали на войска Такигавы и так же стремительно исчезали. И впервые опытный Такигава вынужден был отойти. Обратим внимание – бой вели именно самураи, а синоби использовались по своему прямому назначению, то есть как лазутчики.

Гарнизон, оставшийся в замке, заметался – сначала из крепости отправили за подмогой большой отряд, который вернулся назад, не сумев пробиться. Вернувшись к замку, отряд в растерянности обнаружил, что крепость уже пала. Пришлось оставшимся воинам гарнизона вновь поворачивать назад. Бой продолжался до ночи, воины Ига гнали войска Такигавы; крепость Маруяма была разрушена почти до основания.

Через какое-то время в гряде трупов было обнаружено тело человека в богатых одеждах, внешне похожего на Такигаву. Сейчас уже трудно сказать, то ли это была случайность, то ли изобретательные воины Такигавы специально подсунули тело похожего на него человека. Такигава остался жив.

Узнав о поражении, Ода Нобуо был взбешён. Он требовал немедленных действий, а большинство его вассалов, памятуя о страшном сражении при Маруяме, старались оттянуть поход, убеждая правителя собрать побольше войск. Оду поддержал лишь один Такигава, в котором кипела обида за унижительное поражение, и его слово перевесило мнение всех остальных военачальников. Было решено выступить немедленно.

Ода Нобуо намеревался выдвинуться 17 сентября из Исэ в Ига тремя колоннами, проведя их в полной тайне по трем горным проходам. Лишь несколько видных военачальников знали в точности тактику действий, и всё же синоби разузнали их планы. Когда войска Оды Нобуо ещё продвигались между гор, самураи Ига уже были готовы к бою и построили свои армии там, где проходы выходили на равнину. Было известно, что армия Оды Нобуо гораздо многочисленнее, чем силы защитников Ига.

Ода Нобуо действовал чётко и по плану. Как только горный проход начал расширяться, он разделил свои войска на семь ещё более мелких групп и отдал команду атаковать семь небольших деревушек, лежавших внизу.

То, что произошло потом, лучше всего передаёт летопись того времени: «Они (самураи из Ига. – А. М.) представляли собой сильную армию, так как находились в родной провинции и умело оценивали преимущества, которые предоставляла им территория. Они создали укрепления, стреляли из ружей и луков, использовали мечи и копья, сражаясь плечом к плечу. Они прижали противника и отрезали его от входа в горный проход. Армия Нобуо была столь занята атакой, что потеряла направление движения, и люди из Ига под прикрытием западной тени, что давали горы, легко одолели их. Затем зарядил дождь, и они перестали видеть дорогу. Бойцы Ига, воспользовавшись этим и зная, что некоторые еще сидят в засаде в горах, издали боевой крик. Группа местных самураев, услышав сигнал, поднявшись со всех сторон, начала атаку. Самураи Исэ смешались во мраке и рассеялись во всех направлениях. Они бросились бежать и были зарублены кто в узких проходах, кто на крутых скалах. Их преследовали даже на топких рисовых полях и окружили их... Вражеская армия сильно ослабела. Некоторые убивали друг друга по ошибке. Другие покончили жизнь самоубийством. И даже

неизвестно, сколько тысяч людей полегло здесь». (Цит. по: Turnbull S. Ninja, p. 64.)

Столь же незавидной была судьба двух других групп, отправившихся через горные проходы покорять Ига. Второй группой руководил сам Такигава, поклявшийся отомстить ненавистным воинам Ига за свой позор в битве при замке Маруяма. Но на этот раз его позор оказался едва ли не большим (удар. на

1-й сл.). Дело в том, что вместе с группой, возглавляемой Такигавой, на покорение Ига отправился уже известный нам Цугэ Сабуродзаэмон – бывший вассал убитого правителя Исэ Китабатакэ Томонори, который предал своего хозяина и даже лично принимал участие в его убийстве. Он покрыл свое имя позором бесчестия и теперь стремился уничтожить всех тех, кто помнил о его предательстве, за которое Цугэ получил уже звание генерала. Синоби из Ига сумели опознать его среди других воинов и даже разузнать, где он будет находиться во время атаки.

Самураи Ига, направляемые своими ниндзя, напали неожиданно и дерзко, как и на первую группу. Противник не успел даже перестроиться в боевой порядок. Несколько сотен воинов бросились к тому месту, где должен был находиться предатель Цугэ Сабуродзаэмон, и окружили его. Затем одновременно они начали наносить по нему удары пиками, пока не изрешетили насквозь. Одновременно была разбита и третья группа врагов. Используя партизанскую тактику, характерную для синоби, самураи Ига мелкими группами посыпались на противника со всех сторон, так что было неясно, где сосредоточены основные силы.

Страшная гибель Цугэ Сабуродзаэмона поразила Оду Нобуо – уже давно он не слышал, чтобы так погибали генералы, всегда окруженные многочисленной охраной. Событие было неординарным даже для жестоких нравов Японии эпохи средневековья. Многие хроники того времени, например, «Синтёко-ки» (Хроника жизни Оды Нобунаги) и «Сэйсу Хиран-ки» (Хроники провинций Исэ и Ига), заостряют внимание именно на этом кровавом событии.

Разгром войск Оды Нобуо был полным и убедительным. Еще много лет спустя люди рассказывали друг другу, как воины Нобуо, растерявшись в темноте, начали убивать друг друга. Это был настоящий позор для всех участников похода на Ига. Например, некоего Хиоки Дзэнро, товарища убитого предателя Цугэ, еще долго преследовали насмешки, и он не мог никуда скрыться от них. Ода Нобуо так и не знал, сколько воинов противостояло ему. Сейчас трудно сказать, на чьей стороне было численное превосходство. Естественно, хроники провинции Ига утверждают, что врагов было значительно больше, а описания, составленные по приказу Оды Нобуо, всё указывают с точностью до наоборот.

На этот раз кланы ниндзя из Ига доказали свое знаменитое мастерство. Но вскоре стало ясно, что Ода Нобуо во что бы то ни стало решил расквитаться за свое второе поражение. Это было уже не только вопросом политики, но и делом чести.

Разгром непокорной Ига

Порывистый нрав и мстительность молодого Ода Нобуо хорошо знали его приближенные. Это означало, что унижения от маленькой провинции Ига Ода Нобуо не потерпит. Масла в огонь подлил и его великий отец Ода Нобунага, который прислал пространное письмо своему импульсивному сыну. Это письмо известно по крайней мере в двух вариантах, но они сходятся в одном: холодный и расчетливый Ода Нобунага ругал своего сына за поспешность и авантюризм, называя проигрыш военной операции «непростительным».

Но письмо Оды Нобунаги было полно не только обвинений – там содержалось несколько весьма дельных советов. Например, он рекомендовал: «Чтобы вторгнуться в провинцию, которая мастерски защищена снаружи и изнутри... важно узнать слабые точки в тылу противника. Когда война предрешена, приготовь синоби или предателей-самураев. Уже одно это действие принесет тебе победу». По сути Нобунага советовал обратить оружие защитников Ига против них же самих.

И все же, вероятно, Ода Нобунага не особенно надеялся, на своего порывистого сына и решил сам возглавить поход. На этот раз воинам-ниндзя Ига противостоял самый

лучший военачальник той эпохи, не знавший поражений.

*Один из боевых командиров Оды Нобунаги – Такигава Кадзумасу.
Руководил первыми атаками провинции Ига, но ему пришлось отступить
(по С. Тернболу)*

Прежде всего он подбирает двух самураев-перебежчиков. Составляется и подробный план вторжения. Нобунага отказывается от «глупейшего», по его словам, замысла Оды Нобуо идти тремя колоннами через горные проходы лишь из провинции Исэ. Надо выступить сразу из нескольких провинций, окружив Ига. Поскольку силы защитников Ига невелики, надо рассеять их несколькими ударами с разных направлений.

И вот в сентябре 1581 г. началось грандиозное вторжение в Ига одновременно в шести направлениях. Провинция была полностью окружена. Всего в операции участвовало чудовищное по тем временам количество воинов – 44 300 человек.

Хотя операцию решил возглавить сам Ода Нобунага, судьба удивительным образом воспротивилась этому. Внезапно за несколько дней до начала вторжения всегда здоровый Нобунага почувствовал странную слабость. Выступление войск пришлось отложить. Наконец, когда войска, возглавляемые Нобунагой, выступили, уже через полдня пути у Нобунаги, который провел большую (удар. на 1-й сл.) часть жизни в походах, вдруг началось головокружение, все поплыло перед его глазами, резко ухудшилось зрение, его прошиб холодный пот. Продолжать поход в таком состоянии он не мог, и армия вынуждена была вернуться. Поползли слухи, что в этой странной болезни виноваты отравители-ниндзя.

Ода Нобунага, вняв советам своих приближенных, решил не рисковать, и лично не въезжать в Ига до окончания военной кампании. Тем не менее через посыльных, курьеров и шпионов он руководил всеми операциями в восставшей провинции. Ода Нобунага провел не один день, размышляя над тем, что можно противопоставить тактике боя ниндзя из Ига помимо огромной армии.

Сила отрядов ниндзя заключалась в их мобильности, свободе передвижений. А не прижать ли ниндзя к их же замкам, не загнать ли за стены многочисленных мелких крепостей, стоявших по всей Ига? На первый взгляд такой план мог показаться безумием – ведь осажденных из замков приходилось порой «выкуривать» месяцами. Это требовало, помимо всего прочего, немалых денег, чтобы содержать под стенами крепостей огромную армию с многочисленными обозами. Зато Нобунага сразу же отбирал у ниндзя их главный козырь – свободу передвижений, не давал им возможности бесследно исчезнуть в горах. А осадить крепости войска Нобунаги умели.

Хитрый план Нобунаги самураи и ниндзя Ига разгадали не сразу. Войска Нобунаги выжигали целиком деревни и близлежащие леса, но в сражения не вступали, специально оставляя защитникам Ига проходы к крепостям. Вскоре основные силы ниндзя оказались расчленены и разбросаны по замкам, обложенным плотным кольцом войск Нобунаги. Нобунага еще не провел ни одного крупного сражения с кланами Ига, но уже полностью контролировал положение в провинции. И все же победой называть это было рано. Нобунага понимал, что надо нанести сокрушительный удар по крупнейшим кланам ниндзя – невозможно же до бесконечности держать их загнанными в замки.

Сын знаменитого воителя Оды Нобунаги, Ода Иобуо, отличался порывистым нравом. Он лично казнил трёх своих ближайших слуг лишь по навету и подозрению в предательстве; позже обвинения оказались ложными (по С. Тернболу)

На северо-востоке Ига, целиком покрытом горами, стоял буддийский монастырь Канондзи, больше похожий на крепость. Располагался он в горном массиве Хидзияма, где находилось еще несколько мелких храмов-крепостей. Здесь укрылись несколько тысяч самураев и ниндзя, в том числе весьма влиятельные представители крупнейших местных кланов: Момода Тобэи, Фукукита Сёгэн, Мори Сиродзаэмон и другие, которые фактически возглавляли сопротивление Оде Нобунаге.

Глубокой ночью начался штурм. Основной удар был направлен на главные ворота монастыря, у которых сосредоточилось более тысячи нападающих. Одновременно началась атака на стены крепости. Возглавлял ее командующий местной группой войск опытный воин Гамао Удзисато; рядом с ним находились двое его сыновей, характер которых он решил закалить в бою.

На головы нападающих посыпались камни и тяжелые бревна с шипами. Одновременно ниндзя сами предприняли контратаку через подкоп, внеся полный разлад в ряды атакующих. Воины, находившиеся прямо у стен храма, оказались в окружении, и ниндзя стали добивать их короткими мечами.

Двое сыновей генерала Гамао Удзисато, пробившись из окружения, побежали в горы. Страх придал им силы – разя нападающих ниндзя направо и налево, они уходили все дальше. И тогда сам великий ниндзя Момода Тобэи с коротким мечом-тати в руках кинулся за ними. Он настиг их у подножия высокой горы. Два молодых самурая бросились на одного ниндзя. Но не случайно Момода был инструктором одного из кланов ниндзя по кэн-дзюцу – через несколько минут яростного боя он сразил обоих врагов и отрубил им головы.

Однако оказалось, что в открытом бою большинство ниндзя сражаются значительно хуже, чем профессионалы-самураи Нобунаги. Вся техника синоби была рассчитана на то, чтобы внезапно напасть из темноты на врага, несколькими неожиданными ударами сделать свое дело и так же внезапно скрыться. А вот затяжное сражение – это не для них. К тому же выяснилось, что ниндзя защищают крепости значительно хуже, чем

берут их. Всего лишь за полмесяца войска Нобунаги без всякой осады, одним мощным ударом покорили несколько крупнейших замков в центре Ига. Держался лишь один монастырь Канондзи в горах Хидзияма. Именно сюда и стягивалось все больше и больше войск Нобунаги, пока их численность не достигла 30 тысяч воинов. Судьба последнего оплота кланов провинции Ига была предрешена.

Пепел и кровь родины ниндзя

Сдаваться без боя великие ниндзя не захотели. В храме Канондзи собрался «военный совет» руководителей кланов синоби, в который входили семь самых знаменитых ниндзя Ига, за что они и были названы «Семь пик с гор Хидзияма». Среди них находился уже известный нам своим мастерством меча Момода Тобэи. После возжигания благовоний, молитв духам, ритуального гадания они решили сделать вылазку в лагерь противника и убить одного из военачальников Нобунаги – Цуцуя Дзюнкэя. Этот человек прославился особой жестокостью в уничтожении ниндзя – вырезал целиком семьи, сжигал дотла деревни, пойманных ниндзя варил в течение нескольких дней на медленном огне, отрубал им руки и ноги.

Вряд ли «Семь пик с гор Хидзияма» рассчитывали убийством Цуцуя Дзюнкэя изменить ход сражения. Под стенами монастыря находились военачальники практически всех отрядов Оды Нобунаги. Скорее это была традиционная месть ниндзя; к тому же еще теплилась надежда, что гибель столь известного генерала посеет панику в рядах осаждавших.

Ниндзя решили предпринять ночную вылазку – самый излюбленный их прием. Это была ночь на 1 октября; лагерь Цуцуи спал, лишь дежурные, зыбко кутаясь в плащи, время от времени обходили его по кругу, зорко всматриваясь в ночную темень. Но все казалось спокойным, только на стенах монастыря Канондзи горели дозорные огни. И вдруг отовсюду посыпались стрелы. В хронике «Иран-ки» говорится: «Казалось, они летели со всех сторон, снизу и сверху. Поднялся странный шум, будто закипает вода в чайнике, и как можно было ожидать, в войсках многие мудрые, опытные и смелые воины не имели даже времени, чтобы надеть свои латы и затянуть их вокруг талии, они хватали мечи и пики, с поспешностью сбегали вниз и стояли там с отчаянной безнадежностью, непрестанно сражаясь».

Внезапно, как это часто бывает в предгорьях, налетел порывистый ветер и загасил факелы, стоявшие вокруг лагеря. В темноте войска Цуцуя полностью смешались, воины в отчаянии рубили мечами направо и налево, панический страх охватил их. И тут произошло то, что уже когда-то было с войсками Оды Нобуо, – воины начали убивать друг друга!

Ниндзя же, напавшие на лагерь, прекрасно различали друг друга по особым паролям и неприметным на первый взгляд меткам на одежде. Меньше чем через час все было кончено. Лагерь был полностью разгромлен, боевые шатры повалены, кругом лежали окровавленные тела без голов и с подрубленными в коленях ногами – именно так нападали ниндзя. Правда, хитрому Цуцуи Дзюнкэю удалось ускользнуть – он предпочитал не ночевать в лагере и всегда проводил ночи на отдельном бивуаке вдалеке от замка.

Ночная вылазка ниндзя неприятно поразила многих генералов Оды Нобунаги. Никто не мог ожидать, что «обессиленные» ниндзя уничтожат целый лагерь прекрасно вооруженных самураев. Такую опасность следовало устранить раз и навсегда. Решено было начинать штурм последнего оплота защитников Ига немедленно.

Воины монастыря Канондзи и нескольких других небольших замков в окрестностях гор Хидзияма, узнав от своих лазутчиков о предстоящей атаке, готовились к обороне. Но ситуация была сложная – в замках давным-давно кончилось продовольствие, к тому же ниндзя никогда не готовились вести боевые действия из замков и не запаслись ни достаточным количеством провианта и воды, ни медикаментами, а раненых уже насчитывались сотни.

Войска Нобунаги решили не рисковать и не штурмовать в открытую многочисленные мелкие замки Хидзиямы. Два военачальника, Цуцуи Дзюнкэй и Гамао Удзисато, решают

воспользоваться для борьбы с замками ниндзя безотказным оружием – огнем. Сотни «огненных бомб» из смолы полетели через стены замков. Начался грандиозный пожар; сухая погода и сильный ветер лишь способствовали тому, что огонь запылал во всех частях замков. Воды внутри крепостей почти не осталось, тушить пожары было нечем, дым окутал горы Хидзияма. Весь комплекс мелких замков и монастырей полыхал, горел и знаменитый монастырь Канондзи, но никто из ниндзя не вышел оттуда – они предпочли смерть в огне позорному бегству.

Синоби из других монастырей попытались с боем прорваться в горы, но большинство беглецов было зарублено в бою. Однако мужество некоторых ниндзя столь поразило врагов, что им было разрешено совершить почетное самоубийство. И ниндзя кончали с собой, делая харакири или бросаясь в огонь. Вскоре на месте некогда прекрасных буддийских обитателей остался лишь пепел, а порывистый ветер взметал в воздух горы золы.

Ода Нобунага приказал покончить с кланами ниндзя в Ига навсегда. Он требовал, чтобы семьи вырезались под корень, а для отчета составлялись списки уничтоженных. Хроника «Иран-ки» сообщает:

«Все (воины Нобунаги. – А. М.) продвигались как один через пики провинции Ига, и монастыри по всей провинции были полностью разрушены огнем... Такигава и Хори Кударо (командиры отрядов Нобунаги. – А. М.) лично спешили с лошадой и сумели уничтожить не одного умелого самурая. Они заняли много районов и наказали всех своими руками. Во время атаки на храм Кикё были убиты тысячи человек одним ударом меча, включая дзёнина (ниндзя высшего уровня. – А. М.) Хаттори. (Это первое реальное упоминание в летописях Хаттори, одного из основателей знаменитой школы ниндзюцу Хаттори-рю. – А. М.). Помимо этого многие были вырезаны и уничтожены до конца... Остатки бежали в Касугаяму, что на границе с Ямато (соседняя провинция на юго-западе. – А. М.) и рассеялись там. Но Цуцуи Дзюнкэй преследовал их через горы, наводя о них справки и разыскивая беглецов... а точное количество вырезанных и обездоленных до сих пор неизвестно». (Turnbull S. Ninja, p. 73–74).

Разгром ниндзя был полным. На территории Ига не осталось ни одного храма, в стенах замков зияли чудовищные проломы. Были вырезаны целые семьи, выжжены и вытоптаны поля, сожжены деревни. Разгром «Ига-но-ран» – «восстания в Ига» – должен был развеять у многих поклонников мастерства ниндзя миф об их непобедимости и чудесном искусстве боя. По всем параметрам они проиграли самураям Нобунаги. Прежде всего, за редким исключением, ниндзя плохо сражались в открытом бою. К тому же они имели весьма туманные представления о ведении крупномасштабных военных кампаний, о стратегии боя и организации защиты крепостей.

Ода Нобунага решил, что с ниндзя из Ига покончено навсегда. Один вид разграбленной и сожженной Ига говорил о том, что вряд ли здесь в течение ближайшего времени сможет наладиться нормальная жизнь. Но вскоре традиция тайных кланов вновь дала знать о себе.

Последняя месть

Восстание было подавлено, сотни ниндзя разбежались по соседним провинциям. Именно в это время по всей Японии начинается рост школ ниндзюцу, которые шагнули за границы своей родины – провинций Ига и Кога. Эти школы стали еще более тайными – многие по-прежнему опасались мести Оды Нобунаги.

А что же Ода Нобунага? Был ли он удовлетворен своей кровавой победой? Великий воитель решил лично удостовериться в том, каковы плоды его похода. 10 октября Ода Нобунага в сопровождении многочисленной охраны появляется в Ига. Летописи сообщают, что он, боясь покушения, даже не останавливался ни где отдохнуть, а бросив взгляд на разрушенные замки, на груды еще не убраных трупов, на сожженные деревни и удовлетворившись увиденным, решил вернуться в штаб-квартиру в Адзуту.

...Дорога шла вдоль опушки леса. Ода Нобунага ехал в плотном окружении своих подданных и телохранителей, за ним тянулся большой отряд вооруженных самураев. Специальные дозорные отряды, высланные вперед, внимательно осматривали

местность, заезжая даже в лес. Надо было поскорее покинуть эту провинцию, застывшую в опасном молчании.

Наконец лес отступил от дороги, и охрана могла вздохнуть свободно – на таком расстоянии, даже если выстрелить из чащи, ни ружейная пуля, ни стрела не долетят до кортежа Нобунаги. И в этот момент раздался оглушительный грохот. Три облачка дыма вырвались из леса и поплыли в сторону дороги. Никто ничего не успел понять, лишь натренированная охрана инстинктивно сомкнулась перед Нобунагой.

Хитроумный Нобунага не мог даже представить, что ниндзя из Ига уже используют легкие пушки. Несколько часов трое синоби – Кидо, Харада и Дзиндай, – которым удалось спастись после разгрома замка Касивабара, что на юго-западе Ига, ждали Оду Нобунагу на этой дороге. Затащив на лесистые горы то ли небольшие пушки, то ли крупнокалиберные аркебузы, они решили с трех сторон нанести залп по Нобунаге.

Удар был страшен. Семь или восемь человек были убиты наповал, многие ранены. Но и на этот раз судьба хранила Нобунагу – выстрелы даже не задели его. Охрана сразу же бросилась в ту сторону, откуда стреляли, но, естественно, никого не нашла. Ода Нобунага еще раз мог поблагодарить духов за свое чудесное спасение, которое обещало ему, вероятно, долгую жизнь. Ведь даже такому великому воителю не было открыто будущее, и он вряд ли мог предположить, что жить ему осталось меньше года.

ЧЕЛОВЕК СОКРЫТЫХ ФОРМ

Призраки в замках

«Человек сокрытых форм» (онгю-но-моно) – так начинают именовать ниндзя в начале XVII в. По Японии распространяются легенды о неких ниндзя-мстителях, которые после разгрома Ига бродят в темноте замковых переходов, охотясь на своих врагов. Да это вовсе и не люди, а духи, восставшие из ада и принесшие на землю весь кошмар преисподней! Остановить их нельзя – они проходят даже сквозь закрытые двери. Нельзя их и убить – стрелы и ружейные пули пролетают сквозь них, будто бы они бестелесны.

И всё же в этих слухах была доля правды. Действительно, теперь, когда Ига лежала в руинах, синоби пришлось перемещаться в другие районы. На месте остались лишь ниндзя из провинции Кога, которая оказалась не затронута ни войнами Онин, ни походами Нобунаги.

Популярность наемников из Ига по-прежнему была огромной. «Отряды Ига» (Ига су) состояли даже в личной гвардии многих даймё, в том числе и великого Токугавы Иэясу, который в противоположность Оде Нобунаге ценил их весьма высоко.

Заговоры и тайные убийства стали бичом того времени. Все усилия видных самураев были направлены не столько на то, чтобы предотвратить военное поражение, сколько на то, чтобы избежать удара в спину от подосланного ниндзя. У всех еще свежа была в памяти страшная смерть Оды Нобунаги – человека, которого, казалось, судьба хранила от всех несчастий и покушений.

Как ни старался Ода Нобунага обезопасить себя, он все же получил удар именно в спину от одного из своих военачальников Акэти Мицухидэ (1526–1582). В то время ставка Нобунаги располагалась в Киото. Нобунага получил просьбу о помощи от Тоётоми Хидэёси, который сражался с непокорным даймё Мори Тэрумото. Нобунага приказал Акэти Мицухидэ собрать войско и выступить на подмогу Хидэёси, сам же решил провести ночь в киотском храме Хонондзи. Получилось так, что основная часть охраны Нобунаги, в том числе и верные ему ниндзя, находилась в другом месте – в его любимом замке Адзуги. Этим и решил воспользоваться Акэти Мицухидэ. Он ввёл войско в Киото и атаковал храм Хонондзи, где спал ничего не подозревавший Нобунага. Маленький отряд Нобунаги дрался мужественно, но с войском ему было не справиться. Сам Нобунага, схватив копье, могучими ударами разил нападающих, пока заряд из аркебуза не раздробил ему руку. И тогда Нобунага поступил так, как предписывал кодекс Бусидо, – истекая кровью, он вошёл в главный зал храма и сделал себе харакири.

Лазутчики, подсланные Фухусимой Масанори, подслушивают тайное совещание между Одой Нобутакой и его товарищами, которые задумали низложить Хидэёси (по С. Тернболу)

Акэти Мицухидэ решил не оставить даже следа от семьи Нобунаги. Он истребил всех его родственников, которые находились в Киото, затем поспешил в знаменитый замок Адзуты и разрушил его до основания. Тайные убийцы Мицухидэ расправились с сыном Нобунаги – Ода Нобутакой, укrywшемся в киотском храме Нидзё, но так и не сумели добраться до воинственного Оды Нобуо, который находился в Исэ, в местечке Камэяма. Но Мицухидэ уже удовлетворил беса своей жестокости и, явившись к императору, провозгласил себя новым сёгуном.

Акэти Мицухидэ пробыл сёгуном всего лишь тринадцать дней. Покарать изменника решил Тоётоми Хидэёси. Узнав о заговоре, он тотчас перебросил свою армию к Киото. Акэти оказался не слишком сильным военачальником – его войска были быстро разгромлены, а сам он убит (Искандеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984. С. 95–97). Но кровавая тень великого воителя Нобунаги еще долго витала, как злой рок, над всеми правителями Японии.

Ниндзя штурмуют крепости

Тоётоми Хидэёси, приняв сёгунский титул, возводит недалеко от Киото, в местечке Момояма (Персиковый холм), мощную крепость, ставшую столь характерным символом того периода японской истории, что по его имени это время было названо эпохой Момояма (1573–1615).

Тоётоми Хидэёси уже не могла удовлетворить власть лишь над Японией. Могучий самурайский дух требовал выхода за пределы небольшого островного государства. Хидэёси предпринимает грандиозный поход в Корею и даже намеревается вторгнуться в Китай, причем эти планы были нарушены лишь его смертью.

В 1592 г. двадцати тысячная армия Хидэёси под командованием талантливого генерала Кониси Юкинага начала вторжение в Корею, и уже через несколько месяцев под ее ударами пал город Пусан.

Интересная подробность – в состав японской армии входило специальное подразделение ниндзя из Ига. Это свидетельствует о том, что кланы профессиональных лазутчиков не только не были уничтожены, но даже начали развиваться, еще более успешно продолжая свою традиционную деятельность наёмников.

Армия Кониси Юкинага на подступах к городу Сеулу наткнулась на крепость Тигудзю (в японском чтении), которая «запирала» дорогу к столице Кореи. Именно в этом месте ниндзя Ига сумели проявить себя. Сначала японские воины нанесли мощный удар по центральной части замка, осыпая стены подожженными стрелами, от которых запылала

вся крепость. Корейцы стали отходить через тайные проходы позади крепости, и в этот момент дорогу им преградило подразделение ниндзя. Синоби незаметно подобралась под стены замка, хотя корейские дозорные внимательно следили за тем, чтобы их не окружили. Внезапное появление ниндзя, которые уже сумели поджечь заднюю часть замка, так поразило корейцев, что в их войсках началась паника, и они обратились в бегство (Одзэ Хоан. Тайко-ки. Токио, 1979. С. 107–108).

И все же корейская кампания оказалась для войск Тоётоми Хидэёси крайне неудачной. Его амбиции значительно превосходили его возможности.

Сёгун Токугава Иэясу и его ниндзя

В 1598 г. Тоётоми Хидэёси умирает, оставив пятилетнего наследника Тоётоми Хидэёри. В такой ситуации не могла не начаться борьба за регентство при малолетнем наследнике. И здесь решающую роль сыграло хитроумие и расчетливость одного из крупнейших даймё того времени Токугавы Иэясу. Он, то умело сталкивая одних даймё с другими, то создавая многочисленные союзы, в конце концов сумел так направить развитие событий, что образовались две коалиции крупных самураев, враждующих между собой. Все должно было решиться в 1600 г., когда противники сошлись в одной из самых грандиозных битв средневековой Японии – в сражении при Сэкигахаре.

В преддверии этой битвы стороны боролись за важнейшие стратегические позиции: крепости, замки, участки двух крупнейших дорог – Токайдо и Накасэндэ. В защите крепости Фусими, которую удерживали войска Токугавы Иэясу под руководством клана Тории, участвовали несколько сотен синоби из провинции Кога. Одни ниндзя были размещены внутри замка Фусими, другие же были отправлены патрулировать местность вокруг него. Именно они заметили приближение врагов к Фусими и приняли на себя первый удар. Почти все они полегли в кровавой схватке, а крепость Фусими пала, но ниндзя проявили столько мужества и стойкости, что ими восхищались даже воины личной гвардии Иэясу.

Немалую роль сыграли ниндзя и в самой битве при Сэкигахаре. Началась она туманным осенним утром и продолжалась весь день на узком участке земли между высокими горами. Синоби пришлось вступать в сражение в составе небольших «летучих отрядов», появлявшихся в самых опасных местах сражения и отличавшихся исключительным мужеством и дерзостью.

И вот после победного окончания военной кампании произошло нечто невероятное: будущий сёгун Токугава Иэясу служит торжественный молебен духам погибших ниндзя. Это означало, что люди, всегда находившиеся практически вне закона, оказались официально возведены в ранг «преданных и достославных воинов». Такого до сей поры удостоивались лишь самые известные самураи.

В 1603 г. Токугава Иэясу провозглашает себя сёгуном. Приход Токугавы к сёгунской власти открывал наёмникам-ниндзя путь к высшим чинам в иерархии самурайства.

Победа в борьбе за сёгунский титул досталась Токугаве Иэясу в результате многочисленных битв, кровавых заговоров, причем все враждующие стороны, пренебрегая самурайским кодексом чести, действовали с немалым коварством. Подозрительный Иэясу доверял свою жизнь лишь ниндзя из Кога и Ига. Именно они несли охрану в покоях сёгуна и составляли штат его личных телохранителей. Поручен был ниндзя из Ига и другой «объект охраны» – самый сокровенный уголок дворца сёгуна в Эдо, который назывался О-оку. Здесь располагались комнаты наложниц сёгуна, и ни один посторонний человек не должен был потревожить покой этих прелестниц.

*Тоётами Хидэёси
(1537–1598). Здесь он в коротком головном уборе (кобури),
белых придворных одеждах и широких штанах-шароварах (сасинуки).
Левая рука в кулаке – символ власти*

Традиционно среди ниндзя господствовали два клана, или две группы – «гуми». Синоби из Ига – Ига-гуми – было в два раза больше, чем ниндзя из Кога. В основном, преданность обоим «гуми» держалась на неплохих деньгах и «рисовых пожалованиях»: особо отличившимся платили по 400 коку риса в год. Количество немалое, если учесть, что один коку – это мера риса, необходимая для пропитания одного человека в год. Ниндзя даже без тайных убийств и сражений постепенно богатели, хотя до зажиточных даймё им было далеко. И все же благородными Робин Гудами, которые отбирали деньги у богатых и передавали бедным, они никогда не были. Ниндзя оставались наёмниками, за деньги выполняющими любые задания, причем при Токугаве среди них было уже очень мало людей «из низов» – все они так или иначе принадлежали к воинской касте. Начиная с XVII в. было уже невозможно провести четкую границу между некоторыми самураями и ниндзя.

Сакакибара Ясумаса (1548–1606), выдающийся высокопоставленный воин.

Считался одним из ситэнно – «четырёх священных духов» Токугавы Иэясу, однако после битвы при Секигахаре в 1600 г. перешёл в оппозицию кТокугаве. Здесь он с длинным мечом-тати, слева на поясе – короткий меч вакидзаси, в руках – командирский жезл сайхай. Над ним – иероглиф «му» («ничто») – символ дзэн-буддизма и быстротечности жизни

Летописи донесли до нас забавную историю, связанную с особым умением ниндзя прикидываться мертвыми. На эту уловку попался и сам многоопытный Токугава Иэясу. Однажды сёгун приказал одному из своих придворных ниндзя разыскать и попытаться арестовать (как он потом пожалеет об этом!) известного синоби Какэя Дзюдзо, который, по слухам, предложил свои услуги противникам Токугавы. И вот ниндзя, посланный Токугавой, разыскал Какэя Дзюдзо и попытался выдать себя за его друга, едва ли не представителя той же школы синоби, что и он сам. Дзюдзо позволил препроводить себя в покои Токугавы. И вот через пару часов Какэй Дзюдзо предстал перед лицом великого сёгуна, который был рад тому, что опасного противника удалось схватить так легко. Судьба Дзюдзо была предрешена, но ниндзя взмолился о последней милости – позволить сделать себе сэпкуку. Токугава милостиво согласился, и вот мужественный Дзюдзо решительно вонзил клинок короткого меча-танто себе в живот и откинулся навзничь, истекая кровью. Удовлетворённый увиденным, Иэясу приказал сбросить тело Дзюдзо в ров, окружающий замок.

Но прошло совсем немного времени, и при дворе Токугавы разнеслись слухи, что неупокоенная душа Дзюдзо, превратившись в злого духа «онрю», преследует Токугаву по всем комнатам замка! В покоях сёгуна была выставлена дополнительная охрана, специальные патрули всю ночь ходили по полутемным коридорам с факелами, и действительно некоторые воины несколько раз видели странную тень, моментально растворяющуюся во мраке. Охрана Токугавы в основном состояла из ниндзя – именно они и разгадали тайну Дзюдзо.

Оказывается, прекрасно зная, какая судьба ему уготована в замке Токугавы, Дзюдзо сунул себе под одежду труп недавно убитой крысы. Именно в него он всадил клинок, делая себе харакири, кровь именно этого животного пролилась на пол! Дзюдзо так талантливо сыграл мертвого (а это одно из важнейших умений ниндзя), что ни один человек не мог ничего заподозрить. И еще долго «бессмертный» Дзюдзо охотился на Токугаву.

Тело-ловушка

События того времени позволили проявиться еще одной тайной школе ниндзя, почти не известной до тех пор. Возникла она в провинции Сацума на южной оконечности острова Кюсю. В Сацума господствовал клан Симадзу, который объявил себя независимым как от сёгунов, так и от императорской власти в Киото. Так продолжалось долгие столетия, пока дерзкая политика Симадзу не стала вызывать стойкого раздражения у сёгуна Тоётоми Хидэёси. Все это привело в 1587 г. к столкновению между двумя воителями. Война затянулась, но позже Симадзу был разбит новым сёгуном Токугавой Иэясу. Кстати, нам еще придётся вернуться к событиям того времени – именно Симадзу из Сацумы, признав победу сёгуна Токугавы, был послан устанавливать его власть на острове Окинава. Правление Симадзу на Окинаве ознаменовалось запретом на ношение оружия, рождением долгой нелюбви местных жителей к японцам и как следствие – развитием китайских систем кулачного искусства, из которых через много столетий родилось каратэ.

Но вернемся к тому периоду, когда Симадзу еще считал себя полновластным и независимым правителем в провинции Сацума. Симадзу активно поддерживал местные кланы ниндзя, которые не могли соперничать в славе с синоби из Ига и Кога, но применяли весьма своеобразные методы боя. Не раз они оказывали услуги самому Симадзу.

Особенность тактики Симадзу заключалась в том, что он предпочитал использовать в сражениях огнестрельное оружие, которое в те времена было распространено не слишком широко. Самураи первоначально относились к ружьям с известной долей презрения – выстрел как бы лишал воина возможности посмотреть в лицо противнику. Ниндзя же были свободны от этих «благородных предрассудков». И вот Симадзу привлек к себе на службу тех ниндзя, которые блестяще владели аркебузами и были отличными стрелками.

Существовал еще один характерный прием тактики ниндзя из провинции Сацума. Назывался он «сутэкамари-но-дзюцу» – «искусство лежать недвижно и не подавать признаков жизни». Ниндзя с детства обучали своих детей прикидываться мертвыми или убитыми. Они могли изображать человека со сломанной ногой или рукой, с перебитым позвоночником или сломанной шеей. Противник, ничего не подозревая, приближался к «убитому» или просто проходил мимо, и в этот момент «мертвец» оживал и наносил удар.

Ниндзя из Сацумы довели искусство «ловушки из живых тел» до совершенства, используя при этом и свое мастерство стрелков. Симадзу использовал их следующим образом: когда его войска отступали, он обдуманно оставлял за собой целые поля якобы убитых воинов, роль которых и выполняли ниндзя. Как только войска противника приближалась к телам и даже углублялись в эти «поля мертвецов», ниндзя открывали огонь из ружей, которые они прятали под собой (Ямагути С. Ниндзя но сэйкацу. Токио, 1969. С. 260–262).

Особенно удачно такой прием был использован в уже известной нам битве при Сэкигахаре. В ту пору Симадзу воевал против Токугавы Иэясу. Войска Симадзу проигрывали одно сражение за другим и откатывались назад под ударами генерала И Наомаса.

Чтобы оторваться от преследователей, Симадзу решил оставить за собой «тела-ловушки». Западня сработала. Лишь только передовой отряд преследователей, который возглавлял сам генерал И Наомаса, поравнялся с горами «убитых», как ниндзя открыли огонь. Пуля пробила живот лошади И Наомаса и ранила генерала в локоть.

Лошадь рухнула, подмяв под себя и седока. И Наомаса повезли в лагерь для оказания помощи, а преследование пришлось прекратить.

Примечательно, что первую помощь И Наомаса оказывали ниндзя из Ига, которые воевали на его стороне. Самым известным из них был его главный вассал (дзюсин) Миура Ёэмон Мотосада. Этого ниндзя предоставил генералу в 1583 г. сам Токугава Иэясу, беспокоясь за жизнь своего военачальника. Миура являлся ниндзя высшего уровня посвящения – дзёнином. И все же он не сумел уберечь хозяина. Как будет видно, этот промах Миуры оказался роковым.

В ту эпоху в среде богатых самураев входит в обычай содержать при себе советников-ниндзя (ими обычно становились только дзёнины). Союз самурайских кланов и ниндзя мог даже «переходить по наследству», становясь семейной традицией на столетия. Например, клан ниндзя Миуры продолжал обслуживать самурайский клан И, к которому принадлежал И Наомаса, не одно поколение. Как видим, ниндзя могли занимать весьма престижное положение при дворе дайме. Да и содержание они получали неплохое. Например, клан И Наомасы выделил Миуре особую «стипендию» – 650 коку риса в год, а в 1608 г. увеличил её до 824 коку. По тем временам это было поистине фантастической платой.

Сам генерал И Наомаса использовал Миуру не только как советника, но и как опытного медика: И Наомаса опасался ядов, которые применяли ниндзя. Лишь другой ниндзя мог дать противоядие, ибо даже умелые самураи не были посвящены в тайну этих ядов. И Наомаса будто бы предчувствовал свою судьбу: вероятно, пуля, попавшая ему в локоть, была отравлена, кровотечение никак не прекращалось. Миура всячески пытался облегчить его страдания и давал пить генералу какие-то тайные отвары. Но, увы, все оказалось напрасным – от раны на локте, казавшейся пустяковой, И Наомаса скончался.

На службе сёгуну

Путь Токугавы Иэясу к власти был так или иначе связан с поддержкой и военной помощью со стороны крупнейших кланов ниндзя. Они устраняли его соперников, штурмовали замки и даже подавляли восстания – так случилось со знаменитым Симабарским восстанием. Ниндзя по сути превратились в особый тип гвардии Токугавы и оставались таковыми на протяжении всего господства сёгуната в Японии.

Первый раз после прихода к власти в качестве сёгуна Токугаве Иэясу пришлось активно прибегнуть к услугам своих наемников уже в 1614 г. Именно тогда возмужавший Тоётоми Хидэёри – сын бывшего сёгуна Тоётоми Хидэёси – предпринял попытку вернуть себе власть. Незадолго до своей смерти в 1598 г. Тоётоми Хидэёси учредил «Совет пяти старейшин» (Готайро) и «Совет пяти уполномоченных» (Гобугё), в которые входили известные даймё. Эти советы призваны были стать неким «коллективным регентом» при малолетнем тогда сыне сёгуна, Хидэёри. Члены этих советов разделились на две враждующие группировки, каждая из которых рвалась к власти и выдвинула двух лидеров. Первая группа, возглавляемая известными воителями Исидой Мицунари, Мори Тэрумото и Уэсуги Какэкацу (последний был широко известен как знаток ниндзюцу), строго придерживалась завещания Тоётоми Хидэёси и считала истинным сёгуном его сына Хидэёри. Вторая же группа – фактически изменники и заговорщики – выдвинула из своих рядов другого претендента, Токугаву Иэясу. В октябре 1600 г. в битве при Сэкигахаре недалеко от Токио Токугава наголову разгромил своих противников и овладел сёгунским титулом.

Но Тоётоми Хидэёри, справедливо считая себя истинным наследником сёгунской династии, решил восстановить справедливость. Его поддержали многие разорившиеся даймё, ронины – самураи, оставшиеся без своего господина. Десятки тысяч этих людей стали стекаться под стены гигантской крепости в Осаке, собираясь сделать ее базой восстания против Токугавы.

Осакская крепость имела более 20 км в периметре и представляла собой целый город с огромными складами, источниками воды. Такую крепость можно было удерживать годами, и Токугава, зная это, решил прибегнуть к помощи своих ниндзя из школ Ига-гуми и Кога-гуми

Группу ниндзя из Ига возглавлял их патриарх Хаттори Масанари. Кога-гуми находилась под руководством не менее знаменитого ниндзя Ямаока Кагэцугэ. В помощь этим отрядам в операции было решено использовать и ниндзя из области Суруга, которые обучались у синоби из Сацумы и блестяще владели искусством снайперской стрельбы. Войска сёгуната возглавлял сын уже известного нам генерала И Наомасы – И Наотака, а при нем состоял все тот же испытанный в боях преданный ниндзя Миура. Именно ему было поручено перед началом военной операции против мятежников в Осаке провести переговоры с отрядами ниндзя и договориться о цене. Миура, пользовавшийся огромным авторитетом среди ниндзя Ига, отправился в эту провинцию, в район Набари, и без труда провел мобилизацию местных синоби (Ямагути С. С. 267).

Эндо Энъе (XIV в.), мирянин дзэн-буддист, отец которого, равно как и он сам, был известным мастером воинских искусств. Это тип «дзэнского портрета» (синее), где Энъе сидит на монашеском стуле, одетый в рясу кеса

Несколько раз ниндзя, прикинувшись сторонниками Тоётоми Хидэёри, проникали в крепость и разведывали устройство её оборонительных сооружений. Как-то раз десять ниндзя пробрались в замок, получив задание посеять вражду и недоверие в руководстве восставших. Этот тип действий ниндзя назывался «кан», и его упоминает еще китайский стратег V в. до н. э. Сунь-цзы. Вероятно, операция «кан» прошла удачно: один из видных самураев в Осаке сделал себе сэппуку, возмущившись недоверием собратьев. Ниндзя пытались подкупить и самого командующего гарнизоном крепости Санада Юкимуру, но неудачно.

Генерал Санада Юкимура также прибег к услугам ниндзя. Именно по их совету он соорудил особую навесную башню – барбикан, которая нависала надо рвом, окружающим Осацкий замок. Хотя оборонительный ров был чудовищно глубок, но он давным-давно высох. Барбикан же позволял вести прицельный огонь по нападающим как во рву, так и на другой его стороне. Осацкие «сидельцы» гордились своим сооружением и даже прозвали его в честь своего генерала Санада-мару.

Всё это в немалой степени раздражало командующего войсками Токугавы генерала И Наотаку. В конце концов было решено разрушить барбикан. Заодно можно было попробовать сделать пролом в центральных воротах, которые защищались барбиканом. И вот темной ночью войска И Наотак под его личным командованием тихо вошли в сухой ров и начали окружать замок. Двигаться было трудно, густой предутренний туман не позволял свободно ориентироваться, ров был полон камней и вязкой грязи, люди натыкались друг на друга, теряя направление.

Защитники крепости давно уже заметили противника. Когда туман совсем сгустился, из крепости на нападающих посыпались стрелы и загремели ружейные выстрелы. И Наотак понял, что операция полностью провалилась, надо отходить. Он отдал команду возвращаться, но в сильном тумане и в той панике, которая началась среди его воинов, этот приказ не был услышан. Отряды по-прежнему метались в широком рву, а некоторые даже пытались штурмовать стены. Положение казалось безвыходным.

Набесима Наосигэ (1538–1618) в полных боевых одеждах. Был приближенным Рюдзодзи Таканобу, военного лидера провинции Хидзэн, погибшего в 1584 г. в битве при Симабара против клана Симадзу. Через несколько лет Набесима сам возглавил клан Рюдзодзи

Но здесь на помощь пришел хитроумный ниндзя Миура Ёэмон. Стрела попала ему в руку, однако он, переломив стрелу и оставив ее наконечник в руке, бросился на свой берег рва. Туда же выскочили его ниндзя. И здесь Миура использовал приём, с трудом поддающийся нашему пониманию, но который тем не менее блестяще сработал. Миура приказал ниндзя открыть огонь по людям во рву! Самураи подумали, что они окружены, и решили драться до последнего. Они направили лошадей на свой берег в надежде найти там противника и вырваться из кольца окружения. Благодаря этому вся армия И Наотак благополучно «отступила, нападая». И Наотак был столь восхищен находчивостью Миуры и его людей, что пожаловал всех ниндзя Ига специальной грамотой, которая могла служить и рекомендательным письмом – кандзё (Там же. С. 267).

И все же зимняя осада крепости Осака оказалась неудачной. К тому же отряды ниндзя были обижены – они сочли плату за свои услуги слишком низкой. Синоби, считая себя почти обманутыми, вернулись в родные места, в Ига. Армия Токугавы осталась без мощной поддержки.

Видя это, Токугава вновь посылает ниндзя Миуру в Ига, чтобы рекрутировать синоби. Переговоры были трудными. Но в конце концов деньги сделали свое дело, и великие лазутчики Ига вновь стали под знамена Токугавы.

А тем временем в лагере Токугавы творилось нечто невообразимое. Туда приходила масса народа, везде сновали жители из близлежащих деревень, прибывали какие-то самураи со своими небольшими отрядами в надежде снискать себе славу или награду от сёгуна. Естественно, в таких условиях любой лазутчик смог бы без труда увидеть приготовления к атаке, разведать все планы и незамеченным скрыться. Лагерь необходимо было очистить от лишнего народа. И первое, что сделал Миура со своими ниндзя, – они открыли огонь по лагерю! Несколько человек было ранено, тысячи разбежались, на месте остались лишь преданные Токугаве воины, испытанные в сражениях. Лагерь был моментально очищен, а ниндзя опять принялись планировать разведывательные операции.

Наконец, летом под огнем пушек Токугавы крепость пала. В горячей Осаке Тоётоми Хидэёри, как и полагалось благородному самураю, покончил жизнь самоубийством. Токугава не без помощи своих верных ниндзя стал полновластным властителем Японии.

С падением Осаки была устранена последняя угроза для власти Токугавы Иэясу. Сёгунат под руководством клана Токугавы продержался еще два с половиной века. Единственным серьезным потрясением для сёгуната стали события 1638 г., когда «власть предрержащие» были вынуждены вновь прибегнуть к услугам ниндзя.

Самураи, ниндзя и христиане

Чтобы понять, зачем сёгунату вновь понадобились тайные услуги вездесущих синоби, необходимо обрисовать обстановку того времени. Токугава, опасаясь иноземного влияния, своим декретом закрывает страну. Теперь ни один иностранный корабль не мог пристать к японским берегам, а японцы не имели права покидать родину, и так было вплоть до середины XIX века. Запрет сыграл двоякую роль – с одной стороны, отрезал Страну восходящего солнца от всего мира, его экономики и культуры; с другой стороны, позволил сохранить в нетронутом виде многие древние, в том числе и самурайские, традиции. С 1640 г. всех иностранцев начали выселять из страны; христианские миссионеры подвергались гонениям и даже казням. Христианство было объявлено вне закона, и по всей Японии разыскивали сторонников «варварской» веры.

Европейцы стали осваивать Японию еще в XVI в. Одними из первых, кто вступил на островной берег, были миссионеры-иезуиты и среди них – один из руководителей ордена Франциск Ксавье, прибывший в Кагосиму в 1580 г. За ним последовали еще десятки миссионеров. Уже к началу XVII в. число обращенных в христианство японцев достигло 700 тысяч (при общей численности населения Японии в 26 млн. человек). (Горегляд В. Н. Страна за захлопнутой дверью. // Кирквуд К. Ренессанс в Японии: Культурный обзор семнадцатого столетия. – М., 1988. С. 6).

Деятельность миссионеров не только принесла на Японские острова новую веру, но и открыла Японию для торговли с Западом. Не только шелк, кожи и сахар везли в Японию из-за рубежа. Сюда стало проникать и огнестрельное оружие, которое активно использовал еще Ода Нобунага, а также ниндзя, пожалуй первыми освоившие это новшество. Одновременно начали усиливаться сепаратистские настроения среди даймё острова Кюсю, давно считавших себя независимыми от центральной власти. Над Японией нависла угроза новой междоусобной войны, чего режим Токугавы потерпеть не мог. В качестве «виновника» всех бед были выбраны иностранцы, в частности христиане, что оказалось не так далеко от истины, ибо зарубежные торговцы своими посулами немало сделали для разжигания чувства обособленности кланов Кюсю.

Была почти прекращена торговля с другими странами, закрыты крупные торговые центры в ряде портов, а пребывание «варваров» на территории Японии каралось

смертью. Единственными окнами во внешний мир оставались крошечное голландское торговое представительство и китайская миссия на островке Дэсима в порту Нагасаки на Кюсю, но и за их сотрудниками велась постоянная слежка.

Правда, такая полная изоляция не могла длиться вечно – частичные послабления были сделаны уже в ряде эдиктов сёгуна Токугавы Ёсимицу (правил в 1715–1746 г.), поскольку в науке и промышленности наметился столь явный кризис, что собственными силами справиться с ним оказалось невозможно. Единственными европейцами, допущенными в Японию, оставались голландцы, а это означало монопольное распространение голландских книг по навигации и кораблестроению, анатомии и астрономии. Голландские ученые стали преподавать в Японии, а в 1745 г. был даже выпущен в свет японо-голландский словарь. Расширились и контакты с Китаем, где правила маньчжурская династия Цин и откуда приходили новые веяния в области философии и военного дела.

Но этим послаблениям (а были они все же незначительны) предшествовали весьма важные события в военной истории Японии, связанные с грандиозным Симабарским восстанием на острове Кюсю. В конце XVII в. в районе Симабары под христианскими лозунгами начинает разворачиваться восстание, которое подняли немногочисленные японские христиане, а позже их поддержали далекие от христианства, но обиженные жизнью мелкие землевладельцы. На его подавление сёгунат бросил 200-тысячную армию. Самураи получили последнюю возможность проявить себя на поле боя.

Мятежники укрылись в мощном замке Хара в Симабаре. Штаб бакуфу вновь обратился к услугам ниндзя, на этот раз из Кога. Прежде всего им дали задание добыть данные, необходимые для штурма: в точности узнать план замка Хара, глубину оборонительного рва, состояние подъездных дорог, высоту стен. Всю обобщенную информацию следовало отправить в Эдо лично на рассмотрение сёгуну Токугаве Иэмицу.

И ниндзя взялись за дело. По ночам они тайно проникали в замок, хотя хозяева крепости об этом даже не догадывались. Через несколько дней план операции по штурму замка был готов. Ниндзя из Кога разведали все переходы, разузнали расположение всех залов замка и ориентировались в нем, как у себя дома. Одновременно с разведкой внутри замка люди из Кога перекрыли несколько тайных троп и подземных ходов, по которым доставлялся провиант в замок, выставили вокруг крепости десятки дозорных постов и полностью отрезали мятежников от внешнего мира.

Приближался момент штурма, главная роль в котором отводилась ниндзя. Необходимо было провести последнюю разведку. До штаба бакуфу дошли сведения, что мятежники узнали о регулярном посещении замка лазутчиками, поэтому речи о том, чтобы свободно проникнуть в Хара, как было раньше, идти не могло. На это задание был послан отобранный из ниндзя «отряд самоубийц» (кэсси). Чтобы проникнуть в замок, ниндзя применили хитрость.

Внезапно во мраке ночи со стороны лагеря Токугавы прогремел чудовищной силы залп из аркебузов, повергший в растерянность защитников крепости Хара. Неужели начался штурм? Но это оказался знаменитый приём ниндзя – «ружье тысячи облаков». Залп был произведен в воздух и оказал необходимое действие – осажденные, думая, что стрелявшие целятся по огням, горевшим на сторожевых башнях, тут же загасили факелы. Два знаменитых ниндзя, Аракава и Мосидзуки, под покровом темноты начали карабкаться на стену. Одеты они были точно так же, как и защитники замка. Перемахнув незамеченными через стену, оба синоби затесались в ряды своих врагов на башнях, и, когда факелы вновь запылали, Аракаву и Мосидзуки никто не заметил. Ниндзя внимательно осмотрели всю систему обороны замка и даже выкрали один из флагов, который развевался на центральной башне, дабы отчитаться перед своими хозяевами о том, насколько далеко они проникли. Пора было уходить, но тут кто-то увидел среди солдат двух чужаков – поднялась тревога, ниндзя под градом стрел и пуль вынуждены были бежать из замка. Истекая кровью, они все же сумели спастись и донести добытые сведения, столь необходимые для окончательного штурма (Ямагути. С. 59–64).

Вскоре прозвучал сигнал к штурму замка Хара, который начался с обычной «тайной

атаки» ниндзя, посеявшей неразбериху в рядах мятежников. Через несколько часов войска Токугавы, следуя подробному плану, составленному с участием синоби, ворвались в замок, и крепость пала.

Кризис воинской культуры

Теперь Япония пребывала в мире; и хотя первое время случались мелкие выступления местных даймё против режима Токугавы, поколебать его власть уже ничто не могло. В каждом уголке Японии у Токугавы были верные синоби, которые собирали для него информацию, а порой и тихо устраняли потенциальных противников. Внешне Токугава продолжил политику Тоётоми Хидэёси, который через верных ему наместников-даймё контролировал страну. Сами даймё были сравнительно самостоятельны в управлении владениями, к тому же хитрый Токугава предлагал им еще и административные должности в центральном правительстве. Тем самым он ставил их престижное социальное положение в зависимость от стабильности собственной власти.

Если Хидэёси вполне удовлетворяло положение главы некоей конфедерации сравнительно самостоятельных даймё, то Токугава видел в этой самостоятельности немалую опасность для себя. И он создает гигантскую многоступенчатую бюрократическую систему. Теперь специальные инспекторы Токугавы, среди которых было немало преданных ему ниндзя, ездили с проверками по стране и регулировали сооружение крепостей, контролировали даже заключение браков между домами даймё. Шпионаж превратился в важнейшую часть внутренней жизни Японии периода Эдо (1615–1867), который наступил с приходом Токугавы к власти (Collcutt M. *Daimyo and daimyo culture*. – in: *Japan. The Shaping of Daimyo Culture (1185–1868)* (ed. by Yoshiaki Shimizu). Washington, 1988, p. 31).

Даймё по-прежнему оставались ведущей силой самурайства, но теперь их больше заботила не подготовка собственного воинства, а рост личного богатства. Хитроумные военачальники превращались в хозяйственных администраторов. Формально считалось, что сам сёгун назначает их своими полномочными представителями, и тем самым продолжалась традиция сюгдаймё. В присутствии высших самурайских чинов сёгуната даймё приносил клятву сёгуну на верность; затем его имя, а также название порученной ему территории заносились в специальный реестр и он получал официальное право на управление землями и народом. Даймё теперь считались прямыми вассалами сёгуна. С точки зрения самурайской морали в этом случае измена своей клятве была бы величайшим позором, хотя в реальности даймё сдерживал скорее жесткий контроль шпионов-синоби, которые превратились из наемников в строгих официальных инспекторов.

Даймё получали со своих земель официальную «стипендию» – приблизительно 10 тыс. коку риса в год. Появляются богатые самураи, которые также имели доход в 10 тыс. коку риса, но при этом не являлись даймё. В частности, ими были хатамото («знаменосцы») – воины, которые когда-то считались членами личной охраны и гвардии сёгуна, а теперь превратились в зажиточных самураев. Свои «рисовые стипендии» они получали лично от сёгуна, а поэтому были накрепко привязаны к нему, всячески стремясь поддерживать стабильность в Японии.

Шаг за шагом строилась иерархическая система Японии. Теперь близость к сёгунскому дому Токугавы определяли знатность и богатство. Выше всех находились кланы, которые состояли в кровном родстве с Токугавой и признали себя его вассалами еще до памятной битвы при Сэкигахаре в 1600 г., где Токугава доказал свое право на сёгунский титул. Звались эти кланы синпан-даймё или камон-даймё. А вот те, кто присоединился к Токугаве позже и, следовательно, лишь подчинился силе, стояли куда ниже, чем синпан-даймё. Это были прямые вассалы сёгуна (фудай-даймё) и обычные, «внешние» даймё (тодзама даймё).

Различались даймё и по размерам территории, которой они управляли: провинцией, частью провинции или просто замком с прилегающим к нему небольшим наделом. Всего Токугава установил более двадцати категорий даймё, создав тем самым стимул к повышению своего статуса через верное служение господину. Наиболее

могущественными являлись представители трёх богатейших кланов синпан-даймё, – «три дома», чей доход в сотни раз превосходил «стипендию» обычных даймё: Кии (555 тыс. коку риса в год), Овари (619 тыс. коку) и Мито (350 тыс. коку). Владения «трех домов» занимали стратегически важное положение недалеко от городов Эдо и Киото. И в то же время Токугава пытался держать их на определенной дистанции как потенциальных соперников, не привлекая на службу в свое правительство-бакуфу и учитывая то, что именно из их среды мог быть выдвинут новый сёгун (если прежний не оставил прямых наследников).

Фудай-даймё составляли костяк бюрократии того времени. Именно эти люди постепенно и начали формировать утонченную японскую культуру, столь отличную от чисто воинских традиций предыдущих периодов. Фудай-даймё имели неплохое образование, тяготели к китайским «изящным искусствам» – живописи, стихосложению и каллиграфии. Слой фудай-даймё был представлен людьми, различавшимися по своим доходам и влиянию. Здесь можно было встретить людей с доходом и в 10 тыс. коку, и в 150 тыс. коку. Количество их постепенно увеличивалось: если при Токугаве Иэясу фудай-даймё было около 90 человек, то в конце правления Токугавского режима – свыше 130. Именно они по сути и составляли правительство Японии того времени – бакуфу, а даймё высших рангов образовывали некий «совет старейшин» (родзю).

В XIX в. Японию постепенно охватывает интерес к Западу, к его научным и культурным достижениям, хотя формально она по-прежнему была закрыта для иностранцев. В 1856 г. в Эдо создается Центр изучения иностранной литературы (Бансё сирабэсё, дословно – «Центр изучения варварской литературы»). В нём активно и весьма успешно велось преподавание голландского языка, критиковались многие конфуцианские догмы, выдвигалась идея изучения западного социального опыта.

Самураи изнывали без дела и искали развлечений. Именно в период правления клана Токугава становятся популярными «кварталы наслаждений» с их веселыми певичками, романы фривольного содержания с весьма откровенными иллюстрациями. С одной стороны, утончаются и совершенствуются художественные формы, с другой – приходят в упадок регулярные занятия боевыми искусствами.

Многие самураи стремительно разорялись – воин без войны оказался не нужен японской культуре того времени. Самой взрывоопасной массой были самураи, потерявшие своего господина – ронины: отказываясь заниматься торговлей или даже получать образование, они нередко подавались в бандиты.

*Мусо Сосеки (1275–1351), великий
дзэн-буддист. Был духовным наставником императора
Го-Дайго и сёгуна Танаудзи.
Известный поэт, каллиграф и проповедник школы Риндзай*

Для даймё становилось все сложнее содержать самурайские дружины. Ряд даймё были вообще вынуждены распустить свои армии, и их воины пополнили ряды бродячих ронинов. В стране оказалось несколько сотен тысяч вооруженных и обученных боевым искусствам людей, которые не могли ничем заняться. Единственным занятием многих самураев являлось участие в тушении пожаров. Социальный кризис был налицо.

Всё большую (ударение на 1-й слог) и большую (ударение на 1-й слог) роль в обществе начали играть представители «низшего сословия» – торговцы и ростовщики. Даймё занимали у них деньги, которых отдать уже не могли. Некогда славные роды оказались в полной зависимости от торговцев. Еще в XVIII столетии по закону «кирисути гомэн» самурай мог без малейших колебаний разрубить пополам «лицо низшего сословия», чем-либо не понравившееся ему. Теперь же воины должны были идти к этим людям на поклон, прося денег и попадая в зависимость от них. Это был крах великой воинской культуры. А значит, в Японии приближалось время переосмысления роли боевых искусств.

НИНДЗЯ ВОЗВРАЩАЮТСЯ?!

Игра в ниндзя

Кажется, давно канули в Лету подвиги «воинов ночи»; ушли в прошлое штурм крепостей, хитро умные способы преодоления оборонительных рвов и методы тайного устранения конкурентов. Современная разведка действует эффективнее, превосходит по всем статьям древних ниндзя. Одним словом, искусство ниндзя должно было отмереть.

Должно... Но не умерло. Трансформировалось? Безусловно. И этот факт заслуживает особого внимания. Разумеется, использование древних методов «терпеливых» в современных условиях вряд ли стоит рассматривать всерьёз; но бум, который поднят вокруг традиции ниндзюцу и как следствие – вокруг самурайского духа, – явление не только рекламно-коммерческого, но и культурного порядка. Самурайский дух должен «достроить» в душе современного японца те структуры, которых так не хватает ему в мире технократии.

Почему о ниндзюцу, которое было прежде всего методом разведки и штурма крепостей, вдруг заговорили именно как о «тайном искусстве убивать»? Почему ниндзя стали называть «кланом смерти», хотя они подвергались опасности ничуть не большей, чем любой самурай в то время? Откуда многочисленные разговоры о «благородном духе ниндзя», хотя о благородстве наемника можно вообще говорить с большой натяжкой? Откуда весь этот экзотический антураж из черных одежд, скрывающих лица, хотя ниндзя практически никогда не обряжались в такие одеяния?

Но представим себе: могли бы рассчитывать на успех те, кто взялся бы пропагандировать средневековое армейское искусство разведки и фортификации? Думается, вряд ли кого-нибудь, кроме дотошных историков, это заинтересовало бы по-настоящему, не говоря уже о коммерческом успехе. А если ниндзюцу подать по-другому – «Невидимые убийцы», «Клан смерти», «Мистическое искусство»? Это лишь несколько названий популярных книг о ниндзя. Ниндзюцу, таким образом, переводится из плоскости исторической в область реальной боевой практики.

Примечательно, что в современной Японии ниндзя поначалу рассматривались именно как полуфольклорные персонажи, фантастические супермены вроде Бэтмена. Впервые о ниндзя активно заговорили после публикации в 1959–1962 г. серии книг «Ниндзя Бугэйтё» («Ниндзя – мастер боевых искусств»), которая была издана в виде детских комиксов! Рисунки рассказывали о забавных приключениях некоего ниндзя по имени

Кагэмару, который был оклеветан Одой Нобунагой.

Япония окончательно «заразилась» ниндзя после того, как популярность рассказов об их чудесных методах стала быстро возрастать на Западе. В 1964 г. выходит нашумевший роман Яна Флеминга «Лишь ты живешь дважды» об очередных приключениях «агента 007» Джеймса Бонда, в котором немало места посвящено описаниям якобы методов ниндзя. Японским лазутчикам приписывались небывалые подвиги и использование хитроумных механизмов. К реальным ниндзя это имело весьма косвенное отношение, но роман Флеминга, а через три года и его экранизация сделали свое дело – Запад узнал о ниндзя именно как о мастерах тайных операций и непобедимых бойцах. Современные ниндзя Флеминга стреляли из пистолетов и автоматов, бросали гранаты, при этом, конечно же, не забывая и традиционный меч. Именно здесь ниндзя описываются как люди, «облаченные с головы до ног во всё чёрное, и лишь глаза были видны в разрезе капюшона». В романе ниндзя выступали в большинстве случаев как помощники Джеймса Бонда: например, помогали ему захватить тайный объект, расположенный внутри вулкана и предназначенный для пуска космического «корабля-убийцы», способного захватывать чужие корабли в космосе. Благодаря этому удалось предотвратить начало ядерной войны между СССР и США. Публика была очарована экзотикой черных одежд и хитроумным мастерством ниндзя. Стереотип понравился и быстро прижился. С тех пор он и живет в сознании практически каждого, кто слышал о ниндзя. Современное ниндзюцу стало частью огромной рекламной и коммерческой индустрии, мало связанной с реальным наследием ниндзя.

...Этот дом ничем не отличается от других – немного вытянутый, с раздвижными наружными стенами сёдзи и внутренними стенами-перегородками фусума из плотной бумаги; пол застелен соломенными татами. Дом окружен невысокими зеленеющими деревьями и несколькими сухими стволами – символ абсолютной взаимопроникновенности жизни и смерти. В этой символике «ускользающего» все дышит покоем и отрешенностью. Но внезапно какая-то тень стремительно падает на тебя сверху. Перед тобой – живой ниндзя, закутанный в черные одежды, с коротким мечом в руках!

Но не стоит пугаться – это всего лишь демонстрация методов ниндзюцу в Ига-Уэно – главном туристическом центре Японии, где весь бизнес строится на «ночных воинах». Он располагается в префектуре Миэ, в состав которой сегодня входит известная область Ига. Здесь в местечке Уэно в XVI в. были построены несколько замков, в том числе и знаменитый Хэйракудзи, а сегодня тут располагается центр и музей ниндзюцу Ига-Уэно.

Комплекс Ига-Уэно – причудливое смешение туристического центра, этнографического музея и «парка приключений». На этой территории стоит и домик ниндзя Такаямы Тародзиро; правда, он не был построен в этом месте, а привезен для музея из Токио. В этом домике мы встречаем все классические способы защиты – двойные потолки, ложные двери и множество ловушек. В домике даже «живут» ниндзя – разумеется, актеры, среди которых есть и прелестные девушки, одетые в традиционные костюмы.

«Дом ниндзя» Ига-по-Уэно сегодня является своеобразным музеем ниндзя. Когда-то он принадлежал Тародзире Такише

Сам музей ниндзя в Ига-Уэно не отличается по своему характеру от сотен других музеев – те же застекленные витрины, в которых выставлены различные костюмы ниндзя, их доспехи, оружие. В определенном смысле его можно назвать этнографическим или краеведческим музеем области Ига.

Здесь каждый год проходит фестиваль ниндзя, на который съезжаются поклонники этого искусства со всех концов Японии и даже из других стран. Красочная процессия – люди, одетые в костюмы ниндзя самых различных цветов и вооруженные мечами, – следует по улицам города. Тут же продаются сувениры, значки, буклеты. Шествие заканчивается демонстрацией приемов, которые, как утверждается, когда-то использовались ниндзя.

По сути Ига-Уэно давно превратился в туристический центр, поэтому трудно охарактеризовать историческую и познавательную ценность его как музея. Другие районы тоже решили сделать на «воспоминаниях о традиции» неплохой бизнес. Так появились центры ниндзя в Кога, где есть даже своеобразный «полигон» для метания сюрикэнов всеми желающими. А недалеко от Сэкигахары один из больших домов, который когда-то принадлежал даймё, переделан под «дом ниндзя» с ловушками и тайными коридорами.

Многим хочется не только посмотреть на музеи, но и самим «поиграть в ниндзя». Для этого, например, сооружена целая детская «деревня ниндзя» в Нагано (по странной случайности в этом же месте располагалась современная школа разведки). Желающие могут при помощи специальных приспособлений ползать по деревьям и стенам, переправиться на особом пароме через озеро, поупражняться в бое на коротких мечах, попытаться разобраться в лабиринте коридоров и двойных потолков «домика ниндзя», побросать сюрикэны в специальные мишени и даже преодолеть полосу препятствий. Те, кто проголодался, могут сами приготовить в походных условиях пищу по рецептам ниндзя. При всей кажущейся «дикости» этого места организаторы парка, понимая, что современные «ниндзя» вряд ли проживут без некоторых благ цивилизации, оборудовали здесь же прекрасные места общего пользования и роскошный ресторан.

Индустрия ниндзя набрала обороты, превратившись в особый вид весьма доходного бизнеса, в равной степени процветающий и в Японии, и на Западе. И вскоре на фоне чисто рекламных трюков и многочисленных секций псевдониндзюцу, открывшихся на Западе, поползли странные слухи.

В начале мая 1980 г. группа террористов ворвалась в иранское посольство в Лондоне; все дипломаты были объявлены заложниками. Террористы пообещали убивать каждые полчаса по одному заложнику до тех пор, пока их требования не будут выполнены. Для штурма была вызвана специальная бригада Особой Воздушной Службы (САС),

подготовка и методы деятельности которой держались в абсолютной тайне. Люди в абсолютно черных одеждах с капюшонами, где были оставлены лишь узкие прорезы для глаз, пошли на штурм и освободили заложников.

«Все они были, безусловно, ниндзя, – заявил один из ведущих западных специалистов по ниндзюцу Рон Дункан. – Здесь присутствовали все элементы операции в стиле ниндзя» (Weiss A., Philbin T. Ninja: Clan of Death, p. 19).

Рон Дункан – один из «пионеров» ниндзюцу в США и «чернокожий ниндзя» – опубликовал немало работ по методам действий ниндзя. И все же позволим себе усомниться в том, что английские, равно как и любые другие антитеррористические бригады, являются их «потомками». Черные одежды и закрытые капюшонами лица ещё ничего не означают, а методы эффективного штурма зданий разрабатываются и без изучения средневекового японского опыта. Но в чисто рекламных и пропагандистских целях очень важно «подверстать» традицию древних шпионов к реалиям сегодняшнего дня.

Тот же Рон Дункан утверждает, что ниндзя существуют по всему миру, они проникают во все сферы общества. Они работают в ЦРУ (Р. Дункан даже называет точную дату, когда их зачислили в штат, – 1948 г.). Любое неожиданное отравление, любой удачный бросок ножа в горло уже связываются с участием ниндзя. Сегодня это понятие оторвано от своего исторического контекста, утратило изначальное содержание (да и знает ли сейчас кто-нибудь о нём?). Оно превратилось в имя нарицательное, в обобщающее наименование специалистов в области тайных покушений и секретных операций, равно как и некоего экзотического боевого искусства, не имеющего ни малейшей связи с древним искусством ниндзюцу.

Ниндзя вчера и сегодня

Опровергнуть или подтвердить эти слухи никто не мог – историки еще не занялись судьбой ниндзя, а последние носители традиции либо уже покинули сей мир, либо стояли на пороге этого. В 1966 г. умирает один из последних потомственных ниндзя, глава практически распавшейся школы Фудзита Сэйко (1899–1966). Истинность традиции Фудзита Сэйко никогда не вызывала ни у кого сомнений. Его униформа и некоторые боевые принадлежности выставлены даже в экспозиции музея ниндзя в Ига-Уэно. Этот житель Токио действительно был представителем последней школы направления Кога-рю в 14-м поколении. Что же мог делать этот удивительный человек? По его же признанию, он умел таким образом сосредоточивать свои чувства, что видел в восемь раз яснее и слышал в четырнадцать раз лучше, чем обычные люди. Тренируя нечувствительность к боли и выдержку, столь необходимые настоящему ниндзя, Фудзита вонзал в себя сотни иголок, даже не поморщившись. Был он искушен и в древнем искусстве невосприимчивости к ядам. Фудзита признавался: «Я съел немало серной кислоты, крысиного яда, ящериц, 879 стаканов и 30 кирпичей». Как оказалось, есть стаканы несложно, но вот на каждый кирпич уходит по 40 минут.

По мнению Фудзиты Сэйко, в Японии уже не осталось истинных носителей традиции ниндзюцу, да и у него самого нет достойных учеников. Поэтому тайное искусство, говорит он, «умрёт вместе со мной» (Newsweek 3 August 1964, p. 31). Признание грустное и настораживающее. Что это – завуалированная самореклама или крик боли старого мастера? Может быть, и то и другое.

Но факт остаётся фактом: сразу же после начала на Западе бума «убийц в черных одеждах» в Японии стали появляться всё новые и новые люди, объявлявшие себя носителями древних традиций ниндзя. Так поклонники боевых искусств узнали о Хацуми Масааки (род. 1931). Его историю трудно проверить, и она вызывает ряд серьёзных сомнений. Тем не менее изложим её со слов самого Хацуми. Он объявил себя потомственным ниндзя в 34-м поколении и патриархом школы Тогакурэ-рю.

Школа Тогакурэ-рю действительно была одной из древнейших школ ниндзя, рождение которой ее последователи относят к XIII в. (хотя в реальности первые упоминания о ней можно встретить лишь в источниках середины XVI в., связанных со знаменитым восстанием ниндзя в Ига). В XX в. её руководителем становится Тосицугу Такамацу

(1887–1975). По всей видимости, Такамацу был профессиональным разведчиком, выполнял ряд тайных заданий в Маньчжурии, во Внутренней Монголии, других областях Китая. По его же собственным признаниям, там он активно практиковал ушу, а за подвиги во Внутренней Монголии его даже прозвали «монгольским тигром». Благодаря этому сегодня многое из арсенала северных школ ушу можно встретить в Тогакурэ-рю.

К концу жизни Такамацу поселяется в древнем городе Нара, где открывает небольшую школу. Многие специалисты сегодня высказывают небеспочвенное мнение о том, что никакого отношения к Тогакурэ-рю Тосицугу Такамацу не имел, хотя и считался неплохим мастером боевых искусств. Скорее всего он просто был прекрасно подготовленным профессиональным разведчиком нового поколения; к тому же не стоит забывать, что многие методы старых ниндзя изучаются и в современных разведшколах.

Именно к этому человеку в 1958 г. попадает Хацуми Масааки. До встречи с Тосицугу Такамацу будущий ниндзя перепробовал массу профессий: будучи выпускником факультета искусствоведения, подрабатывал каллиграфией, затем содержал небольшую частную медицинскую консультацию, преподавал дзюдо и каратэ. К 1958 г. он уже обладал 6-м даном по стилю Ситорю каратэ и 4-м даном по дзюдо.

Пятнадцать лет провёл Хацуми в школе старого Такамацу, который, уходя из жизни, завещал школу своему любимому ученику – во всяком случае, так утверждает сам Хацуми.

Хацуми мало волнуют колкие упоминания о том, что никакой прямой преемственности от старых носителей Тогакурэ-рю к Такамацу, а следовательно, и к самому Хацуми не прослеживается. Более того, ни один из других учеников Такамацу никогда не утверждал, что обучался Тогакурэ-рю.

Яркая реклама, многочисленные интервью, съёмки видеофильмов, десятки пособий и учебников резко отличают школу Хацуми от прежних ниндзя, которые всегда хранили своё искусство в тайне и даже избегали называть себя «ниндзя», стремясь «быть как все». В 1982 г. Хацуми предпринимает масштабное турне по США; в августе 1988 г. посещает Великобританию, где рассказывает о ниндзюцу как о «самом эффективном способе шпионажа, диверсий и устранения соперников». С тех пор он начинает ежегодно проводить зарубежные семинары, открывая собственные клубы ниндзюцу в Западной Европе и США. Сегодня он живёт в городе Ноба префектуры Тиба, где содержит большую школу, устроенную уже во многом на манер современного клуба.

В 1975 г. к Хацуми в Японию приезжает американец Стивен Хайс и становится его учеником, а уже через год получает инструкторский сертификат, возвращается в родную Атланту и начинает там преподавать. Такой рекордно короткий срок обучения выглядит по меньшей мере странным, если вспомнить, что в традиционной Японии ниндзя обучались с детства и затрачивали на овладение даже основами мастерства много лет. Правда, Хайс в 1977 г. вновь приезжает в Японию, где с небольшими перерывами пребывает до 1980 г. Так или иначе, Хайс является единственным официальным представителем ниндзюцу в США и раз в три-четыре года наведывается в Японию. Он же и основной пропагандист ниндзюцу на Западе, опубликовавший около десятка книг, наполненных колоссальным количеством исторических ошибок. И всё же эти книги и журнальные публикации в немалой степени подогревают интерес к ниндзюцу.

Ипаба Иттэцу (1516–1588), младший сын правителя провинции Мино Инабы Митинори. Был священником в монастыре Суфукудзи. Когда в 1525 г. клан Асаи из Оми захватил Мино, а отец и пять братьев Инабы погибли, он, став лидером клана, вновь вернулся к воинским делам, не слагая с себя монашеской рясы. За своё мастерство в бое на мече получил прозвище Иттэцу – «Единая сталь»

Одну из своих статей Стивен Хайс озаглавил: «Смертельные ниндзя живы и здравствуют в Японии!». Но те ниндзя, которые «живут и здравствуют», – изобретение сегодняшнего дня. На Западе практически всюду можно получить «диплом ниндзя», пройдя ускоренный курс из некоего суррогата боевых искусств, армейской подготовки и художественной самодеятельности; купить краткое пособие по тайнам управления энергией посредством переплетения пальцев, приобрести любую часть экипировки «ночного воина» от когтей для лазания и коротких мечей до черных тапочек с отделением для большого пальца ноги, чтобы удобнее было карабкаться на деревья.

Кого называли «ниндзя» в старой Японии? Это понятие изменялось со временем. Например, в XV в. к ниндзя причислялись практически лишь жители двух провинций – Ига и Кога, которые традиционно служили наемниками в войсках богатых даймё. Чуть позже это понятие расширилось. Ниндзя уже считались те, кто занимался армейской разведкой. С XVI в. отряды синоби превратились в разведподразделения, которые были в любой самурайской армии. Они отвечали за ведение партизанской войны и вообще любых военных действий, которые не вела регулярная армия; им же поручалось планирование штурма крепостей. И лишь с конца XVI в. синоби служат телохранителями у богатых самураев, заодно устраняя тайным образом их конкурентов.

Постараемся сформулировать чётко, что же такое «ниндзюцу». Ниндзюцу – это средневековое искусство проведения тайных операций, ведения разведки, партизанской войны и штурма крепостей. Весь экзотический антураж – черные одежды, метательные сюрикэны, хитрые приспособления, яды, искусство невидимости – это вторичные, некие вспомогательные средства для выполнения заданий. В чистом виде ниндзюцу отмерло, хотя отголоски его живы и по сей день. Причём говоря об «отголосках», я имею в виду, конечно, отнюдь не какие-то конкретные приемы, но сами традиционные методы подготовки. А они как были секретными в древности, так и остались секретными по сей день. Эти методы действительно сегодня переключались в арсенал японской разведки.

В частности, речь идёт о формировании в человеке особой психологической установки на выживание любой ценой для выполнения задания.

Вчитаемся в признание одного из людей, которого готовили именно по такой методике. Это уже знакомый нам Онода Хиро, продолжавший свою войну в джунглях Лубанга через 30 лет после того, как она была официально закончена: «Наше обучение сильно отличалось от того, которое мы получили в офицерском училище. Там нас учили ни о чем не думать и лишь вести свои подразделения в бой, будучи готовыми умереть, если это необходимо. Единственной целью было атаковать противника и убить как можно больше врагов до того, как убьют тебя. В Футамата (с 1944 г. здесь располагалось отделение разведшколы Нагано. – А. М.), однако, мы научились тому, что целью является остаться в живых и продолжать бой в качестве партизан как можно дольше, даже если это повлечет за собой такую ситуацию, которая в нормальных условиях рассматривалась бы как позор» (Onoda. Op.cit, p. 32).

Предельный практицизм – вот что отличало тактику настоящих ниндзя. Погибнуть с честью – это благородно, красиво, но всё же крайне непрактично. Обратим внимание – в офицерской школе слушателей учили поступать именно так, как подобает самураю. Так и поступали многие японские офицеры и солдаты во время Второй мировой войны. А вот разведшкола Нагано формировала у своих выпускников именно психологическую установку ниндзя – выжить, пусть даже за счёт утраты достоинства.

Онода Хиро признавался: «Нас учили, что разрешается даже сдаваться в плен. Нам объясняли, что, став пленниками, мы должны давать врагам ложную информацию. На самом деле мог наступить даже такой момент, когда мы сами должны были позволить нашим врагам захватить нас... Практически никто не должен был знать о нашей службе нашей стране – такова была судьба тех, кто вёл тайную войну» (Ibid, p. 33). Здесь сохранена сама психология ниндзя, которая была усвоена из средневековой традиции современной японской разведкой.

Такое же воспитание ниндзя получил человек, имя которого известно сегодня каждому, кто увлекается каратэ. Это патриарх японского направления Годзю-рю каратэ Ямагути Гогэн. Он был одним из организаторов агентурной сети в Маньчжурии во время Второй мировой войны. Попав в плен, он не раз оказывал мелкие услуги советскому командованию, развлекал советских солдат демонстрацией искусства каратэ, хотя это на первый взгляд было явным нарушением всякой самурайской этики. Правда, при этом он создал среди заключённых подпольную организацию и стал терроризировать всех несогласных и желающих сотрудничать с советской администрацией. Это классическое поведение ниндзя. Мы без труда замечаем в его действиях приёмы, известные ещё со времён средневековья. Действительно, шпионаж в Японии превратился в особую часть культуры.

Вглядываясь в историю создания современных стилей японских боевых искусств, мы обнаружим, что во многих ситуациях они были стимулированы продолжателями не столько самурайской культуры, сколько культурно-психологических традиций ниндзюцу. И в этом списке мы с удивлением встретим такие всемирно известные системы, как многие стили каратэ, Сёриндзи кэмпо и даже айкидо.